КРАХ СССР

ПЁТР ФИЛИППОВ

Я БЫЛ В РАССТРЕЛЬНОМ СПИСКЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На какие деньги распался СССР, а к власти пришли радикальные либералы? Больше двадцати лет прошло с момента гибели СССР, а мы так ничего и не знаем о трагической подоплеке тех лет. И на многие вопросы ответ может дать только Петр Филиппов. Автор идеи приватизации, легендарный руководитель Ленинградского Народного фронта рассказывает о том, как он финансировал Гайдара, спасал от смерти семью Чубайса, откуда брали деньги перестроечные демократы и кто приговорил его к расстрелу.

Эта книга займет достойное место рядом с «Властью в тротиловом эквиваленте» Михаила Полторанина.

- Петр Филиппов
  -
  - Тюльпаны
    - Дискуссия о высшем образовании. «Белый бунт»
    - Житие при советской власти
    - Административно-командная система
    - Прозрение
    - Спортивная школа
    - Страх и железный занавес
    - Наши дискуссии
    - Паруса
    - Тюльпаны
    - Изыски цветочной технологии
    - Вычислительный центр
    - Механик на автобазе
    - Служащий ВМФ
    - «Доры» и катер
    - Клуб «Перестройка»
    - Ленинградский народный фронт
    - Первомайская демонстрация
    - Уникальный Ленсовет
    - Семинары на Ладоге
    - Митинг против андреевских принципов
    - На съездах народных депутатов
  - Всегда ли прав народ?
    - ГКЧП
    - Указ о свободе торговли
    - Деньги-«фантики»
    - Гены и традиции

        - За что погибли люди на Гражданской?
        - Частное или государственное?
        - Кооперативный тупик
        - Интересы частные и общие
        - Как приватизировать?
        - Директорская приватизация
        - Заводы — на металлолом?
        - Волонтеры-добровольцы
        - Всегда ли прав народ?
        - Партии или одномандатники?
        - Причины политического противостояния в 1992–1993 годах
        - Вся власть Советам или правительству реформ?
        - Октябрь 1993 года
        - Новая Конституция России
        - Аналитический центр
        - Кризис неплатежей
    - По морям, по волнам
        - Партия «Демократический выбор России»
        - Экономический спад
        - Нужна ли пропаганда иного образа жизни?
        - Проект указа о земельной реформе
        - Сможем ли мы самоуправляться?
        - «Гражданская инициатива»
        - Справочник «Социально-экономические проблемы России»
        - Через Черное море
        - «Сандибаар 35»
        - По морям, по волнам
        - Спор на острове Лесбос
        - На мели в Дудиме
        - Уроки 1990-х
        - Наша «управляемая демократия»
        - «Естественное» государство, или «Капитализм для своих»
        - Негативная селекция
        - Раздвоение нашего сознания
        - Государства свободного доступа
        - Как там живут?
        - Будущее зависит от каждого из нас
    - Об авторе
- notes
    - 1
    - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Петр Филиппов
Я был в расстрельном списке

Эта книга — попытка поделиться с читателем опытом решения нестандартных задач, показать, что обычный человек может многое. Надо только очень хотеть и упрямо стремиться к цели. Даже если цель такая неподъемная, как введение в России института частной собственности и установление рыночных отношений. Дорогу осилит идущий!

Натужно ревели двигатели самолета. Я сидел в кресле, рассеянно глядя в иллюминатор. Кто-то тронул меня за плечо и положил передо мной на столик раскрытую книгу. На ее странице был напечатан список «врагов народа», подлежащих расстрелу, если сторонники авторов книги придут к власти. Первым в этом списке стоял Борис Ельцин. Мое место было почетное — восьмое.

За что такая ненависть? Наверное, за то, что был соавтором законов о частной собственности, о предприятиях и предпринимательской деятельности. А когда встал вопрос об ограничении рамками права стихийной приватизации, возглавил Подкомитет по приватизации Верховного Совета России, разрабатывал законодательство о приватизации. Короче, расстрелу подлежал за то, что старался вернуть в Россию рынок и капитализм, вывести ее из исторического тупика административно-командной системы.

Тюльпаны

Дискуссия о высшем образовании. «Белый бунт»

Плывите против течения и тогда вы увидите другую сторону этой жизни.

Арсентий Трук

Все началось, наверное, с институтской дискуссии о высшем образовании. До четвертого курса я общественную активность не проявлял. Учился на инженера-радиотехника в Ленинградском институте авиационного приборостроения и подрабатывал программистом в вычислительном центре. А еще читал переводные книжки по экономической кибернетике. Они-то меня и завели.

Передо мной встали вопросы: по каким критериям чиновники принимают решения? Кто отвечает за результат и достоверность исходной информации? Как они умудряются управлять народным хозяйством так, что везде и во всем дефицит, за всем очереди? Вопросы для того времени крамольные. Они раздражали нашего преподавателя по научному коммунизму, который вел в группе семинар. А моим товарищам вопросы нравились. Преподаватель пытался меня образумить, но безуспешно. Пришлось наказать. Поставил тройку на экзамене, чтобы лишить стипендии. Друзья смеялась: «Ты лучше всех нас в экономике разбираешься, а схлопотал три балла. Не выступай!».

Но вопросы, возникнув, понуждали к действиям. И как-то само собой получилось, что меня избрали заместителем секретаря факультетского бюро ВЛКСМ по идеологии. По какой идеологии? По марксизму-ленинизму? В те времена таким вопросом не задавались. Отчитывались перед райкомом ВЛКСМ вывешенным в коридоре плакатом: «Советское — значит, отличное!» А мне хотелось большего. Не просто понимать причины и следствия происходящего, а навести порядок. Хотелось перемен, если не в стране, то хотя бы в том, как нас учат.

Из журнала «Социалистическая Чехословакия» я узнал, что в этой стране специалистов готовят совсем не так, как у нас. У них главным было научить студента самостоятельно решать вопросы по специальности — находить и устранять неисправности приборов и машин, проектировать и испытывать новые изделия. Не заучивать формулы, чтобы после экзамена их забыть, а уметь разбираться в проблеме, пусть даже с инструкциями и справочниками в руках. Этот подход отчасти напоминал наши

курсовые проекты. Но у нас это было исключением, а у них весь процесс был настроен на обучение практическим навыкам. Разница огромная.

Это проявлялось на экзаменах. У нас ответил на вопросы билета — и свободен. У них студенту дают задание, скажем, спроектировать каскад радиоусилителя. Он может пользоваться конспектами и книгами, но не вправе с кем-то советоваться. Цель экзамена — проверить умение работать в условиях, близких к реальным. Естественно, такой экзамен требовал много времени, и студенту на него давался целый день.

А наши выпускники не умели ни проектировать, ни разрабатывать технологические процессы, ни проводить простейшие эксперименты. Если выпускнику повезло, и он попал в хорошую «контору», где у него появлялся заботливый наставник, то через несколько лет он, возможно, и станет специалистом. Но это, если повезет.

Я решил, что лучшей идеологической работой среди студентов будет дискуссия об образовании. Ее тему мы определили поэтически: «Что есть студент — сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Нашли в Ленинградском электротехническом институте пожилого профессора, который по собственной инициативе учил и экзаменовал студентов по методике, похожей на чешскую. Пригласили его на дискуссию, не забыли позвать своего ректора и преподавателей с наших кафедр. Загодя подготовили несколько аргументированных выступлений студентов.

Ректор на инициативу посмотрел косо: «Будете еще указывать, как вас учить!». Тем не менее на дискуссию пришел и попытался выставить чудаком приглашенного профессора. Но были и выступления преподавателей в нашу поддержку. Впрочем, большинство из них, вторя ректору, упирали на личные качества самих студентов: «При чем тут система? Если хочешь, то научишься! Вы сами гонитесь за оценками, а не за знаниями, сдаете экзамены ради диплома». Они, конечно, были правы, у нас действительно в стране в цене бумажка, а не квалификация. Однако проблему неэффективности советской системы высшего образования это не снимало. Студенты же чужого профессора горячо поддержали.

Но настоящие испытания для меня наступили позже. Никиту Хрущева его коллеги по Политбюро ЦК КПСС сместили с должности первого секретаря, проще говоря — лишили статуса верховного правителя страны. Спустя некоторое время Верховный Совет СССР единогласно проголосовал за то, чтобы разрешить крестьянам иметь домашний скот. Мы удивились. Ведь при Хрущеве

Верховный Совет в том же составе «проштамповал» закон, запретивший колхозникам иметь живность. Предполагалось, что таким образом удастся заставить их лучше работать в колхозах и тем самым увеличить производство сельхозпродукции.

Надо отметить, что до хрущевского запрета большая часть скота в СССР ютилась на подворьях. Приняв драконовский закон, Верховный Совет пустил этот скот под нож, и его поголовье в стране резко сократилось. Но Верховный Совет не сам разрабатывал законопроекты, он послушно исполнял волю партийной бюрократии. Все было похоже на практику нынешней Государственной Думы: законопроекты разрабатываются в администрации президента и, внесенные президентом, проходят через парламент со стопроцентной вероятностью. А тогда Хрущев решал, Политбюро одобряло — Верховный Совет без обсуждения голосовал «одобрямс». В нем не было ни дискуссий, ни нынешней «карманной» оппозиции.

«Реформатора» Хрущева коллеги от власти отодвинули, но людям что-то надо есть! Прежних буренок зарезали, а новых плодить некому. Тогда новая власть в лице Леонида Брежнева и его сотоварищей отыграла назад, позволила колхозникам заводить домашний скот. Маневр не удался, колхозники уже не захотели иметь скот. Рано вставать, животных кормить, сено заготавливать, да еще на мясокомбинат животных не сдать — всегда очередь. И боязно — вдруг опять запретят. Если до запрета в какой-нибудь деревне было сто голов крупного рогатого скота, то после его отмены три-четыре.

И у нас, студентов, возник вопрос: что же это за депутаты — избранники народа, которые единогласно голосуют за то, чтобы скот — под нож, а потом, спустя несколько лет, также единогласно за то, чтобы разрешить его держать? Кто наш депутат? Давайте пригласим его на комсомольское собрание, пусть отчитается о своей деятельности. Тем более что такие отчеты закон дозволяет. Будем исполнять его на практике.

Вынесли это предложение на комсомольское собрание потока. Таких бурных споров я никогда не слышал. Ребята смело держали крамольные речи. А на задней парте примостился тот самый преподаватель научного коммунизма, который меня перевоспитывал. Он что-то бегло строчил в блокнотике, а когда собрание закончилось, побежал в партком. Партком по тревоге собрался поздно вечером. Признали, что в институте имеет место «белый бунт», его зачинщик — заместитель комсомольского секретаря по идеологии, то есть я. Решили выгнать меня с «волчьим билетом», девятерых активных ораторов тоже представить на отчисление, а нашу группу расформировать.

Такой была в СССР свобода слова и собраний. К счастью, все обошлось благополучно. Возможно, это было связано с тем, что ректору за «белый бунт» пришлось бы отвечать перед райкомом партии. Зачем тогда сор из избы выносить? А может, наш секретарь парткома просто порядочным человеком оказался. Не знаю.

У меня был друг — Виктор Тихий. Его невеста со школы дружила с дочкой секретаря нашего парткома, они жили рядом в пригороде Ленинграда, в Красном Селе. Виктор позвонил мне тем вечером и говорит: «Дуй к нам. Девушки упросили отца с тобой переговорить». На ночь глядя я поехал за город к секретарю парткома домой. Ничего ему не сказал против своей совести, выложил все, как думал: неправильно, когда депутаты безответственны, нельзя принимать решения, не просчитав последствий, и, вообще, нам нужно мир изменить, сделать его честнее. Он слушал молча. На следующий день решение парткома переписали. Нашу группу расформировывать не стали. Дело замяли, дали мне закончить институт, но из заместителей по идеологии выгнали. С парламентским «одобрямс» мы разобрались позже, когда наступило время «перестройки» и прошли первые свободные выборы депутатов Верховного Совета РСФСР.

Житие при советской власти

Иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать.

Петр Чаадаев

Лучше всего характеризует жизнь при советской власти слово «дефицит». Дефицит всего и вся. Этого не понять людям, ставшим взрослыми после краха СССР. Простой человек не мог купить себе достаточно продуктов, приличной одежды и обуви. Можно было кое-что приобрести на колхозном рынке, но цены там были заоблачные, а зарплата у людей — мизерная.

Предприятия также находились в тисках дефицита. Не хватало сырья, оборудования, комплектующих изделий. Но если заводам и фабрикам хотя бы спускались лимиты и наряды Госснаба, по которым они могли что-то требовать от поставщиков, то граждане должны были все «доставать», то есть ловчить, искать блат или выстаивать в огромных очередях, часто без всякой надежды, что им что-то достанется.

Приходя в универмаг и видя очередь, советский человек не спрашивал, за чем стоят. Он занимал место в очереди и только потом шел узнавать, насколько для него этот дефицит актуален. Даже если какая-то вещь ему сейчас была не нужна, он покупал ее впрок. Так, у моей тещи было штук сто кусков хозяйственного мыла. И если бы в магазине «выбросили» его вновь, она бы еще купила, благо мыло есть не просит, а в хозяйстве пригодится.

Возникала ситуация, которая поражала иностранцев: в магазинах пусто, а в гости придешь — на столе достаточно еды. Запасы каждой семьи, умноженные на число семей в масштабах страны, выливались в миллионы штук, пар, тонн, кубометров. У моей соседки-пенсионерки в шкафу хранилось 30 пачек индийского чая, у коллеги по работе в чулане гроздьями свисала туалетная бумага. Справиться с таким искусственным спросом никакая промышленность не в состоянии. Если не работает «невидимая рука рынка», а цена ниже уровня равенства спроса и предложения, то «черная дыра» ажиотажного спроса не закроется.

В условиях рынка при повышении спроса цены автоматически повышаются, ограничивая его. В экономике это называется «эластичностью спроса по цене». Когда же цены искусственно зафиксированы, а товар в дефиците, никто не думает о

соотношении цены и качества. Есть возможность купить — покупай!

На третьем курсе института я завербовался в геологическую партию в Сибирь — копать шурфы и попутно работать поваром. По берегам Енисея мы собирали содержащие углерод древние останки, чтобы изотопным методом определить возраст пород. Проработав все лето, я получил расчет и по дороге в Ленинград заехал в Москву. Хотел купить новые туфли. Обегал весь город — не удалось. Шел тогда 1965-й год.

Сегодня парень, пригласивший девушку в кафе, даже не задумывается, где найти свободный столик. Кругом полно мест. А когда я был студентом, у нас на весь район было одно кафе «Невские зори», и в нем девять столиков. Для того чтобы попасть в него вечером, надо было простоять в очереди часа два — чтобы выпить кофе, но не поговорить. Ибо столики были на четверых, и официант всегда, не спрашивая, подсаживал к вам еще одну пару.

Когда приоткрылся железный занавес, и в СССР стали допускать иностранных туристов, образовался нелегальный рынок скупки и перепродажи импортных шмоток. Молодых людей, делавших на этом свой бизнес, называли фарцовщиками. В моей группе было несколько ребят, которые скупали у интуристов эластичные носки и перепродавали, получая, по нашим меркам, просто сказочный доход. Фарцовщики промышляли у гостиниц, где их отлавливали дружинники-комсомольцы. А милиция фарцовщиков «крышевала» и, получив отступные, отпускала.

Люди думали одно, говорили другое, делали третье. Это называли двоемыслием. Оно затрагивало и быт. Пресса призывала «жить честно», терпеть все тяготы дефицита, а работники сферы торговли делали на дефиците огромные деньги. Я оказался свидетелем сценки в здании народного суда, когда судьи и их помощники, побросав дела, на черной лестнице покупали импортные туфли у женщины, имевшей связи в обувном магазине. И судьи, которым завтра, возможно, придется судить эту, как тогда говорили, спекулянтку, благодарили ее и переплачивали две-три цены, не чувствуя угрызений совести.

Советский человек теоретически купить мог автомашину. Но для этого ему нужно было стоять в очереди лет пятнадцать. Кому-то везло этот срок сократить, воспользовавшись квотой своего предприятия или льготой ветерана войны. «Жигули» первой модели стоили три с половиной тысячи рублей, а продать их на рынке можно было тысяч за десять. Но продавца поджидали сотрудники милиции, ведь продажа товара по свободной цене считалась уголовным преступлением, за нее, если не откупишься, давали срок.

Партийная номенклатура, то есть чиновники высокого ранга, тягот дефицита не испытывали. Для них были открыты спецраспределители. Там можно было по смешным ценам приобрести модную импортную одежду, радиоприемники, магнитофоны. Это был настоящий рай для начальства, там продавалось то, что простому человеку было недоступно, например копченая колбаса. Это сейчас в супермаркете десятки ее сортов, а тогда многие даже не знали ее вкуса.

Наличие спецраспределителей скрывалось. Цензура вымарывала фразы о них из газет и литературных произведений. У этих заведений отсутствовали вывески, вход был со двора, где дежурили милиционеры, имевшие право задержать излишне любопытных. Проход — только по пропускам, которые для их обладателей были важнее всего на свете. Привилегии охранялись строго. В обкоме КПСС рядовой член КПСС мог попасть в любой кабинет, но только не в столовую — то была святая святых обкома.

Пожилые ленинградцы рассказывали, что спецраспределители сохранялись и во время блокады Ленинграда, когда люди ели не только крыс, но и плоть умерших земляков. А партийные бонзы пили коньяк и закусывали свежими фруктами. О спецраспределителях знали многие, но предпочитали молчать. Они исходили из того, что по-другому быть не может: у царя был царский огород и царские колбасы, теперь они у генсека и его людей, Мы же будем довольствоваться тем, что у нас есть. Растили на своих дачных участках картошку и лук — тому и радовались.

Чем же был вызван всеобщий дефицит? Что касается продуктов питания, то он — следствие сталинской коллективизации, когда наиболее предприимчивых и трудолюбивых крестьян раскулачили, выслали в Сибирь или расстреляли. В деревнях остались ленивые, которые за «галочки» трудились в колхозах, точнее, делали вид, что работали. А что можно было ждать от новых крепостных? В ходе индустриализации заводам потребовались рабочие руки. Работать за «галочки» в колхозе и жить впроголодь молодые парни не хотели и, отслужив в армии, всеми правдами и неправдами оставались в городах. В итоге деревня осталась без работников. На черноземах в СССР колхозники умудрялись получать вдвое меньше урожай, чем немцы до войны — на суглинках Восточной Пруссии.

Непоправимый ущерб деревне нанес голодомор 1932–1933 годов, когда голод, вызванный конфискацией всех продовольственных запасов у крестьян, привел к смерти миллионов крестьян. В приговоре киевского суда от 13 января 2010 года по делу организаторов голода (Иосифа Сталина и других

представителей власти СССР и УССР) приведена цифра 3,9 млн человек. На голодную смерть людей обрекали, чтобы выполнить планы по индустриализации, торопясь в обмен на зерно завезти из Германии промышленное оборудование.

Проблема дефицита продовольствия обострилась в середине 1950-х годов. Прокормить разросшееся городское население колхозная деревня уже не могла. Но правящей партийной номенклатуре повезло — в Тюмени открыли богатые месторождения нефти. Правители СССР увидели выход в том, чтобы экспортировать нефть и покупать хлеб за рубежом. В Канаду и США пошли танкеры с нефтью, обратно — с зерном. В СССР из него выпекали хлеб или скармливали скоту. Этим и закрывали брешь. Но не полностью, дефицит остался. В Новосибирске, где мне пришлось работать в конце 1980-х годов, мы могли купить по талону на месяц два килограмма мяса на семью.

Про «колбасные электрички» барды слагали песни. Это были электрички из соседних с Москвой областей, битком набитые людьми, ехавшими в столицу купить колбасу. Власти не хотели портить витрину социализма в глазах иностранцев, поэтому Москва и Ленинград снабжались по повышенным нормам. В других городах с продовольствием было намного хуже.

Если жизнь при советской власти оказывалась такой тяжелой, то почему значительная часть россиян сегодня хотела бы вернуться в прошлое, жить при социализме? По данным социологов, об этом говорят и молодые люди, социализма не нюхавшие. Одна из причин — влияние семьи, стариков. «Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли, фонтаны били голубые и розы красные цвели». Тяготы жизни в те годы ложились на родителей, а жизнь юных была полна впечатлений. Об этом своем ощущении радости жизни бабушки сегодня рассказывают внукам. И почему им не верить? Но к реалиям тогдашнего положения страны эти ощущения отношения не имеют.

Административно-командная система

Как только правительство начинает управлять, это расстраивает естественное равновесие промышленных отношений, и каждое вмешательство требует большего бюрократического контроля, пока не заканчивается тиранией тоталитарного государства.

Адам Смит

Если дефицит продовольствия можно объяснить неэффективностью колхозно-совхозной системы, то чем был вызван дефицит сырья и оборудования? Что это была за экономика? То, что мы имели в СССР, называть экономикой трудно. Ведь экономика — это деньги, цены, банковские проценты, прибыль и, главное, рынки — регуляторы экономической деятельности. А они у нас отсутствовали. Их место занимала бюрократическая вертикаль — иерархия начальников, координировавших хозяйственную деятельность с помощью приказов и распоряжений. При фиксированных, предписанных государством ценах не имела реального значения эффективность капиталовложений: «Что начальство приказало, то и будем строить». Денежное обращение носило сугубо подчиненный характер, рубли были «деревянными», на них, не имея лимитов и нарядов, предприятия ничего не могли приобрести. Эту систему правильнее называть не экономикой, пусть даже социалистической, а административно-командной системой.

Интересы людей, работавших в административно-командной системе, толкали их на контрпродуктивные действия. Можно было бы сказать аморальные или неестественные. Но почему неестественные? Допустим, вы — прораб и получаете задание выкопать канаву. Начальство не знает, какой там грунт — песчаный, глинистый или скалистый. И вы не знаете. Вас спрашивают: сколько вам нужно землекопов? Понимая, что от того, будет выкопана канава в срок или нет, зависит ваша карьера, вы запросите больше рабочих. И чем больше, тем лучше. Поведение вполне рациональное.

Если грунт окажется легким, вы скажете рабочим, чтобы они не торопились. Срок дан — 3 дня, значит, 3 дня, и будем копать с

перекурами. И вам нельзя признать неоправданность заявленного числа землекопов, испортите свой имидж в глазах начальства.

Такая же система отношений действовала на всех этажах производственной иерархии. Не важно, дома строили или производили самолеты. В каждом цехе, на каждом участке главным для руководителей было выполнить план, то есть произвести столько деталей, станин, валов, шестеренок, сколько задано. Иначе последует наказание. «План — это закон!» — таким был лозунг компартии.

Но если это так, то у любого руководителя есть два способа его выполнить. Один (глупый) — напрягаться. Сегодня напряжешься, а завтра, по устоявшемуся порядку «планирования от достигнутого», добавят еще — и план будет неподъемным. Другой (разумный) способ — обосновать, что спускаемый план невыполним по объективным причинам, в доказательство представить расчеты, основанные на «правильных» нормативах. Ведь любое изделие (станок, автомобиль) состоит из тысяч деталей, а каждая деталь в процессе изготовления проходит десятки операций. И на каждую нужен норматив, не какой-то там общесоюзный, а с поправками на конкретные условия вашего предприятия. Сумеете обосновать — плановое задание вам срежут или сразу установят на желанном уровне.

В конце 1970-х годов я работал начальником Вычислительного центра на Ленинградском заводе подъемно-транспортного оборудования имени Кирова. Предприятие выпускало портальные краны. Для изготовления каждого надо было выполнить десятки тысяч деталеопераций. Проекты трудовых и материальных нормативов по всем операциям, сведенные в десятки огромных томов, следовало утвердить в министерстве. Именно на их основании министерство спускало заводу натуральные показатели плана — число кранов, которое надлежало заводу произвести. И выделяло под это ресурсы: численность работников, фонд зарплаты и лимиты на металл, комплектующие, энергию.

Проверить объективность проектов нормативов было нереально, поэтому никто и не проверял. В министерстве писали на томах резолюцию «сократить на 15 %». Но на заводе тоже не лыком шиты — проекты нормативов заранее завышались вдвое. И завод получал дополнительные ресурсы вполне законно. Директор действовал строго в своих интересах. А чиновники министерства ничего не могли изменить, да и не хотели.

Проектируя автоматизированную систему управления на одном из «почтовых ящиков», я столкнулся с тем, что завод завысил нормативы трудоемкости на новую радиостанцию в 20 (!) раз. На мой вопрос к технологам, зачем они так сделали,

последовал ответ: «Нам каждый год приходится рапортовать о росте производительности труда. Если не припишем, то не отчитаемся».

Даже имея завышенные нормативы, с выполнением плановых заданий хозяйственники часто не справлялась. Для того чтобы не попасть в разряд «вредителей», они приезжали в декабре в свои министерства с просьбой скорректировать планы. Это массовое нашествие директоров остряки прозвали «движением декабристов». Директора подарками и взятками старались умаслить министерских чиновников, правдами и неправдами добиваясь снижения плановых заданий уходящего года. Когда это удавалось, предприятия по мановению министерской волшебной палочки превращались из отстающих в передовые. Так в недрах административно-командной системы формировался особый бюрократический рынок — рынок взаимных услуг, взяток, подарков и послаблений.

Административно-командная система была затратной по своей сути. Если руководители всех уровней стремятся получить больше ресурсов для выполнения плана, то экономика поражается неизлечимой болезнью. Вот ее признаки: угля и металла в СССР добывалось больше, чем в США, в полтора раза, а машин, станков и прочего оборудования выпускалось значительно меньше. Причем от года к году ситуация становилась все хуже и хуже. Станки, которые поставлялись на наш завод, по своей производительности были на уровне 1930-х годов, а по цене — в несколько раз выше. Советский автомобильный двигатель имел ресурс 150 тыс. км, в то время как шведский — 2 млн км.

Опыт Северной Кореи показывает, что если сконцентрировать ресурсы на разработке ядерного оружия и ракет, то можно это сделать и в нищей стране. Впрочем, придется миллион человек уморить голодом, а остальных оставить раздетыми. Но разве это цена для власти, которая жаждет, чтобы ее боялись? Так же как в Северной Корее сегодня, в СССР в те годы все силы и ресурсы были брошены на армию, оборонку, ядерное оружие и космос. А наладить выпуск товаров народного потребления приличного качества не смогли, оказалось не по силам. В ядерной державе не хватало элементарных бытовых приборов — за холодильниками, например, надо было стоять в очереди по 20 лет.

Но нам тоже нужно чем-то гордиться. Признать, что весь наш народ с коммунистами во главе зашел в исторический тупик, обидно. И потакая этому, президент Владимир Путин называя распад советской империи величайшей катастрофой века. Вместе с ним о тех временах тоскуют сегодня многие.

Прозрение

Каждый волен верить, во что он хочет. Я только против того, чтобы заставлять всех верить во что-то одно.

Айзек Азимов

Абсурдность административно-командной системы, ее неэффективность, самоедский характер понимали многие. Но на работе вслух об этом не говорили, чтобы не нажить неприятностей. Тем более не касались реалий социализма преподаватели политэкономии социализма. Ни в учебниках, ни в книгах по математическому моделированию в экономике узнать правду было невозможно. Цензура была жесткой.

Студентом я полагал, что главное в жизни — справедливость, причем в уравнительном смысле. Капитализм этому требованию не отвечал. Разве справедливо, когда один человек, предприниматель, получает немалую прибыль, а другие на него работают и живут лишь на зарплату? Поэтому отказ от частной собственности и переход к общенародной казался мне благим делом. А то, что у нас кругом бардак, дефицит и прочие несуразности, так это от неумения управлять. Преодолеть негативные явления социализма нам помогут ЭВМ: наведем должный учет, рассчитаем оптимальный план на годы вперед, и мечты классиков марксизма сбудутся. Ведь рынок реагирует лишь на текущий спрос и предложение, а планирование позволяет заглянуть далеко вперед. К тому же планы можно еще и оптимизировать.

Я освоил программирование и погрузился в журналы, посвященные использованию математических методов в экономике. Когда пришел срок обязательного распределения, добился, чтобы меня направили в научно-исследовательское объединение «Ленэлектронмаш», где разрабатывались автоматизированные системы управления производством. И там, наконец, наступило прозрение. Я ужаснулся тому, что проектировали и программировали мои коллеги. Ничего общего с тем, что писал об оптимизации академик Леонид Канторович, получивший Нобелевскую премию по экономике за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов. Все делалось вопреки рекомендациям известных западных специалистов по автоматизации управления. Ни заказчиков, ни исполнителей не

интересовали максимизация загрузка оборудования, минимизация затрат и ожидаемая прибыль. Их интересовало другое!

Предпринимателям в условиях конкуренции важно тратить на каждое изделие как можно меньше рабочего времени и сырья, получать максимум прибыли. А советским директорам — выполнить план любой ценой, чтобы усидеть в кресле. Поэтому ограничения и критерии оптимизации у наших заказчиков кардинально отличались от западных. Лучше всего их интерес отражал критерий «максимум вероятности выполнения заданного плана при ограничениях на ресурсы». По нему можно было оптимизировать резервы, если знать распределение вероятности срыва поставок, выхода из строя оборудования, статистику невыхода персонала на работу и т. д.

Это на Западе, если нужен электродвигатель, можно позвонить, и через час привезут. Там их избыток, а у нас дефицит. У них фирмы часто работают «с колес», не делая запасов, а у нас «запас карман не тянет», зато гарантирует выполнение плана. Причем чем больше запас, тем выше вероятность выполнения плана. Если нужно было 100 кг сырья, а Госснаб выделял его только вагонами, значит, будем брать вагон. Не жалей денег, они не твои, государственные. Пусть лишнее сгниет, но зато план будет выполнен.

Мировой опыт, рекомендации и достижения науки не стыковались с нашими реалиями. Налицо было противоречие между лозунгами, декларируемыми коммунистической властью, и локальными целевыми функциями, которыми руководствовалась администрация предприятия. ЦК КПСС записывал в своих решениях, что наша цель — «увеличение благосостояния советского народа». Это подразумевало рост производительности труда, эффективности, увеличение производства продукции. Но цели, которые ставились на уровне предприятий, шли в разрез с этой объявленной глобальной целью.

Раздаваемые институтами Академии наук обещания оптимизировать народное хозяйство без участия рынка были пустыми мечтаниями. Действительно, из какого числа вариантов нужно выбирать оптимальный план в такой задаче? Оно превышает число атомов в солнечной системе. То есть задачи оптимизации были просто нереальны.

Преподаватели научного коммунизма и политэкономии социализма нередко уподобляли советскую плановую систему одной большой фирме под названием «СССР»: «Зачем нам рынок, зачем конкуренция? В крупных компаниях нет конкуренции, зато

есть административная вертикаль, управленческая иерархия — приказы исполняются, всё работает». Они не учитывали, что любая, даже транснациональная компания находится в условиях конкуренции. Если она не может снижать издержки, как ее конкуренты, то разорится. Понимая это, менеджмент компании не просто раздает указания, сколько метров скважин пробурить и сколько баррелей нефти извлечь, а считает, во что это обходится по каждому месторождению, по каждому цеху. Когда по условиям рынка затраты не окупаются или прибыль мала, то либо модернизируют технологии, либо отказываются от проекта. Для фирмы главное — прибыль. Если в частной компании с помощью стимулов интересы собственников доводится до каждого цеха или бригады, то у директоров советских госпредприятий не было интереса сокращать издержки и повышать отдачу, не было мотивации считать прибыль. Лозунг Ленина «Производительность труда — самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» оказывался пустым звуком. СССР был обречен.

Но говорить об этом вслух в то время было нельзя — посадят. Приходилось объясняться языком, непонятным цензорам, то есть математических формул. Так поступали многие экономисты, работавшие в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. Чиновник не поймет, а коллеги прочитают. И я подготовил диссертацию «Исследование локального критерия оптимизации». Из выведенных мною доказательств следовало, что противоречия между декларируемым глобальным критерием оптимизации народного хозяйства и объективно используемыми локальными критериями неустранимы. Наша хозяйственная система в долгосрочном плане нежизнеспособна и обязательно рухнет, сама себя съест.

Поступив в 1972 году в аспирантуру на экономический факультет Ленинградского кораблестроительного института, я через год представил свою кандидатскую диссертацию к защите. Она прошла все необходимые обсуждения. Но неожиданно сменился заведующий кафедрой, который решил ознакомиться с работой первого в его бытность завкафедрой претендента на ученую степень. Математические выкладки, теоремы и доказательства его не интересовали, ему были важны выводы. Прочтя их, он пришел в бешенство: «Что ты написал? Рынка захотел? На святое святых — планирование посягаешь? Все перепиши с точностью до наоборот! Иначе никакой защиты не видать». Очень уж он боялся лишиться своей новой должности.

Так я встал перед традиционным для россиян вопросом: что делать? Пойти на сделку с совестью и писать о том, какие у

социализма блестящие перспективы? Не грело: убеждениями не торгуем. А может, пойти тренером по горным лыжам? Друзья приглашают в детскую спортшколу. И времени свободного будет много. Напишу, наконец, давно задуманную книгу, которая так и будет называться «Что делать?». И я ушел в тренеры.

Спортивная школа

Скромность украшает мужчину, но настоящий мужчина украшение не носит.

Ярослав Гашек

У меня с детства руки растут оттуда, откуда надо. Это заслуга родителей, если воспринимать ее как генетическое явление. В шестом классе умел работать на всех станках — сверлильном, токарном, фрезерном. К ним допустил меня школьный учитель труда, не устоявший под натиском подросткового интереса. Увидев в журнале «Техника — молодежи» чертежи подводного ружья, я сделал его своими руками. За это старший брат Александр взял меня с ружьем путешествовать автостопом по Крыму.

Позже, пройдя курс инженерных наук, я мог многое рассчитать, спроектировать и изготовить своими руками. А в горных лыжах не был профи, скорее — любителем высокого уровня. Ломаться на черных трассах не доставляло мне удовольствия, предпочитал синие и красные. Но показать детям, как надо правильно группироваться и входить в поворот, у меня получалось. Доходчиво. Поэтому работа тренером в детской спортшколе общества «Локомотив» на Румболовских высотах во Всеволожске меня вполне устраивала.

Я не ведал о тайном замысле друзей, пригласивших меня на работу. Они хотели, чтобы я построил им горнолыжные подъемники. Это сейчас можно под Москвой и Питером на коммерческих подъемниках в гору подниматься. Или, поднакопив денег, в Австрию поехать. Тогда такое удовольствие было недоступно. За рубеж дозволялось выезжать только избранным, в советском патриотизме которых КГБ не сомневался. При плановом хозяйстве и всеобщем дефиците приобрести даже простейший бугельный подъемник было нереально, не говоря уже о кресельном. Без подъемника 5 раз за день лесенкой на гору поднимешься и столько же раз спустишься, а с подъемником — 105 раз. Соответственно, и результаты тренировок не сопоставимы.

Выход нашелся неожиданно. В лифте есть редуктор и лебедка, которые по нормативам должны работать определенное число лет. Потом их списывают, хотя они могут быть вполне в рабочем состоянии. Лифт — устройство повышенной опасности, нельзя ждать, когда он выйдет из строя. Детали меняют загодя, в

планово-предупредительном порядке. Если к лебедке от лифта приделать шкив большого диаметра и натянуть кольцом трос с вершины до подножья склона, то получится бугельный подъемник, способный буксировать наверх десятерых, стоящих на лыжах. Трос надо повесить на ролики. Мы использовали чугунные ролики, через которые на железной дороге натягивают контактные провода. Достать их было несложно, ведь мы были спортшколой «Локомотива». А списанные лебедки я выпросил у «Ленлифта».

Пуск подъемников дал неожиданный эффект. Руководство спортивного общества назначило меня директором спортшколы и поручило сделать освещенную трассу для биатлонистов. В Ленинграде не только долгие белые ночи летом, но и короткие зимние дни. Когда дети приходят после школы на тренировку, уже темно. Освещенная трасса была спортшколе жизненно необходима, как и вечернее освещение горнолыжных трасс. Фонари следовало расставить хотя бы на протяжении 3 км. Требовалось много фонарей, чтобы ребенок передвигался из одного освещенного пятна в другое. Если деревянные столбы в нашем лесном регионе я мог достать, то где взять электрические мощности? Нужна была подстанция для понижения напряжения с 10 киловольт до 380 вольт. Все соседние со школой были перегружены, потребителям выдавали не 220, а лишь 180 вольт. Подключить освещение трассы к этим подстанциям в Ленэнерго не разрешили, предложили установить свою. Хорошо сказать: установить. А где ее взять?

Помогли случай и бестолковая плановая система. На соседней стройке из-за бардака, который господствовал повсюду, в наличии оказалось две подстанции вместо одной, необходимой по проекту. Первую заложили панелями и забыли. Через год привезли вторую и подключили. Когда из-под панелей извлекли первую, встала проблема — куда ее деть. Признаться, что взяли лишнее, нельзя. Но можно передать ее с баланса строительного управления на баланс спортшколы. Это не воровство, ведь подстанция остается в общенародной собственности, и личной выгоды ни у кого нет, не посадят, а в отчетах кто разберется? Так и появились у спортшколы своя подстанция и освещенная трасса.

Мы установили четыре подъемника, осветили все склоны горы. Детей в спортшколу родители привозили из Всеволожска и Ленинграда. Наши тренеры за 2 дня ставили ребенка на лыжи так, что он вполне мог ходить по трассе. Малышу долго объяснять не надо, ему достаточно показать, и он, как обезьянка, все скопирует. Были отработаны приемы, позволявшие детям быстро освоить технику параллельных лыж. Много лет спустя, видя, как на европейских горнолыжных курортах обучают детей азам горнолыжной техники, я убедился, насколько наши методы были

результативнее. В Австрии и Италии все направлено на то, чтобы ребенок не упал, не подвернул ножку, поэтому обучают повороту «плугом», а это — тупик. И платят родители тренерам повременно, а не за результат. А нашим тренерам требовался результат.

Родители хотели, чтобы их дети не прекращали тренировки летом, и попросили устроить поездку на Памир, где снег лежит круглый год. Согласились оплатить дорогу. В то время мой старший брат уже работал главным геологом Нурекской ГЭС в Таджикистане и обещал помочь. И тренерский совет решился. Руководство «Локомотива» нас поддержало, но предложило взять лишь девочек в возрасте от 12 до 15 лет. Способных горнолыжниц собрали из разных спортивных школ нашего общества.

Мы прилетели в Душанбе, и сразу в горы, на Воробьиный перевал. Местные фанаты горных лыж установили для нас бензиновый подъемник. Снег, точнее, фирн — отличный. И это в конце июня! Было жарко, девочки катались в купальниках. Склоны ущелья на солнце разогревались, камни срывались вниз. Юные лыжницы нашли выход: пока одна идет трассу, другая стоит внизу и корректирует: камень справа — уходи влево, камень слева — уходи вправо. Так и катались наперегонки с камнями. Разве можно представить такое в Австрии? А у нас бесстрашие соседствует с глупостью.

Через неделю мы решили поехать на Нурекском водохранилище, чтобы сменить горные лыжи на водные. Но там районное начальство заявило, что не может гарантировать нашу безопасность, и предложило разбить лагерь на острове. Так, мол, местные молодые люди нас не будут осаждать. Для тренировок выделили катер на подводных крыльях.

И вот мы на острове. Палатки разбиты, костер горит. Солнце клонилось к закату, когда из палаток раздались душераздирающие крики. Оказалось, что, по мере того как в водохранилище накапливалась вода, остров уменьшался в размерах. И вся окрестная живность собралась на его вершине. Ее плотность зашкаливала. Каждый из нас получил в палатках по змее и паре скорпионов или тарантулов!

Что было делать? Катер ушел на базу, мобильных телефонов тогда не было. Мы начали освободительную войну, 100 раз на дню проверяли палатки, проявляли всяческую осторожность. Прожили в лагере 5 дней, и это счастье, что никто не пострадал от ядовитых укусов. Наши спортсменки научились красиво закладывать пируэты на водных лыжах, даже стоя спиной по ходу движения.

Какой урок от этой памирской эпопеи? Надо — делай, проявляй

предприимчивость и волю. Кто ищет, тот всегда найдет, даже в условиях хронического дефицита. Когда творишь благое дело, не стесняйся нагружать своими проблемами других. Найдутся люди, готовые помочь. И не отказывай себе в удовольствии пробовать нестандартные подходы. А вдруг получится…

Страх и железный занавес

Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не очерченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть.

Владимир Ленин

Для современных молодых людей естественно говорить то, что думаешь. Немногие из них понимают атмосферу, царившую в СССР. Так человек не осознает, что дышит воздухом, пока не попадет в закрытый отсек тонущего корабля. Конечно, и сегодня есть анклавы двоемыслия, например, в вузах, где под видом философии и политологии преподают марксизм-ленинизм. Попробуй возрази экзаменатору… Но все же это исключение.

В советской империи атмосфера страха была всепроникающей. Не прошли даром десятилетия сталинского террора. Да и при Леониде Брежневе за диссидентские высказывания можно было угодить в психушку. Люди боялись, что посадят или, как минимум — уволят с работы. Срабатывала самоцензура, авторы опасались предлагать к публикации крамольные статьи с честным анализом ситуации в стране, а редакторы — ставить такие статьи в номер. Многие и сейчас боятся, но нынешний страх с тем не сравнить.

Когда у искренних поклонников Сталина спрашивают: «Вам хочется страха? Вы жаждете репрессий?», они отвечают: «Да, пусть национальный лидер устрашит наших врагов. Пусть супостаты боятся. — А если врагами назначат вас? Для отчетности. Ведь так уже было». Но люди искренне уверены в том, что сия чаша их минует. Зря. Рабочие и крестьяне, не имевшие отношения к распрям в правящей клике большевиков, составляли подавляющее большинство репрессированных. Власть управляла обществом с помощью террора. А для этого страшного способа нужно понимание, что прийти могут за каждым.

Я верил, что есть люди, не просто осознающие тупик, в который зашло наше общество, но готовые действовать. Надо было только их найти. Посещал конференции в Ленинградском государственном университете, Финансово-экономическом институте и других вузах Ленинграда, ездил в Москву. Слушая докладчиков, пытался распознать единомышленников «между строк», по косвенным признакам, по тому, как они ставят вопросы,

какие намеки делают, на кого ссылаются. Искал тех, кто сознавал, что дело не в конкретном генсеке, а в системе, в ее институтах.

Можно было встретить статьи, авторы которых критику советского строя вели эзоповым языком. Но даже тех, кто облекал ее в форму разбора «отдельных недостатков», было мало. Смелые инакомыслящие сидели в тюрьмах — кто за протест против ввода войск в Чехословакию, кто за требование на деле исполнять Конституцию, которая формально гарантировала свободу слова, печати и собраний.

И все же возможности познавать иные пути развития общества были. Это не только передачи радиостанций «Би-Би-Си» или «Свобода», но и изданные за рубежом журналы и книги. Они хранились в специальном отделе Публичной библиотеки и выдавались на руки только по письменному направлению вашей организации, причем строго по теме исследований. Выносить книгу из специального читального зала запрещалось. Прийти в спецхран и перебирать изданные за рубежом книги не дозволялось, а каталог их не предоставлялся.

Заинтересованные черпали информацию и из отечественных изданий, критиковавших «прогнивший капитализм». Но никакая критика не могла обойтись без изложения подробностей общественных отношений в развитых странах. Впрочем, даже если симпатии автора были на стороне рынка, конкуренции и частной собственности, он по долгу службы (точнее, выслуживания) вынужден был их скрывать.

Проще было с освещением экономических экспериментов в социалистических странах. В свободном доступе в библиотеках были журналы, где описывался опыт рабочего самоуправления в Югославии, их «рыночный социализм». Возможно, поэтому в СССР появилось так много сторонников этой утопии. Людей, подобных Егору Гайдару или Евгению Ясину, понимавших, что путь к рынку обязательно лежит через частную собственность, среди советских экономистов были единицы.

Хотя нам удавалось кое-что узнать о рыночной экономике, уровень понимания тамошних порядков оставался крайне низким. Мы понимали, что нужна конкуренция не только в экономике, но и в политике, что необходимы разделение властей и независимый суд. Что чиновники имеют свои групповые интересы, и над ними нужен контроль как сверху, так и снизу. Что бюрократию можно ограничить в аппетитах, лишь вводя стимулы, создающие у нее должную мотивацию. Этому была посвящена популярная тогда книга «Законы Паркинсона»[1]*. Но даже самые продвинутые сторонники рыночных реформ общественные институты развитых*

стран представляли туманно, чаще всего в форме лозунгов.

Характерную особенность отметила правозащитник Людмила Алексеева. В статьях, которые публиковали западные журналы, диссиденты из СССР обсуждали в основном философские проблемы, скажем, соотношение свободы и воли. А диссиденты из Восточной Европы писали о конкретном, например, о том, какими мерами обеспечить реальные гарантии прав частной собственности, когда рухнет коммунистический режим, как защитить тогда молодой бизнес от бандитов и рэкетиров, от произвола чиновников. Это различие в подходах сказалось в 1990–1992-х годах. Восточноевропейским странам худо-бедно удавалось выстроить законодательную базу и обеспечить необходимую правоприменительную практику. А мы столкнулись с острой нехваткой специалистов, которые знали бы рыночное законодательство развитых стран. После 70 лет коммунистического эксперимента выглядели дикарями, вышедшими из джунглей.

Наши дискуссии

История человечества в основном — история идей.

Герберт Уэллс

Работа в детской спортивной школе оставляла мне достаточно времени для занятий в библиотеке, позволяла читать и пытаться системно излагать свое видение того, что предстоит сделать, чтобы жизнь людей в России стала достойной. Сочиняя свои «фантазии», я, конечно, понимал, что это будут соображения не слишком квалифицированного человека, лишенного возможности на практике знакомиться с опытом развитых стран, с работами западных ученых. Но вопрос «что делать?» не давал мне покоя.

Главным был вопрос: что же мы за народ такой? Рабское, верноподданническое все время берет верх. При Сталине на собраниях люди рьяно осуждали «врагов народа» — вчерашних своих коллег, зная, что на самом деле они ни в чем не виновны. Разве это соответствует фразе в букваре «Мы не — рабы, рабы — не мы»? Во все века российской истории мы позволяем власть имущим гнобить и уничтожать отечественных гениев. Это с нашего согласия был расстрелян Николай Гумилев, убит Осип Мандельштам, изгнаны за границу Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Александр Галич, отправлен в ссылку Андрей Сахаров. В брежневские времена лишь единицы посмели выйти на площадь, протестуя против ввода войск в Чехословакию. Их скрутили не без помощи прохожих. Десятилетиями и просвещенные, и малообразованные сознавали абсурдность коммунистических лозунгов, административно-командной системы, но не протестовали. Кто же мы есть?

И сегодня, несмотря на появление первого не задавленного страхом поколения россиян, ситуация мало изменилась. Большинство жителей крупных городов понимает, что монопольная власть чиновников, профанация выборов, отсутствие в парламенте реальной оппозиции, самоцензура и ограничения СМИ заводят страну в тупик авторитаризма, стагнации, нищеты. Но многие ли готовы проявить свой гражданский долг и воспрепятствовать этому? Сколько людей вышло на Болотную площадь? Верно сказал Михаил Лермонтов, «Перед опасностью позорно малодушны. И перед властию — презренные рабы».

Исследования ученых о роли инстинктов в человеческом обществе показали, что у людей, как и у обезьян, низы всегда активно выступают на стороне победителя в схватке за власть. Толпа готова побить осужденного камнями, разорвать того, кто еще вчера занимал высокий пост. Это переадресация агрессии, накопившейся из-за страха перед властью. Этот инстинкт облегчает тиранам захват и удержание власти: победителю надо только начать, а чернь сама докончит побежденного. Именно этим инстинктом, не сдержанным моралью, объясняются проклятия в адрес «врагов народа», которые звучали на собраниях в годы сталинских репрессий. Опираясь на этот инстинкт, тиран может властвовать над миллионами, среди которых множество людей умнее и мужественнее его. Тиран держит окружение в повиновении, угрожая ему расправой толпы.

Главарь, опираясь на поддержку низов, приближает к себе самых гнусных подпевал. Так заведено в бандах, так происходит в феодальных и авторитарных государствах. Формируется властная вертикаль — правитель, окруженный аморальными и агрессивными «шестерками». Древние греки называли такую структуру власти охлократией — властью наихудших. Некоторые нации научились этому противостоять, утверждать порядки, способствующие меритократии — власти умных. Но сможем ли мы пройти их путем, отказаться от участи холопов и стать гражданами?

В те годы у нас сложился небольшой кружок ученых и инженеров, которые были не удовлетворены положением в стране, кому было не безразлично ее будущее — Ольга Павлова, Олег Меницкий, Михаил Пульцин и я. Однако мы оставались социалистами — наши экономические воззрения были частью пропаганды надуманных преимуществ социализма. Поэтому вопросы приватизации, необходимости передать предприятия собственникам — рачительным хозяевам не обсуждались. То, что конкуренция без частной собственности невозможна и ее отсутствие мешает развитию, оставалось вне поля нашего зрения. Мы ведь не читали Людвига фон Мезеса и Фридриха Хайека. Максимум, куда мы продвинулись в наших дискуссиях, — это хозрасчет государственных предприятий, отвечающих за результаты своей деятельности. Нас больше занимала реформа политической системы, установление в СССР реальной демократии вместо полицейского государства. Здесь требования были традиционны: свобода слова, собраний, создания политических партий и других общественных организаций.

На наших дискуссиях мы обсуждали, как сделать суд независимым и справедливым. Тогда находкой нам казалась идея поставить прокурора в условия конкуренции. Кому нужнее

исполнение законов — органам власти или самим гражданам? Ответ казался очевидным: конечно, гражданам. Это они хотят жить в безопасности, требуют справедливости и соблюдения своих прав. Но тогда почему только государственный прокурор выступает обвинителем в уголовных преступлениях? Да, государству принадлежит монополия на насилие, на наказание виновных в преступлении, признанных судом. Но зачем нужна монополия на обвинение? Надо сделать так, чтобы не только прокурор, но и любой гражданин, у которого есть доказательства преступления, мог выступать в качестве обвинителя в уголовном процессе!

Мы не догадывались, что изобретаем велосипед. В Великобритании любое уголовное преследование основывалось только на частном обвинении до конца XIX века. В США частное обвинение существует с момента появления судов. И сегодня закон там не ставит барьеров частному обвинению. Каждый гражданин, имея доказательства, может выступать обвинителем в суде или нанять для этого адвоката. Это не значит, что в США, Великобритании или Канаде человек, выступающий с частным обвинением, остается один на один с преступником. Процедура частного обвинения сбалансирована в отношении прав и обвинителя, и обвиняемого. В судебном процессе нередко участвует и государственный прокурор, у которого есть процессуальные права. Главное, что право граждан на частное обвинение там стоит, как «бронепоезд на запасном пути».

Право граждан на частное обвинение дает им возможность пресечь сговор преступников с сотрудниками правоохранительных органов, остановить вымогательство взяток чиновниками, лишить владельцев предприятия возможности загрязнения окружающей среды, лоббистов — за взятку протолкнуть выгодную им поправку в закон. Если прокурор пассивен или сам замешан в коррупционных связях, то есть надежда, что найдется честный и смелый гражданин, который возбудит уголовное дело против казнокрада или иного преступника. Это еще один, кроме выборов, способ контроля снизу избранной народом власти.

Дела, возбужденные гражданами в порядке частного обвинения, нередко становятся поводом для общественной дискуссии по изменению законодательства, устранению в нем пробелов и коррупциогенных статей. Не случайно в канадском уголовном кодексе право гражданина начинать уголовное преследование в суде получило название «ценной конституционной гарантии противодействия инертности или пристрастности власти». А в России право на частное обвинение ограничено причинением легкого вреда здоровью и нанесением побоев. Все

остальное — монополия государственного прокурора. Потерпевший даже не может получить доступ к материалам дела. Россияне в части защиты режима законности бесправны. Но не возмущаются.

Впрочем, добившись осуждения преступника в порядке частного обвинения, гражданин ничего, кроме морального удовлетворения, не получает. Поэтому во многих странах, и не только в англоязычных, широко распространены гражданские иски в защиту интересов групп граждан или неопределенного круга лиц. Если гражданин видит, что кто-то выстроил себе особняк в водоохранной зоне, закон нарушен, а власти этому потакают, то он может не возбуждать уголовное дело, а вчинить гражданский иск. Потерпевшими будут признаны судом все окрестные жители, их суммарный моральный ущерб потянет на миллионы долларов. В итоге суд постановит особняк снести, владельца обяжет перечислить в местный бюджет сумму морального ущерба, нанесенного жителям района, а часть этой суммы выплатить в виде премии истцу, представлявшему общественные интересы.

Что здесь важно? Если бы гражданин вступался только за свои личные интересы, то его расходы на адвоката оказались бы больше суммы личного морального ущерба. А поскольку он вступается за общественные интересы, где сумма ущерба многократно выше, то иск становится экономически целесообразным. Например, сегодня в России судиться с дорожниками по поводу порчи колеса из-за выбоины на дороге себе дороже. А в Канаде судиться за интересы всех автомобилистов на этой дороге — прямой резон и выгода. К сожалению, в нашем Гражданско-процессуальном кодексе премии гражданам по искам в защиту неопределенного круга лиц не прописаны. Более того, подать такой иск отдельный гражданин не вправе.

По материалам наших дискуссий я и писал свои фантазии «Что делать?». Я понимал, что моя рукопись — путевка в психушку. В те времена гражданам, что смели «высовываться», ставили диагноз «вялотекущая шизофрения» и кололи препаратами, от которых человек действительно сходил с ума.

Моя жена Рита печатала рукопись на машинке в двух экземплярах. Один мы отвозили в гараж к Михаилу Пульцину. Он прятал его в старинный лабораторный прибор. Со вторым экземпляром я работал, дополнял и правил. Компьютеров тогда не было, все делалось на бумаге. Хранил этот экземпляр в портфеле в железном ящике во дворе городского дома, между гаражами. Лазая по крышам гаражей, дети сорвали замок, ящик открылся, какой-то прохожий забрал кожаный портфель вместе с рукописью. Сдай он рукопись «куда следует», дорога в дурдом была бы гарантирована. Но, то ли прохожему самому было интересно, что написано в

рукописи, то ли он не придал ей значения и бумаги выкинул, но никто ко мне не пожаловал. А благодаря второму экземпляру ее удалось восстановить.

Паруса

Вместо вечерних платьев жене яхтсмена светит «непромоканец», в лучшем случае — тельняшка.

Меня неудержимо тянуло в море. Школьник мог пойти в яхт-клуб и освоить азы парусного спорта на «оптимисте» — маленьком шверботе размером с чемодан. Молодому специалисту такая дорога была заказана. Оставалось байдарка. Она была доступна по цене, да и путешествия по рекам и озерам при советской власти не возбранялись. А вот моря были наглухо закрыты. Власть боялась, что россияне сбегут по волнам от социализма, как немцы бежали от него через берлинскую стену.

В комиссионном магазине я набрел на настоящую микрояхту. Польская, разборная, с покрытием из прорезиненной ткани, длиной 3,5 м. Называлось это чудо «Мёва» (чайка). Я увидел ее и запал. Оплатил, привез домой. Через пару дней мы с другом ушли на ней на просторы Ладожского озера, так как после войны оно стало внутренним водоемом, отход от берега пограничники не пресекали.

С той поры парус прочно вошел в мою жизнь. За «Мёвой» последовали виндсерфинг, катер на Ладоге, маленький фанерный швербот «Микки Маус». Потом пришла очередь «финна» — лодки олимпийского класса. «Финн» рассчитан на одного, но это не мешало плавать на нем вдвоем с женой. Наконец я приобрел разборный алюминиевый тримаран — парусную стрекозу длиной 8 м, производства одного из калининградских оборонных заводов. Когда железный занавес был снят, отправились под парусом осваивать мир.

Коренные жители Гавайев изобрели широкую доску — серфер, на которой скользили на волне прибоя. В начале 1970-х годов в США два чудака, калифорнийский авиационный инженер Джим Дрейк и его друг Хойл Швайцер, приладили на такую доску парус. Получился виндсерфер. Он вызвал большой интерес у пляжников. Вскоре в США и Европе началось массовое производство виндсерферов.

Будучи аспирантом Ленинградского кораблестроительного института, я случайно узнал, что кафедра физвоспитания пробила через Министерство внешней торговли закупку такого виндсерфера, и он вот-вот прибудет в Россию. Это был первый и единственный образец виндсерфера в СССР. Мы с рвением стали его осваивать — как удержать равновесие, как крутить парус

вокруг оси мачты при поворотах … Но одного виндсерфера нам было явно недостаточно.

Сделали матрицу по оригинальному экземпляру. Арендовали у дворников подвал, купили пару бочек эпоксидной смолы, стеклоткань и стали по матрице выклеивать копии. Скоро у нас образовалась маленькая флотилия виндсерферов. Одно плохо: вода в Финском заливе холодная.

Летом, водрузив пару виндсерферов на багажник своего «Запорожца», мы с женой поехали к Черному морю, к теплой воде. В Геленджике я заявился на погранзаставу: мол, хочу опробовать новый спортивный снаряд. Пограничники мне популярно объяснили, что даже если я выплыву за флажки на надувном матраце, то меня арестуют. Может, потом и отпустят, но штраф придется заплатить. А уж виндсерфер, на котором, по мнению начальника погранзаставы, можно сбежать в Турцию, в море они точно не выпустят.

Графа Астольфа де Кюстина, посетившего Россию в конце 1839 года, поразило обилие мельчайших и совершенно излишних мер предосторожности, которые свидетельствовали о том, что российская империя объята страхом. Он писал: «Здесь можно дышать не иначе, как с царского разрешения… Русский государственный строй — это строгая военная дисциплина, вместо гражданского управления это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства»[2]. Через полтора века в советской империи все оставалось по-прежнему.

Так как Черное море для парусной доски оказалось запретным, решили двинуть на Каспийское. Рывок в 500 км — и мы в Махачкале. На пляж набегают огромные волны прибоя, тепло. Наши виндсерферы в центре внимания. Палатка стоит у самой линии прибоя. Ее охраняет прибившийся к нам чудный маленький щенок кавказской овчарки, Он присвоил себе звание старшего по хозяйству и гавкает на всех, кто приближался к палатке. А мы все носимся с парусом по морю…

Позже мне пришлось участвовать в первенстве СССР по виндсерфингу под Тарту. Призового места завоевать мне не удалось, но сообщество фанатиков нового вида спорта надолго впечатлило меня своей одержимостью.

Виндсерфер научил меня держаться на ногах в любой ветер, при любой волне. Доска летит по волнам, ветер вырывает из рук парус, но ты стоишь. Надо! Прекрасная психологическая тренировка, она помогла мне во многих жизненных передрягах.

Тюльпаны

Богатства существуют, чтобы их тратить, а траты — чтобы делать добро и этим снискать честь.

Фрэнсис Бэкон

В середине 1970-х годов в СССР был самый разгар застоя, мрак. А мы хотели изменить мир, верили, что рано или поздно это закончится, произойдет революция «сверху» или «снизу», наступят долгожданные перемены. И нам потребуются средства для пропаганды иного образа жизни.

Идеи становятся силой, когда овладеют массами. Значит, нужна своя газета, новая «Искра», из которой разгорится иное пламя. Но как ее издавать без денег? Тогда не было персональных компьютеров, Интернета, факсов, ксероксов — ничего не было. Зато была тотальная слежка КГБ. Даже пишущие машинки в учреждениях на выходные и праздники запирались в кладовой Первого отдела. Все делалось для того, чтобы помешать инакомыслию пробиться через коммунистическую цензуру.

Как заработать много денег в стране, где над каждым стоит надзиратель, а зарплаты у людей нищенские? Даже если покажешь рекорд в выработке, то завтра срежут расценки. Единственная лазейка — колхозные рынки. Там по свободным ценам продавались сельхозпродукты и цветы. Это была вполне законная форма заработка с одним ограничением — в выращивании и продаже могли участвовать только родственники. Нанимать кого-либо со стороны было запрещено, это расценивалось как предпринимательская деятельность, которая каралась лишением свободы.

На рынках Ленинграда к международному женскому дню 8 марта было обилие тюльпанов, которые привозили из Латвии. Я подошел к латышке и стал расспрашивать ее о технологии выгонки цветов зимой. Она сначала вводила меня в курс дела, а потом говорит: «Мы с мужем все вам расскажем, но помогите нам. Гостиницы переполнены, нам негде ночевать. Пустите нас к себе». Так, волею случая, мы на долгие годы стали близкими друзьями с Гуной, ее мужем Андреем и сыном Андресом. От них я узнал, как выращивать луковицы тюльпанов летом и выгонять цветы зимой, как довезти их до рынка целыми и сохранить до дня продажи. Побывал у них в гостях в Латвии, познакомился с хозяйством.

У моего тестя был в садоводстве участок в 6 соток. На старых шпалах, наплевав на креозот и его раковые последствия, мы возвели садовый домик разрешенной площадью 25 кв. м. Почему из шпал? Другого материала в продаже не было. Секретарь обкома мог выписать себе кирпич или брус, для простых граждан это было исключено.

Свою первую выгонку тюльпанов устроили в самом домике. Она провалилась — расцвели лишь 4 цветка из нескольких сотен, не хватило света и тепла. Но энтузиазм не угас. На следующий год мы организовали нелегальный кооператив «Последняя надежда». В него вошли члены нашего дискуссионного кружка и еще Павел Россо. Договорились, что половину всех будущих доходов от продажи тюльпанов будем откладывать на грядущую революцию.

Построили теплицу, заглубив ее наполовину в землю, чтобы легче было обогревать. Пристроили к ней крохотную кочегарку, там установили керосиновую печку абхазского производства. В ней керосин стекал по капельке на блюдечко и сгорал. Для Абхазии достаточно. Но оказалось, что даже в наших северных широтах с помощью такого немудреного устройства можно согреть теплицу. И пошли у нас цвести зимой тюльпаны — тысячи цветов.

Тот, кто думает, что выгнать тюльпаны зимой легко, ошибается. Это тяжелая работа. Прежде всего, нужно вырастить хорошие луковицы летом. За год они из детки не вырастают, требуются года три. Крупные луковицы следует в конце июня аккуратно выкопать, просушить, обработать средством от грибков и прогреть до нужной температуры, имитируя жаркое южное лето. Затем посадить луковицы плотно друг к другу в ящики, присыпать торфом и убрать в холодное место. Мы выставляли ящики на лужайке перед садовым домиком, прикрыв еловыми ветками. Так тюльпаны проходили положенную обработку зимним холодом.

В конце января выкапывали ящики из-под снега, заносили в теплицу, растапливали котел и запускали искусственную весну. Срезка начиналась с 1 марта и продолжалась 3 дня. Казалось бы, что тут трудного — срезать цветок? Проверено, что человек может срезать, не повредив другие цветы, не более 50 бутонов в час. А у нас их было по 5 тыс. Да еще надо цветы завернуть, поставить в картонные коробки, отнести в подвал. Где взять столько рук, причем аккуратных?

Когда мы начали эпопею с тюльпанами, я работал начальником вычислительного центра на Ленинградском заводе подъемно-транспортного оборудования имени Кирова. Мы приезжали на дачу после работы, выпивали по чашке чая — и в теплицу. Срезать тюльпаны надо ночью, когда бутоны плотно

закрыты. К 4 утра валимся с ног, а в 6 уже надо ехать на работу. И так всю неделю перед праздником 8 Марта. К концу срезки мы — ходячие трупы, а тут наступает самое ответственное — реализация, надо везти цветы на рынок!

Но овчинка стоила выделки, доход от продажи тюльпанов был несопоставим с государственной зарплатой. В бизнесе важно быть ближе к потребителям. Я оформил пропуск через родственников в Кронштадт. Накануне ездил туда на разведку с сумкой цветов и пообещал одному лейтенанту приехать снова. И вот на машине, заполненной доверху коробками с тюльпанами, мы переправились на остров на пароме, подъехали к рынку и увидели очередь из офицеров — человек 500. Вдоль нее ходили люди в повязках и следили, чтобы никто не «примазался». Оказалось, что это была очередь за нашими обещанными тюльпанами! Мы не успевали заворачивать букеты, просто выдавали каждому моряку по три цветочка и кусок целлофана, просили положить деньги в коробочку. Отходи, дай счастья другому! Через час мы распродали все тюльпаны и уехали под проклятья тех, кто вынужден был вернуться к женам без цветов.

При правильной организации дела за сезон можно было заработать на несколько «Жигулей». В конкуренции с латышами нам помогало то, что мы продавали свежие цветы, а они срезали тюльпаны заранее, копили в подвалах, везли 500 км. Их цветы стояли в вазе 2 дня. Мы же выставляли табличку «Гарантия 7 дней. Если опадут раньше, приходите — обменяем». Не вернулся никто, наши тюльпаны стояли более 10 дней!

Трудно было уговорить членов кооператива — научных работников — продавать цветы на рынке. Увещевал: «Стыд-позор интеллигенту стоять за прилавком? А покупать девушке цветы в подарок не стыдно?».

Вдоль торговых рядов расхаживал капитан милиции и просил продавцов предъявить справку об уплате налогов с тюльпанов. Не имеешь — откупись… Я осмелился поинтересоваться, на основании какого нормативного акта он вправе требовать такую справку. Капитан меня «послал», предупредив, что больше не хочет меня здесь видеть.

Я сложил цветы в коробки и поехал в финансовое управление Ленинского района Ленинграда. Пробился через секретаря к начальнику, представился: «Инженер, владелец садового участка, вырастил тюльпаны. Готов оплатить налоги, но не знаю, на каком основании и сколько. Милиция отказывается мне это объяснить, но требует справку об уплате налогов. Прошу принять с меня сумму налога, подлежащего уплате». Начальник оторопело посмотрел на странного посетителя, попросил подождать в

приемной и через полчаса собрал совещание по моему вопросу. Собравшиеся недоумевали, но встал пожилой сотрудник с пожелтевшей газетой в руках: «Вот постановление ЦК КПСС и правительства СССР десятилетней давности». Зачитал: «Сельскохозяйственная продукция, полученная на приусадебных и садовых участках, налогообложению не подлежит».

Ксерокопию постановления по тем временам я сделать не мог, но название записал. Когда подходил очередной вымогатель в погонах, я доставал бумажку и зачитывал: «Согласно постановлению ЦК КПСС от такого-то числа, от налогов освобождены. Справок не требуется». Они уходили. А мы продавали тюльпаны и копили деньги на революцию.

Изыски цветочной технологии

Люди, которые преуспевают в этом мире, не ленятся и ищут нужные им обстоятельства, а если не находят, то создают их.

Джордж Бернард Шоу

При советской власти отношение сограждан к тем, кто выбивался из традиционной колеи, граничило с нетерпимостью. За узкие брюки дружинники могли и избить, что уж говорить о получении больших доходов с садового участка…

Когда перед садовым домиком я сделал лужайку, соседи недоумевали: «Как можно столько земли пустить под траву? Картошку сажать надо!». Стал выгонять зимой тюльпаны — тоже косились: «Миллионером стать хочешь?». А уж когда под высоковольтной линией, на «ничейной» земле мы разбили тюльпанные плантации — началась массовая их потрава. Всякий, кто шел мимо, обязательно срывал несколько цветочков, желая на халяву доставить себе и близким удовольствие, а мне нагадить. Как с этим бороться? Не сидеть же сутками на грядках. Выход нашелся. Наполнил корзину мелкими луковицами тюльпанов и пошел по соседям. Обошел все дачи, советовал хозяевам украсить участок клумбой с тюльпанами. Горстями дарил луковицы. Объяснял, что землю надо удобрить мелом, чтобы почва была щелочная, а на зиму присыпать торфом. На следующий год все садоводство расцвело тюльпанами. И сошел на нет интерес рвать их на наших плантациях.

Разводя тюльпаны, мы старались совершенствовать технологию. В первый год за день упорного труда вдвоем с женой посадили 800 луковиц. Ужасно болела спина, все тело ныло. Земля есть, а сил увеличивать объемы нет. Лень и усталость — двигатели прогресса. Землю разрыхлили и сделали грядки узкими, сантиметров 70 шириной. Канавки для посадки детки стали копать не обычной, а алюминиевой лопатой для уборки снега по ширине грядки. Воткнув ее и покачав, делали канавку и рассыпали детку. Отступив, вновь втыкали в землю и делали следующую канавку. Предыдущая засыпалась автоматически. Производительность труда выросла в разы.

Пошли дальше. Из мотороллера «Вятка» сделали трактор. Он пахал, культивировал и даже сажал луковицы на заданную глубину. Это сейчас в магазинах можно купить бензиновый или

электрический культиватор, а тогда было запрещено иметь в собственности любые средства производства, даже садовые мини-тракторы. Они подлежали конфискации, как атрибуты предпринимательской деятельности. Я все-таки дерзнул. Сбегались садоводы, восторгались, завидовали. Но чертежей никто не попросил.

Самой тяжелой была выкопка луковиц. Придумали передвижной вибростол — сани с вибратором и сеткой наверху. Землю с луковицами брали вилами и бросали на вибростол, земля просыпалась через ячейки, луковицы оставались на сетке. Это ускорило работу многократно. За один-два дня мы собирали весь урожай.

В теплицах поставил ртутные лампы и автоматы. Солнце садится — лампы включаются. Сегодня в любом магазине такой автомат можно купить, тогда это была новинка и дефицит. В 2 часа ночи 8 марта по лесной дороге молодой человек вышел к нашему садоводству, увидел освещенную теплицу: «Ребята, к девушке иду, дайте букет!». «Что значит дайте? Становись рядом, будешь срезать. Срежешь 200 штук — получишь букет». В 4 часа утра он справился с заданием, получил букет и ушел довольный.

На плантациях ввели севооборот. После сбора урожая луковиц сеяли траву — зеленое удобрение. Когда на следующий год землю перепахивали, трава перегнивала, гумуса в почве прибавлялось. Сажали голландскую картошку, исключительно плодовитую. А после нее — опять тюльпаны.

Теплицу использовали зимой и летом. Особым способом выращивали в ней помидоры. Большие полиэтиленовые мешки заполняли перегноем из компостной кучи, в прорези по бокам втыкали рассаду. В теплице было жарко, земля в мешках хорошо прогревалась. Вырастали настоящие помидорные заросли, сплошь увешанные крупными красными томатами. Услышав о таком чуде, к нам приходили жители из соседней деревни. Вот только никто из них не применил на своем участке технологию предприимчивых горожан.

Бизнес развивался, тюльпаны год от года становились все красивее (сорта «Форготтен дримс», «Апельдорн», «Большой театр»). Пришла мысль: а что если выгонять их не только к 8 марта, но и в январе? Я купил в Латвии 200 кг мелких деток лучших сортов, загрузил в четыре огромных чемодана и повез в Краснодарский край. Весна там наступает на полтора месяца раньше, чем в Ленинграде, значит, и тюльпаны зимой выгонять можно раньше. Вышел на станции Старомышастовская. Сложил чемоданы в канаву, прикрыл травой и пошел по станице, узнавать, кто здесь выращивает тюльпаны. Как правило, это были пожилые

крестьянки. Для них продажа цветов на рынке — весомая прибавка к пенсии. Только сорта у них были никудышные, а я меня были высокого класса. Я бесплатно раздал бабушкам по ведру деток под обещание посадить их на отдельных грядках и вернуть мне в июле следующего года ведро крупных луковиц. Так, с нашей помощью, станица Старомышастовская стала лидером Краснодарского края по производству голландских тюльпанов. Я приезжал туда, обходил дома и отбирал крупные луковицы, годные к выгонке. Товарно-денежные отношения находились на высоте, продукция была высокого качества. Мы оказались единственными, кто предлагал тюльпаны к Новому году. Правда, доходов это приносило намного меньше, чем продажа цветов к 8 марта.

Отапливая теплицу керосином, мы опасались пожара. Могла произойти утечка топлива из бака, висящего на стене, и заполыхали бы стоящие рядом бочки с керосином. Поэтому решили перейти на безопасный уголь. Это требовало 3 раза за ночь проснуться и подбросить угольку. Дежурили по очереди. И порой просыпали, если будильнику не удавалось разбудить уставших идеалистов-кооператоров. Если температура в теплице упала, то тюльпаны опускали головки и не выпрямлялись. Их ножки походили на лебединые шеи. Более того, пережив холодную ночь, они зацветали на день позже. Три дня проспим — и урожай получим к 11 марта, когда он никому уже не нужен.

Пару раз так и было. Один год мы прогорели вчистую. Срезку завершили после праздника. В тот год предложение превысило спрос, у продавцов осталось много нереализованных цветов. Раздавали друзьям цветы корзинами, остальное — на помойку. В другой год мы опять опоздали к празднику, но предложение оказалось меньше спроса. Тюльпаны на рынках закончились уже утром 8 марта. Следующие дни были выходными, и многие ехали в гости. Цветы оказались востребованы, а тюльпаны были только у нас.

Праздничный рынок был непредсказуем. Каждый год из Латвии прибывало множество машин с коробками цветов — один год больше, другой меньше. Цена стартовала с 2 рублей за цветок, к полудню 8 марта она либо резко повышалась, либо падала. Никто заранее не знал, будет выше спрос или предложение. Однажды мы оказались последними, у кого еще остались тюльпаны, всего одна коробка. Нас окружила толпа мужчин, которые протягивали деньги, кричали, толкались и готовы были нас разорвать. Мы, честно сказать, испугались и попытались уехать с рынка. Покупатели окружили машину, стали ее раскачивать, требуя цветов. Оказавшийся рядом милиционер в штатском шептал нам: «Трогайтесь, уезжайте скорее, я не смогу вас защитить». Я нажал

на газ. Мы чудом спаслись от народного гнева.

К счастью, серьезных потрясений и катастроф нам удалось избежать. Мы выгоняли тюльпаны почти 15 лет. Скопились сбережения, которыми можно было помочь Перестройке. Когда настало ее время.

Вычислительный центр

Когда глаза говорят одно, а язык другое, опытный человек больше верит первым.

Ральф Уолдо Эмерсон

Моя работа в спортшколе неожиданно закончилась. Руководство «Локомотива» закрыло горнолыжное отделение: мол, на склонах Всеволожска настоящих горнолыжников не вырастишь, да и слишком это затратно. Воспитанников приходится возить в горы за тридевять земель. Лучше развивать горнолыжный спорт в Кировске или на Кавказе. А мне без горных лыж в спортшколе делать было нечего. Я оказался без работы, правда, ненадолго.

Помог случай. В электричке разговорился с попутчиком о реальной экономике, использовании математических методов в управлении производством. В конце разговора он предложил мне работу на заводе подъемно-транспортного оборудования имени Кирова. Договорились встретиться. Зная, что хорошего специалиста всегда пытаются переманить, а оставшийся без работы воспринимается как потенциальный бездельник, я, даже еще не оформившись, «взял быка за рога» — выяснил, какие у них проблемы. Оказалось, что хотят внедрить автоматизированную разработку технологических процессов в отделе главного металлурга, но не знают, как подступиться.

Эти техпроцессы были типовыми: отливки, ковка валов и иных деталей простой формы. Имелся набор стандартных программ для каждой группы. Настроить, привязать их к месту потребовало дня два. Пока мои документы проходили проверку в Первом отделе, я распечатал первые техпроцессы. Эффект был ожидаемый. Мне тут же пересмотрели условия найма, повысили оклад. А тут еще через месяц, пока я возился с отладкой программ и воевал с технологами по базам данных, уволился начальник заводского вычислительного центра.

Директор завода Карпухин, не допускавшим возражения тоном, предложил принять на себя его обязанности. Это было рискованно. Я проверил: разработки, которые несколько лет велись в вычислительном центре, шансов на успех не имели. А от начальника центра ждали результатов. После двух дней колебаний я согласился, но потребовал свободы действий. Понимал, что оптимизации в классическом смысле не получится

— помешают личные интересы директора и министра. Но есть задачи, такие, как календарное планирование, обеспечение комплектности деталей на сборке — узкие места производства. Такие задачи обычно решаются с помощью эвристических алгоритмов. Просто машина считает быстрее. А мне это направление позволяло уйти от проблемы локального критерия оптимизации в плановом хозяйстве. Я доложил свои соображения директору и получил карт-бланш.

За основу автоматизированной системы управления мы взяли американские разработки. Это сегодня наши программисты по своей квалификации вполне конкурентоспособны. А в те годы отставание было огромным, особенно в прикладных разработках. Да и вообще, зачем изобретать велосипед? Правда, не обошлось без конфликта с отраслевым московским институтом: ведь столько лет под их «общим» руководством клепали собственные весьма примитивные программы, денег потратили уйму, и вдруг все в корзину! Честно говоря, только там этим разработкам и было место. А наша американо-советская автоматизированная система управления производством уже через год была внедрена и проработала много лет. Позже, читая об успехах Южной Кореи и Китая я понял, что мы поступили правильно: для «догоняющих» экономик наиболее дешевый и эффективный способ развития — копировать уже освоенные лучшие образцы.

В должности начальника вычислительного центра я столкнулся со специфической проблемой учета этнического происхождения или национальности по паспорту. Это во Франции или Англии граждане считаются французами или англичанами, независимо от цвета кожи, происхождения и веры. В СССР нас делили по предкам и записывали этнос родителей в паспорт, в графу национальность, чтобы точно знать, на кого можно положиться, а кому место на поселении в пустынях Казахстана.

Доля программистов с еврейскими корнями была достаточно заметной в их количестве, занятом в целом по стране, что настораживало тех, у кого бдительность входила в служебные обязанности. Директор завода оказывался под ударом, ведь каждый сотрудник, подавший заявление на отъезд в Израиль, не просто становился «предателем Родины», но и покушался на его карьеру. Когда он вызвал меня по этому поводу «на ковер» я прихватил программу КПСС и на каждый вопрос директора зачитывал цитату. Чем привел его в бешенство. Но работающая автоматизированная система управления была важнее моего упрямства, поэтому он отступил. Этим приемом мне удалось отстоять европейское понимание нации. А спустя 15 лет, став народным депутатом России, я с удовольствием проголосовал за

исключение графы «национальность» из российского паспорта.

И все же, проработав в должности начальника вычислительного центра 3 года, я решил уйти. Мучил вопрос: что нам делать с нашей страной. Это было важнее. Нужно было продолжать библиотечные раскопки крупиц мирового опыта.

Механик на автобазе

Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно.

Джон Актон

Я искал такое рабочее место, где можно было бы читать и писать в рабочее время. Да еще чтобы график позволял регулярно работать в библиотеке, а весной выгонять тюльпаны. Идеально подходила должность дежурного механика на автобазе — сутки на дежурстве, трое выходных. Для кого-то выходных, а для меня рабочих. Но то была работа, творческая, интересная.

Дежурный механик обязан у каждой машины проверить перед рейсом люфт руля, исправность указателей поворотов и стоп-сигнал, ближний и дальний свет, тормозной путь, подписать путевку. Если у автомобиля не сработают тормоза и он в кого-нибудь врежется, то под суд пойдет механик, а не главный инженер автобазы и не директор. Это был своеобразный громоотвод. Но риск перевешивала возможность днем читать принесенную с собой книгу, а ночью даже поспать часов пять.

На автобазе поражали реалии социализма. Раз в три дня от нас выезжала цистерна, доверху залитая соляркой. Водителю предписывалось найти место за городом и тайком слить 15 тонн горючего. Он облюбовал речку Сестру недалеко от Репино. Подъезжал к крутому берегу, бросал шланг в воду и ждал, пока все топливо стечет. Рыбу ему не было жалко, раз начальство приказало, значит, надо. Зачем сливал? Ради премий. Ведь все основывалось на приписках, как и вся наша система. Скажем, отвезли на стройку кирпич с перегрузом за 2 рейса, а путевки выписали на 3, то есть третья путевка была липовой. Бумажка есть, а расхода солярки нет. Выход — спустить солярку в речку.

И так было повсеместно. Рылись огромные котлованы под фундаменты. Фундаментов нет, а котлованы есть. Зачем? Ради заработков. Это же выгодная работа — объемы выкопанного грунта проверить трудно. План по объему работ выполнен, смета на 10 % освоена, а дальше финансирование закончилось. Но это уже не наше дело. Главное — отчитаться и премию получить. Победить это зло всеобщего разбазаривания ресурсов на местах было невозможно. Если бы я стал выступать по поводу слива солярки, меня бы «перевоспитали» сами водители, на чьи заработки я замахнулся. А директор уволил бы покалеченного механика «по состоянию здоровья». В таких случаях надо бороться с

первопричиной, а ею был социализм.

И на автобазах, и на заводах инженерно-технический персонал привлекался к выполнению грязных работ. У рабочего-станочника зарплата была выше, чем у технолога или конструктора. В соответствии с официальной коммунистической идеологией рабочий был «представителем самого передового класса», хотя за плечами у него было только ремесленное училище. А инженеры, программисты — «гнилая интеллигенция». Когда предприятие не вытягивало план, инженерно-технических работников загоняли в цехи, на работу в вечернюю и ночную смены — за отгулы, обещание карьерного роста, а то и под угрозой увольнения. Почему же при таком к ним отношении люди продолжали работать инженерами, конструкторами, технологами? Играли роль самоуважение, отношение друзей и родственников. Вкусив прелесть творчества, многие не хотели от него отказываться. Это ведь было так увлекательно искать новые или нестандартные решения!

Служащий ВМФ

Есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не уверен.

Альберт Эйнштейн

Через полтора года я перешел на работу автомехаником в воинскую часть, фактически небольшую автобазу на Васильевском острове. Она должна была в случае мирового конфликта подготовить наш военно-морской флот к ядерной войне. Абсурд? Ничего подобного. На автобазе стоял десяток грузовиков, оборудованных тентами. Для перевозки личного состава в кузове каждого были закреплены лавки. Недалеко от автобазы, на Большом проспекте Васильевского острова, находился подплав — нечто вроде военно-морского ремесленного училища для моряков-подводников. Ведь когда парня призывают на службу во флот, понятно, что ставить его к торпедному аппарату бессмысленно. Надо сначала заставить вызубрить, в какой последовательности по команде поворачивать ручки управления.

В качестве дополнительной нагрузки подплаву поручалось собрать офицеров Главного штаба ВМФ СССР, если поступит предупреждение об угрозе войны. Штаб находился на Дворцовой площади, где возвышается арка, известная всем по фильмам об октябрьском большевистском перевороте. Офицеры штаба жили в квартирах, разбросанных по всему городу. Когда приходил сигнал учебной тревоги, матросы-водители автобазы должны были в течение 10 минут завести грузовики и подать их к проходной подплава. Поэтому они спали одетыми. Мне вменялось в обязанность будить их по тревоге и выпускать в рейс.

В подплаве тоже звенел тревожный звонок, из проходной горохом высыпались матросы. У каждого — бумажка с адресом квартиры офицера, которому он должен вручить приказ «немедленно любым способом прибыть в штаб». В кабине грузовика рядом с водителем сидел мичман с картой города. Машина мчалась по заданному маршруту, в нужных местах тормозила, очередной матрос спрыгивал с грузовика. Найти определенный дом в чужом городе ночью было сложно. Но рано или поздно матрос добирался до квартиры офицера, будил ее обитателей и передавал офицеру предписание явиться на войну. Исполнив миссию, матрос возвращался туда, где его высадили, в надежде дождаться грузовика. На обратном пути грузовик обычно собирал лишь треть

гонцов. Остальные, задержавшись с поиском домов и квартир, вынуждены были пешком добираться до казармы.

Наивно было верить в то, что офицеры побегут ночью на Дворцовую площадь. Понимая, что это очередная учебная тревога, они не торопились. Осознавали формализм этих тревог и адмиралы, приезжавшие ночью проверять готовность к войне нашей автобазы. Поскольку командир нашей части спал дома, а на автобазе из начальства находился только дежурный механик, фактически его и проверяли. Получалось, что именно от него зависела оперативная готовность советского флота к войне. Когда такая проверка боеготовности выпала на мое дежурство, я не удержался от вопроса адмиралу: «В Ленинграде с 2 до 4 часов ночи мосты разведены, с Васильевского острова в другие районы не попасть. Вы нагрянули к нам с тревогой, когда мосты уже сведены. А если бы тревога была настоящей, скажем, в 3 часа ночи? — Не вашего ума дело, в 3 ночи война не начинается. Исполняйте свои обязанности».

Эта история о зря призванных на службу матросах-водителях и глупых учебных тревогах — лишь маленькая толика военно-номенклатурного безумия. Но она показывает, до какого маразма могут доходить чиновники в погонах и без них. Преподаватели, описывая студентам жизнь в СССР, должны честно рассказывать, о том, сколько сил и средств СССР вкладывал в бессмысленные оборонные проекты, сколько производилось ненужного оружия и как от этого прозябал в нищете народ. Жаль, что этот маразм сегодня возвращается. Телевидение опять насаждает идеологию осажденной крепости. Вновь мы противостоим всему миру, вновь раздуваются расходы на оборонку, вновь собранные с народа налоги идут на генеральские прихоти в ущерб образованию и здравоохранению. Когда же мы вырвемся из этой безумной колеи?

«Доры» и катер

Чтобы дойти до цели, человеку
нужно только одно — идти.

Оноре де Бальзак

Швербот «Мёва» стал для наших парусных забав слишком мал. Мне посоветовали поискать лодку в рыбколхозах, списанную, но годную к восстановлению. Рассказали, что есть такая посудина в поселке Вознесенье на Онежском озере у истока реки Свирь. Поселок служил базой Северо-западного речного пароходства. Поездом и автобусом я добрался до места. Рядом с пирсом рыбколхоза увидел две «доры» — деревянные сейнеры, длиной около 15 м каждая. Они были изъяты у немцев по репарации еще в 1945 году. Во время шторма «доры» разбило о причал, в бортах были пробоины ниже ватерлинии, они сели на грунт. Впрочем, важно, что кромки бортов выступали над поверхностью воды, это давало шанс поднять их со дна собственными силами.

Я оплатил лодки в бухгалтерии колхоза — по 100 рублей за каждую (месячная зарплата инженера). Уговорил присоединиться ко мне, пожертвовав отпуском, своего институтского друга, Виктора Тихого.

И вот мы на месте, начинаем подъем. Я нырнул в холодную воду и на глубине заделал пробоины старыми матрасами. Ведрами мы вычерпали по 20 тонн воды из каждой «доры». Они всплыли. Обвязали каждую «дору» тросом вокруг корпуса и по бревнам, с помощью бульдозера, выкатили их на берег. Заделали обшивку корпуса свежими деревянными вставками, законопатили и обмазали варом. Посудины приобрели пристойный вид. Дело было за движками. Можно ли восстановить дизель после длительного пребывания в воде? Инженер-механик ремонтной базы пароходства вынес приговор: «В дизеле главное — плунжерные пары в топливных насосах. Это очень тонкая вещь, они притираются попарно. Капля воды выводит пару из строя. После года купания этим дизелям дорога на свалку».

Мы расстроились, но не сдались. При вскрытии движков увидели, что коленвал и шестеренки редуктора покрыты слоем налипшего масла, вода их не тронула. Решили попробовать, залили солярку, дернули маховик — двигатель завелся. Вода не смогла вытеснить солярку из плунжерных пар, детали провели год в смазке, двигатель работал ровно. На второй «доре»

двигатель решили не восстанавливать, разобраться с ним в Ленинграде, а пока взять ее на буксир. На все работы по «дорам» у нас ушло четыре недели.

Еще нас заинтересовал стальной катер, который когда-то таскал паром на переправе через Свирь. Его списали, но корпус был в пристойном состоянии. Пошли договариваться с начальником переправы. По документам катер был утилизован, но отдать его нам он боялся. «На меня телегу напишут, будут неприятности. Надо, чтобы коллектив был не против. Купите телевизор и поставьте в раздевалку, пусть женщины развлекаются». Так в обмен на телевизор мы получили корпус катера и прицепили его лагом к «доре»-инвалиду. Взяли обоих на буксир. И таким караваном двинулись вниз по Свири к Ладожскому озеру.

Спустились по течению на 20 км. Впереди Свирское водохранилище. А приборы показывали нулевое давление масла. Если ничего не предпринять, движок «доры» скоро выйдет из строя. Пришлось выбрасываться на берег. Всем караваном выползли на прибрежную песчаную отмель. Отпуск у Виктора закончился неделю назад, он переживал, что его уволят. И, когда мимо на моторке проплывал охотник, я уговорил довезти моего компаньона до Вознесенья. Там Виктор сел на самолет и на следующий день вышел на работу.

Я остался один с тремя лодками. Проходившие мимо суда поднимали волны, они выталкивали лодки на берег. Сам сдвинуть их в воду я уже не мог. Бросить все это добро на берегу Свири? Тогда ради чего месяц каторжных работ?

На мое счастье появился маленький буксир, чья команда обслуживала бакены фарватера. Они посоветовали мне прицепить свой караван к плотам, которые сплавлялись по реке к Ленинграду. Более того, сдернули буксиром лодки с отмели и отогнали их на плес водохранилища. Там я бросил якорь и стал ждать плот. Из еды у меня остался только кусок копченого сыра, хлеба не было. Прошло 3 дня. Мимо шли круизные красавцы теплоходы. Я махал им белым платком, они мне сигналили в ответ: «Расходимся правым бортом». Взять караван на буксир они не могли. Еды нет, до берега километр, вода ледяная, мне не проплыть это расстояние. Что делать, не знаю.

И вот, наконец, из-за поворота реки показался буксир-плотогон. Одновременно от берега отчалила моторка и направилась ко мне. Она подошла на 10 минут раньше плотогона. Выяснилось, что два интеллигента из Ленинграда, посланные в колхоз по разнарядке райкома партии косить сено, ежедневно наблюдали, как я пляшу по палубе с белым платком, и решили,

что что-то не так. Выпросили у местных моторку и прибыли на помощь. Я был им благодарен, но плотогон был уже рядом. Прошу их не отплывать, подождать пока проведу переговоры с капитаном буксира.

Капитан согласился помочь, я завел на плот свои швартовы. Попрощался с интеллигентами и повторно стартовал к Ленинграду. Обсудил с капитаном, что мне делать с дизелем. Он обнадежил: «Этот двигатель может работать вообще без давления масла. А если хочешь, чтобы давление было в норме, промой масляный фильтр». Что я и сделал. Завел дизель — давление в норме, могу плыть самостоятельно. Но был уже вечер. Я решил идти с плотогоном до устья Свири. Отправился спать в кубрик.

Среди ночи меня разбудили: «Вставай скорее, твоя “дора” тонет!». «Дора» с нерабочим двигателем уже черпала бортом воду. Видимо, напоролась на топляк. Понимаю, что скоро на дно уйдут и она, и катер. Схватил топор и разрубил канаты, которые их связывали. Раненая «дора» ушла на дно, а вместе с ней фотоаппарат «Зенит», которым отец был награжден на войне. Он лежал на полочке в носовом кубрике. Но без него домой мне возвращаться было никак нельзя.

Капитан буксира каким-то образом притормозил караван. Мы почти стояли. А «дора» лежала на глубине 4 м. Сбросив одежду, прыгнул в воду. Предстояло донырнуть до лодки, проплыть через машинное отделение в кубрик, нащупать на полке фотоаппарат да еще и вынырнуть. На это потребовались несколько минут и весь мой спортивный опыт. А команда буксира всерьез решила, что я утонул. Удивились, когда я вынырнул, держа в руке фотоаппарат. А мне пришлось сушить его на крышке двигателя буксира, пока мы плыли до Ладоги. Но он заработал!

В Свирице я поблагодарил капитана плотогона и ушел в самостоятельное плавание по Ладожскому каналу. Построенный еще в XVIII веке, он изобиловал разводными наплавными мостами. Когда подходил к очередному мосту, его порой не успевали развести, надо было останавливаться. Ставил движок на нейтралку, и лодку постепенно относило к берегу, она садилась на мель. Мост открывали, а сойти с отмели я не мог. Помогало четырехметровое бревно на борту. Прыгал за борт, заводил бревно рычагом под нос «доры», упирался изо всех сил и сталкивал лодку на глубину. Забирался по веревочному концу на палубу, затаскивал бревно и плыл дальше.

До Шлиссельбурга дошел вечером. Надо бы заночевать, но так хотелось домой! И я решился идти ночью. В воде отблески береговых огней, бакенов не различить. Чудом не попал под форштевень встречного буксира. Но к 3 часам ночи вошел в

пределы Ленинграда. Набережные пусты. Ни людей, ни машин, город будто вымер. Шел по Средней Невке, тишина, спокойствие, все прекрасно. Ищу протоку к яхт-клубу Кораблестроительного института. Обычно ориентиром служил ствол дуба в два обхвата, многие годы лежавший на берегу Невки. Правило было такое: как его достигнешь, клади руль налево к берегу, и в кустах тебе откроется узкая протока. Там я собирался поставить лодки для будущих работ. Увидев знакомый ствол, я направил нос на кусты и… со всего разгона воткнулся в берег. Протоки не было. Пока мы поднимали со дна и конопатили «доры» на Онеге, в Ленинграде произошло наводнение, бревно отнесло метров на 100 вверх по реке.

Столкнул «дору» с катером от берега и повел свои суда дальше. Но «дора» перестала слушаться руля, да и скорость ее резко уменьшилась. Видимо, что-то намоталось на винт. Протока рядом, а развернуть посудины в протоку на малом ходу не позволяет течение! Надо глушить двигатель, нырять и попытаться очистить винт. Вокруг темень и широкая вода, это уже не Невка, а Финский залив, волна и ветер. Тяжело было заставить себя нырять ночью в темную холодную воду. Нащупал на винте рыбацкую сеть, резал ее ножом и рвал руками. Замерзший, выбрался на палубу, завел двигатель — лодка стала слушаться руля. Развернул караван, зашел в протоку, пришвартовался к клубному причалу. Все. Главная часть проекта завершена, можно ехать домой.

Чумазый, в рабочей одежде я вышел из яхт-клуба к остановке автобуса. Но какие автобусы в четыре утра? И вдруг из-за поворота вынырнул автобус, остановился, распахнув передо мной двери. Кондуктора нет. Автобус без остановок мчал ко мне, на Садовую улицу. У своего дома я попросил водителя остановиться. И все думал: странно: кто же среди ночи снарядил за мной автобус? Водитель ехал туда, даже не спросив, куда мне надо, ни разу не обернувшись. В Бога я не верю. Что же это? Позже я нашел рациональное объяснение: автобус был ночной «развозкой» автопарка, расположенного рядом с яхт-клубом, а меня водитель принял за дежурного механика или водителя автобуса. Маршрут же просто совпал с моими чаяниями. Но все равно, происшедшее было чудом.

«Дору» с исправным дизелем я продал за 2 тыс. рублей — по тем временам большие деньги. Вторую «дору», лежащую на дне Свири, тоже продал — за 100 рублей. Ее приобрели и подняли со дна профессиональные водолазы. Сделали из нее прогулочное судно и катали по Финскому заливу свои семьи.

Катер реконструировали и облагородили. За бутылку водки

купили списанный на металлолом микроавтобус. Отрезали от него верхнюю часть кузова со стеклами, приставили к корпусу катера и приварили. Получился плавучий микроавтобус. Его выкрасили белой эмалью. Внутри катер отделали деревом, смонтировали диваны, стол. Установили на катер двигатель от трактора «Беларусь». Чтобы обеспечить нужные обороты винта, пришлось вспомнить курс «Детали машин» и пересчитать передаточное отношение редуктора. Сделал чертеж, токари выточили новые шестерни, мы их сами установили. Расчет оказался верным. За месяц работы стали буржуями — владельцами «парохода». И этим очень гордились.

Катер был такой красивый, что в один прекрасный день к нам на «Волге» приехали незнакомый профессор и его сын, доцент. Они предложили поменять наш катер на свою машину. Она по советским временам была целым состоянием. Но мы гордо отказались. Не для того мы в этот катер вложили свои души.

Спустили катер на воду и ушли на Ладогу. Прошли от устья Невы до ее истоков и дальше по озеру до Приозерска. Обосновались на островах Северной Ладоги. Заходя в проливы и шхеры, сеяли панику среди браконьеров. Те полагали, что на таком катере может ходить только рыбинспекция. Все было ладно, только катер был речной, совсем не мореходный. Его длина около 10 м, ширина 2 м. На крутой ладожской волне его болтало изрядно.

Как-то вышли в море из Сортавалы. Встречная волна и ветер. Встать бортом рискованно — перевернемся. Члены команды не понимали, что мы на волосок от гибели. Но я-то это знал. Чтобы снизить центр тяжести и повысить устойчивость катера, согнал всех вниз, посадил на пол каюты. Они сидели и пели: «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает!». Ждал волну поменьше, на ней слегка уваливался под ветер. На большой волне опять ставил катер перпендикулярно к гребню. Так и ушли под защиту мыса, волнение уменьшилось. Добрались до шхер, развели костры, согрелись.

Клуб «Перестройка»

Каждый должен обладать мужеством отстаивать свои убеждения.

Александр Гумбольдт

Я чувствовал, что в стране грядут реальные перемены и нужно менять свою стратегию. Уволился с работы и поехал в новосибирский Академгородок, в редакцию журнала «ЭКО» («Экономика и организация промышленного производства»). Его главным редактором был смелый и умный человек, настоящий ученый, академик Абел Аганбегян. В условиях тотальной цензуры, в нарушение всех правил, ограничений и жестких инструкций он посмел «под шапкой» возглавляемого им одноименного Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР издавать журнал, ставший глотком свежего воздуха в атмосфере застоя.

В «ЭКО» обсуждались злободневные темы, зарубежный опыт, передовая практика, причем доступным и не специалистам языком. Наиболее значимые работы художники иллюстрировали рисунками, которые порой передавали смысл лучше, чем сам текст. Там публиковались статьи, которые не могли быть напечатаны ни в одном другом экономическом журнале. В Москве за малейшее отступление от линии партии главных редакторов вызывали «на ковер» на Старую площадь. Новосибирск же был далеко, да и журнал считался «отраслевым», в розницу не продавался, распространялся только по подписке. Правда, росла она семимильными шагами, оставив далеко позади все другие экономические журналы страны. Позже его читатели писали, что именно журнал «ЭКО» подготовил Перестройку.

Я приехал в редакцию в надежде найти единомышленников среди авторов статей, отклоненных из-за излишней радикальности. Оказалось, что таких статей «под сукном» там нет, все достойное увидело свет. Но с этого началось мое сотрудничество с редакцией. Я предложил некоторые главы своей рукописи «Что делать?», оформив их в виде статей. К моему удивлению, они были опубликованы, более того — получили высокую оценку по результатам опросов читателей. Со временем мне в редакции доверили заведовать отделом по Северо-западу.

* * *

Выявлялся все более широкий круг людей, готовых бороться за европейский путь развития страны. Члены «Клуба друзей журнала "ЭКО"», где я был активным участником, наладили связи с кружком молодых экономистов, лидерами в котором были Анатолий Чубайс и Сергей Васильев. Мы провели несколько совместных дискуссий, в ходе которых возникло понимание: любые рыночные предложения экономистов придется облекать в нормы законов, указов, постановлений. Без юристов не обойтись. Значит, надо объединить усилия экономистов-рыночников и правоведов. Ведь в Гражданском кодексе РСФСР сохранилось достаточно рыночных норм, а юристы оказались на поверку больше рыночниками, чем наши экономисты.

В редакции «ЭКО» идею поддержали и предложили провести «круглый стол» экономистов и юристов. Встречу организовали в зале заседаний ученого совета Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ). Там, в ходе дискуссии Егор Гайдар, тогда работавший в журнале «Коммунист», предложил создать комитеты защиты Перестройки: «Если мы не объединим сторонников реформ, не поднимем общество, то Горбачев проиграет в противостоянии с партийной номенклатурой».

Мы сформировали оргкомитет клуба «Перестройка». Обсуждали, откуда начать — из Москвы или из Ленинграда? Если удастся реализовать предложение Гайдара в столице, то и в городе на Неве запретить его не посмеют. А наоборот — все может быть… Первое собрание клуба «Перестройка» провели в актовом зале Центрального экономико-математического института АН СССР, можно сказать, «нахрапом», не спрашивая начальства. (Позже партком института легализовал клуб, предложив избрать его сопредседателем профессора Вилена Перламутрова.)

Как созвать сторонников демократических реформ на собрание клуба? Это сейчас можно дать объявление в газете или в Интернете, а тогда все публикации были под жестким контролем цензуры, неформальная активность пресекалась. Мы напечатали на пишущей машинке сотню коротеньких объявлений. Указали адрес и тему «О роли бюрократии в условиях социализма». Объявления расклеили во всех институтах АН СССР и вузах социально-экономического профиля, прежде всего на экономических факультетах и в библиотеках. Объезжали их по списку из телефонного справочника и клеили, клеили, клеили. Охрана учреждений в те годы была формальной, добраться до доски объявлений было просто. Но кое-где наши объявления регулярно срывали, особенно в Государственной библиотеке имени Ленина.

На первом заседании (как и на последующих) московского клуба «Перестройка» зал был переполнен. Люди сидели в проходах, стояли

вдоль стен. Однако среди организаторов клуба москвичей не было, только ленинградцы. Они выступали столь радикально и с таким азартом, что приводили зал в восторг. Москвичи к таким речам не привыкли. Клуб состоялся. По Москве пошла о нем молва.

Не только первое заседание, но и всю работу московского клуба «Перестройка» первые полгода вели ленинградцы. Лишь к осени москвичи сорганизовались и выдвинули в сопредседатели клуба вместе с профессором Перламутровым своего лидера, Олега Румянцева. Позже Олег был избран народным депутатом РСФСР, стал «мотором» (формально секретарем) Конституционной комиссии. И хотя не все его подходы были реализованы, его роль в разработке Конституции России трудно переоценить.

Удивляло разительное отличие ленинградских активистов от пассивных москвичей. Причину объяснили сами москвичи: «Вы в Ленинграде ограничены в возможности делать карьеру в министерствах и ведомствах. А в Москве таких учреждений — пруд пруди, и мало-мальски толковый человек всегда может найти себе место. Встроившись в бюрократическую структуру, он должен вести себя тихо. Думать может что угодно, но говорить только то, что приветствует начальство. У человека срабатывают тормоза, появляется привычка скрывать свое мнение. Слушать он вас будет, а высовываться — нет».

Вооружившись опытом Москвы, мы с Анатолием Чубайсом и Сергеем Васильевым заявились в Ленинградский обком КПСС к заведующему отделом агитации и пропаганды. Довод наш был прост: «В Москве клуб есть, а в Ленинграде нет. Почему? Идею Перестройки выдвинул генеральный секретарь ЦК КПСС, вы, как обком партии, не вправе ей противиться. А мы, как члены партии, берем на себя ответственность за клуб». Партийное начальство, скрепя зубами, согласилось не мешать проведению первой дискуссии.

Определили тему: «План и рынок: вместе или против?». Место проведения — Дом научно-технической пропаганды на Невском проспекте. В зале яблоку было негде упасть. Вели ее я и Чубайс. В то время открыто заявить, что рынок неизбежно придет на смену плану, было нельзя, это расценивалось как крамола. Политическая обстановка еще не позволяла. Безопаснее звучало предложение дополнить план рынком. Но если организаторы еще были связаны политкорректностью, то члены клуба и участники дискуссии — нет. Жестких и нелицеприятных заявлений было много, как, впрочем, и конструктивных предложений.

Вторую дискуссию мы назвали «Тупики административно-командной системы». К тому времени вышла статья Гавриила Попова на эту тему, наделавшая немало шума. Ее читали многие, на нее ссылались. Это позволяло открыто обсуждать пороки

существующего строя, при котором глупость большого начальника, вроде поворота северных рек, будет реализована, какой бы нищетой это ни грозило народу. Бредовые начинания «любимых вождей» и национальных лидеров в такой системе управления ничем не ограничены. Но наша цель была шире — показать участникам встречи, что административно-командная система в любом своем сегменте заставляет людей бездарно тратить человеческие и материальные ресурсы. Судя по ходу дискуссии, нам это удалось.

Когда собрали людей на третью дискуссию, двери Дома научно-технической пропаганды были закрыты, за ними стояли охранники. Нервы у ленинградских партийных чиновников не выдержали. И все же клуб в Ленинграде мы организационно оформили. В одной из школ провели собрание желавших принять участие в его работе. Набралось около 70 человек. Учредили процедуру приема новых членов с обязательными рекомендациями двух действительных. Это было важно, потому что всегда есть опасность прорыва к микрофону людей неадекватных. Они отталкивают от участия в работе клуба разумных людей, которым не хватает терпения долго слушать бред. Заседания клуба проходили во Дворце культуры имени Ленсовета — исключительно благодаря милой женщине, Светлане Комисаренко. Она была там главным организатором и массовиком и так много делала для ДК, что все на нее просто молились. И она поставила перед директором вопрос ребром: «Или клуб обоснуется у нас, или я уйду». И тот вынужден был согласиться.

В ленинградском и московском клубах были секции по рабочему самоуправлению, развитию рынка, институтам демократии. Они стали настоящими интеллектуальными центрами. Ленинградский клуб «Перестройка» инициировал создание Ленинградского народного фронта. В клубе активно работали такие известные люди, как социолог Андрей Алексеев, юрист Виктор Монахов, политолог Александр Сунгуров, Анатолий Голов, Юрий Нестеров. Многие члены московского и ленинградского клубов позже были избраны народными депутатами РСФСР, Ленсовета и Моссовета, некоторые работали в первом российском правительстве, а член клуба Сергей Игнатьев многие годы возглавлял Центральный банк России. А тогда, в конце 1980-х, будучи доцентом Института торговли, написал статью о необходимости двухуровневой банковской системы, передал ее мне как редактору журнала «ЭКО». Журнал ее опубликовал. Это была одна из первых работ, нацеленных на реальную реформу советской банковской системы. И таких реформистских публикаций членов клубов насчитывалось немало.

Параллельно с клубом «Перестройка» молодые экономисты, аспиранты и студенты, учредили в Ленинграде клуб «Синтез», всего 12 участников. Среди них были Дмитрий Травин, Алексей Миллер, Андрей Илларионов. Явным лидером был Борис Львин (позже он стал представителем России в МВФ). Клубы «Перестройка» и «Синтез» сотрудничали. Но что поражает, так это то, что на весь Ленинград в то время нашлась лишь сотня человек, стремившихся изменить мир, в котором жили советские люди, готовых тратить на это свои силы и время, подвергаться опасности репрессий. Капля в море!

Когда в обществе происходят тектонические сдвиги, рушатся устои, важно понимать, какие цели преследуют политические противники. Заседания нашего клуба регулярно посещали сотрудники аналитических отделов КГБ. Мы их знали в лицо. Они сидели на задних рядах и писали, писали, писали. Странный был канал связи. Но благодаря их докладным запискам многие наши предложения по решению насущных проблем страны попадали на самый верх бюрократической вертикали. Принесло ли это пользу номенклатуре?

* * *

В 1988 году мне пришлось участвовать в странном мероприятии — съезде неформалов. Кто его устроил, кто рассылал приглашения, мне неизвестно. Скорее всего, соответствующее управление КГБ или аппарат ЦК КПСС. То, что съезд организован не демократами, стало ясно только тогда, когда все собрались в московском Доме культуры «Новатор». Актовый зал был заполнен людьми, которые даже своим внешним видом выражали оппозицию советской власти — ни галстуков, ни парадных костюмов. На сцене микрофон, в углу сцены — кинооператор. И нет никого, кто походил бы на организаторов. Избрали ведущего. Он сразу спросил в микрофон: «Кто нас собрал, кто предоставил зал, кто прислал кинооператора и записывает выступления?». Из динамиков прозвучал ответ: «Какая разница? Собрались — обсуждайте!».

После первых же выступлений съезд пошел вразнос. Лозунг «Долой советскую власть немедленно!» к концу дня стал главным. Но я считал, что в тот момент такое требование было и нереальным, и неконструктивным. Одним лозунгом «Долой!» ничего не добьешься. Менять надо не только людей во власти, а всю систему, стимулы, ограничения, меры ответственности, общественные институты. Согласия на сей счет даже среди

собравшихся не было.

На вершину власти обычно попадают не самые умные и добрые, а самые настырные, агрессивные. Таковы, к сожалению, врожденные инстинкты и обычаи, по которым строится властная вертикаль. Впрочем, власть портит и порядочных людей. Они, если не изменить порядки, тоже начинают упиваться властью, превращаются в тиранов. История полна такими примерами. Поэтому если политик не предлагает изменений в общественных институтах, не требует реального контроля за высшими лицами в государстве, не добивается системы сдержек и противовесов, то он — «шут гороховый» с корыстными интересами.

Я отстаивал этот тезис. Может быть, поэтому на второй день этой странной встречи зал предложил мне стать председателем собрания и вести дискуссию. Я пытался повернуть ее в конструктивное русло, кое-что мне удалось. И не было страшно, что наши речи записывали люди в погонах. Мы не скрывали своих убеждений.

Ленинградский народный фронт

Демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством.

Василий Розанов

В Прибалтике набирали мощь антикоммунистические движения — народные фронты. Нам страстно хотелось того же. В ленинградском клубе «Перестройка» оформилась фракция «За Ленинградский народный фронт». Ее сопредседателями были избраны Анатолий Голов, Юрий Нестеров и я. Это и был оргкомитет Ленинградского народного фронта (ЛНФ). По городу развесили листовки с лозунгами создаваемого движения. По утрам их срывали инструкторы райкомов партии, для которых это было партийное задание. Но идея создания фронта быстро распространялась по городу. В районах, на предприятиях, по месту жительства стали создаваться ячейки ЛНФ.

Люди примыкали к движению не из осознанных идейных соображений, а потому что не могли больше мириться с нищетой и всеобщим дефицитом, хотели жить, как в Европе и США. Это уже потом стало понятно, что жить, как при капитализме, а работать, как при социализме, не получится. Надо вкалывать и проявлять инициативу, предприимчивость, добиваться, чтобы российские предприятия конкурировали на равных на мировом рынке. Для того чтобы к этому прийти, надо вырастить класс предпринимателей, пройти через тяготы структурных реформ и экономического спада, создать надежные гарантии прав собственности, иметь такие невиданные в нашем обществе институты, как независимый суд и реальный контроль общества за работой органов исполнительной власти. Но кто тогда об этом думал?

Провели учредительный съезд ЛНФ, но решили не регистрировать организацию, остались неформалами. Впрочем, вряд ли в тот год можно было зарегистрировать оппозиционную политическую организацию. Сформировали районные отделения, наладили выпуск газеты — «Невский курьер», организовали ее распространение по предприятиям. Издавался и информационный бюллетень «Северо-запад» главным редактором которого был Анатолий Голов. Митинги, проводимые ЛНФ в 1990–1991 годах,

собирали до полумиллиона ленинградцев. Но начинался ЛНФ именно с клуба «Перестройка».

Впрочем, в лидерах ЛНФ были и люди, не имевшие отношения к клубу, — Марина Салье и Александр Беляев. У них и не было той программы реформ, которую активно обсуждал наш клуб, но они умели обращаться к людям так, чтобы им внимали. Марина Салье стала одним из самых популярных лидеров Ленинградского народного фронта. Александр Беляев впоследствии стал председателем Ленсовета.

Газета «Невский курьер» была, наверное, первой частной газетой в СССР. Это был рупор ЛНФ, хотя формально он не был ее учредителем. Меня избрали главным редактором. Зарплату не платили. Мы все работали в газете за идею, деньги тратили только на бумагу и типографию. Редактировали на отечественных персональных компьютерах, других не было. Они часто выходили из строя, готовых компьютерных программ верстки тоже не было. Для газеты такую программу написал математик Георгий Матвеев.

Первые номера «Невского курьера» удалось напечатать в Тарту с помощью эстонских друзей. В Ленинграде это сделать мы не могли, потому что типографии по-прежнему требовали предоставить разрешение обкома партии. А в Тарту уже издавался оппозиционный «Тартуский курьер». Его издатель Рейн Кильк — сегодня депутат эстонского парламента. А тогда это был молодой человек, который зарабатывал деньги на издание своей оппозиционной газеты, выращивая зимой в теплицах розы, так же как мы — тюльпаны.

Приехали мы к нему в Тарту и предложили оплатить печать вкладыша в их газету объемом 4 полосы. Это и был первый номер «Невского курьера». С третьего номера наша газета стала издаваться отдельно, тиражом 30 тыс. экземпляров. Она расходилась лучше других газет, ведь на ее страницах обсуждались острые вопросы нашей жизни, предлагалось то, что потом стало реальностью новой России. «Невский курьер» честно выполнил свою роль коллективного организатора. Газета издавалась 3 года, вышло 40 номеров.

Вот некоторые темы первого номера «Невского курьера» в революционном 1991 году: частная собственность на землю, агония КПСС, организация органов местного самоуправления во Франции. В третьем номере — хроника коммунистического путча в Вильнюсе и Риге, размах номенклатурной приватизации, судебная практика по политическим делам 1980-х годов, разбор причин тотального дефицита товаров. В четвертом номере — талантливая юмореска о неудавшейся попытке военного

переворота в США. Автор объясняет: он невозможен, мешает разделение властей.

На страницах «Невского курьера» был напечатан цикл статей с критикой предложений мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака создать в городе свободную экономическую зону. Мы доказывали, что она невозможна в условиях тотального дефицита конца 1991 года, «деревянного» рубля и антирыночных законов. Для реализации этой авантюрной идеи пришлось бы огородить город колючей проволокой и ввести законодательство соседней Финляндии. По этому поводу мы даже поссорились с Анатолием Чубайсом, который был советником Собчака и вынужден был поддерживать его утопию.

Ленинградский народный фронт участвовал в выборах народных депутатов СССР в 1989 году и выборах депутатов Верховного Совета РСФСР и Ленсовета в 1990 году. Пожилые люди помнят трансляции по телевидению съездов народных депутатов СССР. Для многих это был шок, люди впервые слышали с экранов правду. Мятежный ректор Высшей партийной школы Юрий Афанасьев клеймил «агрессивное послушное большинство» съезда, Юрий Болдырев аргументировал свою антиноменклатурную позицию, Анатолий Собчак докладывал об использовании военными саперных лопаток при разгоне демонстрации в Тбилиси. Первые съезды народных депутатов СССР были для советских людей настоящей школой гражданственности. Жаль, что многие из них так и не сумели эту школу окончить.

Юрий Болдырев работал инженером в одном из НИИ Ленинграда. Он участвовал в дискуссиях клуба «Перестройка», но не вступал в него, он просто не был либералом. Началась избирательная кампания 1989 года. В то время кандидата мог выдвинуть любой трудовой коллектив — даже отдела или цеха. Но нежелательных политических активистов пропускали через фильтр (типа нынешнего муниципального). Кандидата должно было утвердить «собрание общественности». В него по разнарядке райкома собирали учителей, врачей и прочих бюджетников, зависящих от начальства, голосовавших, как им велено. Иных на собрание не допускали.

В Московском районе Ленинграда обком КПСС наметил в депутаты СССР второго секретаря обкома. Мешал Юрий Болдырев, выдвинутый коллегами по его лаборатории. Когда на «собрании общественности» он воодушевленно и доходчиво стал излагать свое видение назревших реформ в стране, председательствующий грубо его оборвал. Зал зашумел, требуя не ограничивать время оратора. Он выступал около 30 минут. Собрание завершилось с сенсационным, скандальным для того времени результатом —

одобрило обе кандидатуры. Казалось бы, что тут особенного? На выборах и должно быть несколько кандидатов, иначе это не выборы. В СССР тоже выдвигали несколько кандидатов по каждому избирательному округу. Но за неделю до выборов все, кроме райкомовского назначенца, снимали свои кандидатуры. Такая бутафория делалась на экспорт, для зарубежного обывателя. Мол, у нас настоящая демократия, кандидатов несколько, а то, что они снимают свои кандидатуры, — так это их право. В данном же случае было ясно, что Болдырев не снимет.

Члены клуба «Перестройка» воспользовались уникальной возможностью предоставить реальный выбор избирателям. Расклеивали листовки в поддержку кандидата Болдырева, выступали у станций метро, ходили по квартирам. Опасаясь фальсификации результатов, попросили социологов провести опрос жителей района — предвосхитили экзит-полы (англ. exit pool), которых тогда еще не было. Опрос показал, что за Болдырева проголосуют 8 из 10 человек. Эту информацию сообщили в листовках, предупредили избирателей: «Если будут объявлены иные цифры, не верьте — значит, избирательная комиссия сфальсифицировала результаты». Листовки развесили в подъездах. Соответствующие письма разослали членам избирательной комиссии. На фальсификацию она не решилась. Болдырев стал народным депутатом, а позже — членом Верховного Совета СССР, одним из учредителей партии «Яблоко» (Явлинский, Болдырев, Лукин). Сегодня он — доверенное лицо лидера КПРФ Геннадия Зюганова.

Первомайская демонстрация

Кто не идет вперед, тот идет назад, стоячего положения нет.

Виссарион Белинский

Весной 1988 года ленинградские партийные власти, скрепя сердцем, разрешили демократам выйти на первомайскую демонстрацию отдельной колонной. Нам предстояло решать, как ее оформить. В СССР за участие в демонстрациях, как сегодня за участие в пропутинских митингах, предоставляли бонусы. Сейчас платят деньгами, тогда просто давали отгул. Транспарантами и флагами снабжали централизованно. Лозунги утверждал обком, а на ткани их наносили художники в мастерской местного отделения Художественного фонда. Поэтому у участников прокоммунистических демонстраций ни о чем душа не болела. Пришел, отметился в списке у парторга и топай в толпе.

А нам самим надо было все организовать. С какими лозунгами идти? Кто напишет транспаранты? На чем и какими красками рисовать? Где взять древки, материю и деньги на все на это? Люди жили бедно, олигархов еще не было, а кооператоры проявляли несознательность. Сняв со сберкнижки необходимую сумму тюльпанных денег, мы с женой купили в «Гостином Дворе» рулоны дешевой ткани разных цветов, кроме красного. Загрузили их в «Жигули» и привезли в подвал, который нам устроили по знакомству. Там уже стояли столы, собрался народ. Стали весело рисовать кистями лозунги. Ошибка, клякса — берут ножницы, отрезают испорченный кусок, бросают в угол, отматывают от рулона новый.

Я не выдержал: «Ребята, аккуратнее, деньги же немалые плачены». «Пошел бы ты подальше, буржуй недоделанный!». Хлопнул дверью, сел в машину и поехал домой. Рынок, частная собственность еще впереди, а неприязнь к предприимчивым людям уже налицо. Верх берет первобытный инстинкт: «Пусть в нищете, но в равенстве». Справедливость, как в первобытном племени. И еще привычка к социалистической халяве. «Не мое — не жалко!».

Надо было что-то придумать, чтобы уменьшить брак. Купили с Ритой школьные тетради, на каждой нарисовали букву во весь лист. Вырезали буквы сразу по 12 штук, складывали в стопки. К трем часам ночи алфавит был готов. Утром привезли буквы в подвал, поставили банки с клеем. Краску убрали. Если допустил

ошибку, сдирай букву и клей новую.

Важны были тексты лозунгов. Устроили «мозговой штурм», провели рейтинговое голосование, отобрали лучшие: «Партия, дай порулить!», «Раба в себе дави!», «Без оппозиции нет позиции», «Конкуренция — двигатель прогресса!», «Рынок цену знает» и др.

Примкнуть к первомайской колонне неформалов в тот раз выразили желание многие, в том числе сторонники Тельмана Гдляна и Николая Иванова. Эти следователи стали популярными, раскрутив знаменитое хлопковое дело о приписках и взятках в республиках Средней Азии. Встреча с их поклонниками потрясла меня. Набережная Мойки была заполнена людской массой, все в темных одеждах и какие-то пришибленные, с лицами обиженных жизнью людей. Вдруг толпа встрепенулась — из машины вышел следователь Иванов. Его буквально вдавили в ограду набережной. Поклонники тянулись дотронуться до кумира, до своего «божества». Я впервые видел такое животное проявления веры в вождя-благодетеля. Естественно, никаких лозунгов у этой толпы не было. Они встали со следователем в хвост нашей колонны демократов и постепенно рассосались.

Когда колонна демократов шла по Невскому проспекту, ее лозунги изумляли не привыкших к такому ленинградцев. Мы несли не призывы к «победе коммунистического труда», а транспаранты с разумной политической повесткой, дававшей надежду на достойную жизнь. И впрямь оппозиция, как «за бугром». Мы сообразили, что наши транспаранты надо повернуть лицом назад, чтобы их видели те, кого мы обгоняем, кто шел мобилизованный парткомом в скучных районных колоннах. Сработало. Пока дошли до Дворцовой площади, б*ольшая часть людей из чужих колонн перешла к нам, под наши лозунги. Остановить перебежчиков парторги предприятий оказались бессильны.*

Когда вышли на Дворцовую площадь, наша колонна встала. На трибуне стоят члены горкома и обкома КПСС, а перед ними 100 тыс. «неформалов» и примкнувших к ним ленинградцев с антипартийными и антисоциалистическими лозунгами! Дежурный партийный оратор на трибуне поперхнулся и замолчал. Молчание длилось долго. Так и стояли, пока демократы не удовлетворилась произведенным эффектом и не двинулись в сторону Фонтанки. Это был праздник души, расходиться нам не хотелось. На площади у Литейного провели несанкционированный митинг. В 1988 году, в отличие от нынешних времен, подобные митинги ОМОН разгонять не имел права.

Уникальный Ленсовет

В государстве следует четко различать арифметическое большинство и большинство политическое.

Антуан де Ривароль

Когда в 1990 году были объявлены выборы народных депутатов РСФСР и Ленсовета, Ленинградский народный фронт стал подбирать в кандидаты людей, способных последовательно отстаивать стратегию демократических реформ. В Доме писателей состоялось собрание демократической общественности, был создан оргкомитет «Выборы-90». Мне поручили «развести» наших кандидатов по разным округам, так чтобы они не конкурировали между собой.

Далеко не все наши сторонники соглашались ради общего блага и светлого будущего бросать свою работу и становиться профессиональными политиками. Выручало то, что в те времена можно было выполнять обязанности депутата без отрыва от производства — как общественную нагрузку. Это было необременительно. Так, Верховный Совет РСФСР собирался на сессии пару раз в год, сессия длилась несколько дней. Депутатам зачитывали названия законов, которые от их имени уже утвердил Президиум Верховного Совета. Оставалось утвердить утвержденное, причем делалось это обычно единогласно. Такая пародия на парламент, на представительную демократию воспринималась советскими людьми как норма. Аналогично работал и Ленсовет. То, что может быть по-другому, люди не ведали. Страна входила в Перестройку со старыми процедурами.

В Ленинградском порту с помощью инженера Владимира Макарова удалось организовать диспетчерскую комитета «Выборы-90». Люди звонили и спрашивали: «Мы хотели бы выдвинуть кандидата от ЛНФ. Кого вы нам посоветуете?». Активисту от ЛНФ давали адрес этого предприятия. Если его выступление и программа людям нравились, он выдвигался кандидатом в депутаты. Снять кандидата под надуманным предлогом, как это делается сейчас, избирательная комиссия не могла. На выборах же все зависело от самих кандидатов, их друзей и соратников. Ходили по квартирам, выступали у станций метро, отвечали на вопросы и спорили на встречах с избирателями с политическими противниками — коммунистами

и националистами.

Тюльпанные накопления пошли на поддержку кандидатов ЛНФ, на печать, на приобретение мегафонов. Предвыборная кампания Юрия Болдырева показала, насколько важно их иметь кандидатам, выступавшим у станций метро и в других общественных местах. Но мы никогда не устраивали заказных митингов. Да и наши съезды и конференции проводились только на энтузиазме.

Я шел на выборы кандидатом в Ленсовет и в народные депутаты РСФСР по 116-му Московскому округу Ленинграда. Как строилась моя предвыборная агитация? Напротив выхода из метро ставился ящик, стоя на котором, кто-нибудь из наших через мегафон призывал прохожих остановиться и пообщаться лично с кандидатом в депутаты. Я взбирался на ящик и рассказывал людям о своем видении ситуации в стране, о возможных решениях злободневных проблем. Постепенно собирался импровизированный митинг — человек 150. Задавали острые, с подковыркой вопросы. Как вы преодолеете дефицит? Как вы собираетесь заставить наших неумех повысить качество товаров? Если конкуренцией, то неизбежны свободные мощности. Зачем станкам простаивать? Частная собственность — значит, эксплуатация. Вы этого хотите? Если свобода слова — значит, каждый дурак сможет печатать свою ахинею? Я отвечал, спорил. Люди интересовались и тем, где я работаю, сколько получаю, есть ли у меня жена и дети.

В 100 метрах от нас из спецавтобуса через громкоговоритель агитировали коммунисты. Их кандидата живьем увидеть не удавалось, он сидел в Смольном. Партийные клерки вещали за него строго по часам и очень неубедительно. В 18.00 их рабочий день заканчивался, и они уезжали. А у меня начинался «час пик», ведь люди в это время шли с работы и останавливались, привлеченные невиданной ранее публичной дискуссией.

Незадолго до выборов мы напечатали и расклеили по городу списки кандидатов ЛНФ. Люди шли на выборы, уже зная кандидата ЛНФ по их округу. Даже если они не видели, не слышали этого человека, они верили ЛНФ. Фронт выполнил функцию, которую должны выполнять политические партии, провел селекцию и придал ускорение своим кандидатам. Из 42 народных депутатов РСФСР от Ленинграда 40 было выбрано из числа демократов. В Ленсовет по спискам ЛНФ прошли три четверти депутатов. Мы победили! Вряд ли мы добились бы таких результатов, если бы не было тюльпанных денег на нашу газету, листовки и мегафоны.

Первые заседания нового состава Ленсовета пришлось вести

мне. Я поставил вопрос об ускоренном повышении квалификации депутатов по экономике и политологии. Всем нам не хватало знаний, ведь мы жили за «железным занавесом», мало что знали о зарубежном опыте. Добился, чтобы в заседаниях Ленсовета объявили трехдневный перерыв для проведения «ликбеза». Лекции читали Оксана Дмитриева, Анатолий Чубайс, Сергей Васильев и другие молодые ученые — члены клуба «Перестройка».

Ленсовет долго оставался без председателя. Демократы были не в состоянии договориться между собой. На втором туре голосования два претендента — Марина Салье и я — получили равное число голосов. Не прошел никто. Стали искать достойную замену, остановили выбор на популярном депутате СССР Анатолии Собчаке. Но для начала он должен был стать депутатом Ленсовета. Мы уговорили Собчака участвовать в повторных выборах в Ленсовет по свободному округу, где выборы сорвались из-за пассивности избирателей. В этом округе были сплошь студенческие общежития. Приложили немало сил, чтобы избиратели на этот раз пришли. Сначала убеждали студентов в том, как много зависит от их гражданской активности. А в день выборов вечером с членами избирательной комиссии приехали прямо на танцы в общежитие с переносной урной для голосования. Я выступил с речью, юноши и девушки принесли паспорта и под контролем комиссии все-таки проголосовали.

Когда мы с урной спускались вниз, кто-то из националистов — сторонников общества «Память» — вырубил свет. До окончания голосования оставалось полчаса. Хорошо, что нашелся электрик, который переключил автомат, и мы успели. Не знаю, сыграли ли именно эти голоса решающую роль, но в итоге Анатолий Собчак стал депутатом Ленсовета и был избран его председателем. Избран благодаря своему телевизионному имиджу: ведь он блестяще выступал на съездах депутатов СССР, возглавлял комиссию по расследованию трагических событий в Тбилиси и снискал славу противника КПСС.

Если бы мы заранее посоветовались с депутатами СССР, знавшими Собчака не по телепередачам, а по реальной работе, то стало бы понятно, что он — малообразованный популист и никакой юрист. Это выяснилось потом, когда председатель Ленсовета обрушился на Совет с бездоказательной критикой. Он стремился к единоличной власти в городе, а активный представительный орган ему мешал.

В унисон с его выступлениями тележурналист Александр Невзоров сделал пасквильный ролик для популярной телепрограммы «600 секунд». В нем крысы грызут и сбрасывают с

постамента пластмассовую игрушку — памятник Петру I. Ролик сопровождался текстом, в котором депутаты Ленсовета выставлялись врагами своего города. И у питерцев возникло недоумение: с одной стороны, Собчак — «признанный демократ», с другой — он против демократического Ленсовета. Кто прав? Большинство жителей так в этом и не разобрались.

Сыграла свою роль наша традиционная культура. Власть для большинства предстает в образе чиновника, то есть представителя исполнительной власти. Собчак как председатель Ленсовета стремился, прежде всего, сделать невозможной работу председателя исполкома Ленсовета Александра Щелканова, тоже известного союзного депутата. И добился своего. Власть в городе вскоре обрела черты авторитарного режима. Но Собчак пользовался такой популярностью, что последующее избрание его мэром было предрешено. Ленсовет вел оборонительные бои, но изменить ситуацию уже не мог.

Здесь уместно сравнить наш опыт с практикой развитых стран. Там избиратели высказывают свои предпочтения на выборах, избирая депутатов — своих полномочных представителей. Им доверяется сформировать правительство и контролировать правительственных чиновников. Бюрократия знает, что ей придется работать под жестким парламентским надзором. В России все наоборот. Мы избираем президента, который формирует вертикаль чиновной власти. И его назначенцы, используя административный ресурс, определяют, кому дозволено стать депутатом. Чиновники и заказывают, и исполняют какофонию бутафорского народовластия.

Тот, демократически избранный Ленсовет XXI созыва успел сделать многое. Его комиссии вникали во все детали и тонкости работы исполкома. Мне довелось быть председателем комиссии по промышленности, я знаю тяготы этой работы по своему опыту. Мы ездили по предприятиям, пытаясь помочь стагнировавшей в условиях дефицита экономике. Но «красные директора» относились к депутатам Ленсовета настороженно: «Бригадный подряд пережили и вас с вашими реформами переживем». Не пережили. Рынок состоялся, хотя и не тот, о котором мы мечтали, к которому стремились. Неконкурентный, олигархический, иными словами — «капитализм для своих». Почему? Об этом разговор чуть позже.

Семинары на Ладоге

Кто хочет быть свободным, тот действительно свободен.

Жан-Жак Руссо

На ленинградской базе Военно-морского флота был отдел реализации списанного имущества. В условиях советского дефицита там всякая всячина, бывшая в употреблении, за исключением снарядов и торпед, выставлялась на продажу. Мне удалось купить швербот «Финн» в приличном состоянии, но без мачты. Военно-морской яхт-клуб списал его по причине некомплектности. Я его подремонтировал, оснастил новой мачтой, заказал в парусной мастерской парус. Получился комплект. Мы с женой купили прицеп к «Жигулям» и стали выбирать водоем по вкусу. Опробовали швербот на водохранилище в Вышнем Волочке. Понравилось.

Аппетит приходит во время еды. Решили приобрести еще и тримаран. Это такая алюминиевая «сигара» 6 м длиной и 1,5 м шириной, поперек которой закреплены две балки. На их концах аутригеры — сигарообразные поплавки, обеспечивающие устойчивость посудины при ветре. На тримаране можно плавать втроем и развивать приличную скорость, поскольку у него нет тяжелого киля. Его заменяет выдвижной шверт. За счет аутригеров можно нести довольно большой парус. На этом тримаране на Ладоге получили первые навыки управления парусом Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Михаил Дмитриев, Григорий Глазков и другие участники будущего правительства реформ.

А возникла эта парусная школа так. Мы женой поставили гараж-эллинг на окраине деревни недалеко от бухты Черная Сатама на южном берегу Ладоги. Там большие дюны, поросшие сосновым лесом, песчаный пляж — не хуже Юрмалы. Только на Ладоге пограничников нет, а на Балтике при советской власти в воду на плавсредствах было не сунуться — «железный занавес»!

На этом ладожском берегу с 1988 года летом три года подряд на неделю собирались те, для кого необходимость реформировать экономику и политическую систему СССР не вызывала сомнения, кто искал возможности, как это сделать. Парус — парусом, а главным было общение. Дискуссии шли на разные темы, причем по довольно жесткому плану и графику, который отслеживал Анатолий Чубайс. Один день мы обсуждали место профсоюзов в

рыночной экономике, другой — возможные методы приватизации, третий — роль госсобственности. И так далее.

Накал дискуссий был таким, что со стороны участники семинаров казались сумасшедшими. Солнце, жара, с Ладоги надвигается гроза, а два десятка человек в купальных костюмах яростно что-то доказывают друг другу. Начинается ливень, спорщики хватают большой кусок полиэтиленовой пленки, поднимают его на вытянутых руках над головами, и продолжают дискутировать. Из стоявших неподалеку чужих палаток с недоумением выглядывают туристы: что это за чудаки, о чем можно так увлеченно спорить, стоя под дождем?

Мощный шквал поднял алюминиевый тримаран в воздух, пролетев полсотни метров, он упал в воду вверх днищем. Мы бросились в Ладогу и вытащили его. Но выпал и утонул шверт. А как ходить под парусом без шверта? Он лежал где-то на дне озера, на мелком месте. Но где? Административные способности проявил Чубайс. Построил весь наличный состав семинара поперек линии прибоя на расстоянии метра друг от друга, и мы начали прочесывать мелководье. Спустя минут 20 раздался вопль: «Нашел!». Парусные гонки, как приложение к дискуссиям, были гарантированы.

Черника, грибы, сосны, Ладога, а главное — мы были молодые и верили, что сможем изменить общественный строй в нашей стране. Не сегодня, не завтра, но обязательно изменим. И россияне будут жить, как европейцы — достойно, без мучительного дефицита и всеобщего бардака. Не будут отчитываться перед начальством о выполнении плана по производству всякой дряни. Будут выпускать добротные, пользующиеся спросом вещи. И главное — станут свободными людьми!

Позднее выяснилось, что наши ладожские семинары сыграли роль предварительных заседаний будущего правительства реформ. Многие подходы, которые были реализованы в реформах начала 1990-х годов, обсуждались тогда, на ладожском берегу. Но наши мечты сбылись лишь частично. Мы тогда не понимали, каким препятствием станет холопская, подданническая культура нашего народа, тяга номенклатуры и криминала к сбору дани — ренты, индивидуализм и взаимное недоверие россиян, неспособность к самоорганизации. Да, рынок занял место Госплана. Но нет справедливого суда, нет неподкупной полиции, нет честных выборов. Зато есть диктатура бюрократии. Но я верю, что Россия когда-нибудь все-таки станет европейской страной, что новые поколения россиян доделают начатое нами.

Митинг против андреевских принципов

Эпоху можно считать законченной, когда истощились ее основополагающие иллюзии.

Артур Миллер

Большой заслугой Ленинградского народного фронта стало то, что одним своим митингом он остановил наступление реакции в стране. Речь идет о политических последствиях публикации в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 года антиперестроечной статьи преподавателя Ленинградского технологического института Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Эта дама действительно не могла поступиться своими совковыми принципами, химерами коммунистического мировоззрения. С ее точки зрения, Михаил Горбачев, пытавшийся придать социализму человеческое лицо, предал страну и партию. Ей обязательно надо было его остановить. Жить, как живет цивилизованный мир, она не хотела.

Реакция на этот манифест была замедленной. Горбачев оказался в зарубежной поездке, а у Александра Яковлева, похоже, не хватало полномочий. Егор Гайдар, работавший тогда в журнале «Коммунист», рассказывал, как в редакции сторонники Перестройки буквально втянули голову в плечи: «Вот все и закончилось». А сталинисты, напротив, плечи гордо расправили. Здесь важно отметить, что после назначения на пост главного редактора журнала талантливого журналиста и экономиста Отто Лациса, шестидесятника по убеждениям, журнал стал вскрывать глубинные пороки социалистической системы. В нем публиковались настолько острые и правдивые статьи, что это объективно сделало его антикоммунистическим изданием. Такое в истории бывает.

Состояние гнетущей политической неопределенности продолжалось всю неделю, пока на «Пятом канале» телевидения не нашлись люди, решившиеся показать на всю страну многотысячный митинг демократических сил, выступивших против андреевских принципов. Его Ленинградскому народному фронту удалось организовать и провести на площади перед Спортивно-концертным комплексом (СКК).

Утром 13 марта 1988 года, когда вышла статья Андреевой, мне позвонил член клуба «Перестройка» и соиздатель «Невского курьера» Георгий Матвеев: «Надо что-то делать! Эта статья —

призыв к реставрации сталинизма. Молчать нельзя, надо собирать митинг протеста. Поехали в горисполком, подадим заявку». Тогда получить разрешение на митинг было просто. Достаточно было оформить заявку от трех инициаторов, и если митинг не перекрывал движение транспорта, то отказать им было нельзя. Правда, согласие на проведение митинга исполком Ленсовета давал только накануне митинга. А без его согласия газеты объявление о митинге не публиковали. Интернета и «Твиттера» тогда не было.

Как оповестить наших сторонников без помощи газет и радио? Разработали макет листовки: карикатуру, где корову «госсобственность» доит доярка — номенклатура КПСС. Там же приглашение на митинг протеста. Ленинградские типографии заказ на печатание таких листовок не приняли, опасались. Решили искать помощи в Прибалтике. На своих «Жигулях» мы с Ритой рванули в Литву, в отделение «Саюдиса»[3]*. Это 600 км по ледяной трассе. Русская девушка, заместитель председателя отделения, заверила, что к утру тираж будет готов. Утром загрузили машину пачками с листовками и к 21.00 были в Ленинграде.*

Активисты ждали нас в фойе станции метро «Технологический институт». Они получили по две пачки для каждого и должны были начать раздавать листовки у эскалаторов станций метро в 6.00. Вручать листовки только каждому четвертому — чтобы хватило до девяти утра, а листовки «покрыли» бы весь город. Люди принесли их на работу, рассказали коллегам, обсуждали «идти — не идти». Мне позвонили: «В наш институт попало четыре листовки. Коллектив бурлит!». К обеду о предстоящем митинге знало большинство ленинградцев.

Митинг, на который соберутся десятки тысяч людей, без звукоусилителей — провальная затея. Поэтому мы приобрели у радиолюбителя за 100 рублей (месячный оклад) мощный ламповый усилитель в комплекте с громкоговорителями. Но нужна была электрическая розетка. Где? На гранитном пандусе СКК. Обеспечить ее уговорили местного электрика комплекса. Для подстраховки собрали резервную установку с громкоговорителями на аккумуляторах.

И вот на пространстве перед Большой спортивной ареной — гигантское скопление народа. Перед площадью большая гранитная трибуна. В самом углу площади стоят группы коммунистических активистов с красными знаменами. Их за отгулы привезли на автобусах инструкторы райкомов КПСС. Но таких было явное меньшинство.

Когда мы размещали динамики на ограждениях трибуны, то рядом топтались двое в штатском: «Где свет возьмете, чудики?».

Я пнул сугроб, оттуда вывалился провод с розеткой. Электрик не подвел. Микрофон и громкоговорители работали. У людей в штатском вытянулись лица, но мешать нам они не стали. Позже мы поняли почему.

Выступали народные депутаты СССР — члены Межрегиональной депутатской группы. Я предоставлял слово одному, второму, третьему. Кто-то тронул меня за плечо. Оборачиваюсь — слово просит первый секретарь обкома Борис Гидаспов. Когда я объявил его, площадь взорвалась криками: «Долой!», «Позор!». Кричали все, в том числе и люди, мобилизованные райкомами КПСС. Гидаспов стоял молча. Мне самому от криков было неуютно — а каково ему? Я поднял руку, площадь смолкла. Сказал о наших демократических убеждениях, которые требуют давать слово всем, в том числе нашим политическим противникам. И даже первому секретарю обкома той партии, против всевластия которой мы выступаем. Гидаспов выступал минут пять, никого не убедил. Когда закончил, площадь вновь взорвалась ревом. Меня пробрала дрожь: какая же у людей ненависть к коммунистам!

Наш митинг продолжался часа полтора. Никто не уходил. Телевидение вело трансляцию на всю страну. Сторонники Перестройки в других регионах страны воспрянули духом: повернуть вспять реформы не получится! А организовала и провела митинг небольшая группа активных граждан. Просто им было очень важно, что станет с их Родиной.

С критикой тезисов Андреевой выступили известные публицисты, деятели культуры, ученые. «Правда» опубликовала 5 апреля 1988 года статью «Принципы перестройки: революционность мышления и действия». Подписи под ней не было, но стало известно, что ее написал Александр Яковлев. В статье подтверждался курс на демократизацию, а статья Андреевой была расценена как попытка ревизовать партийные решения, как манифест антиперестроечных сил. Уловив настроение общества и реакцию Горбачева, «Советская Россия» 6 апреля перепечатала эту статью, а 12 апреля поместила подборку «Из почты этих дней», в которой проявилось «раскаяние» редакции.

На съездах народных депутатов

Демократия — это государственное устройство страны, показывающее, чего стоит ее народ.

Виктор Кротов

Народные депутаты РСФСР собрались 16 мая 1990 года в Москве в Большом Кремлевском дворце на свой первый съезд. В повестке дня — избрание председателя Верховного Совета РСФСР. Борис Ельцин, как признанный кандидат на эту должность, встречался с делегациями регионов. Встретились с ним и депутаты от Ленинграда. Когда Ельцин изложил свою экономическую программу, мы ее жестко раскритиковали, доказывали, что предложенными полумерами не обойтись, нужны последовательные и радикальные реформы. Приводили исторические параллели, ссылались на опыт других стран. Ельцин критику воспринял и предложил подключиться к доработке его программы.

Мы, противники советской власти, оказались перед выбором — между коммунистом Иваном Полозковым и вчерашним секретарем обкома Ельциным, ставшим к тому времени весьма популярным. Поддержав на пост председателя кандидатуру Бориса Николаевича, несмотря на огрехи его программы, мы имели хотя бы шанс на проведение реформ. В противном случае таких шансов не было. Так началось наше сотрудничество с Ельциным.

Мы тесно с ним взаимодействовали, например, при отчетах председателя Верховного Совета РСФСР, а позже — президента России перед съездами народных депутатов. По регламенту председатель ВС обязан был выступать с докладом о текущем моменте и планируемых мерах по решению назревших проблем и затем отвечать на вопросы депутатов. Заседание транслировалось в прямом эфире. В условиях политического противостояния 1991–1993 годов вопросы были предельно жесткими, каверзными и злыми. А поиск правильных и выигрышных ответов был для докладчика непрост, хотя бы из-за цейтнота. Микрофоны обычно оккупировали коммунисты и их союзники — аграрии и «красные директора». Что ни вопрос — издевательство над здравым смыслом или откровенная ложь в самом вопросе. Согласитесь, несправедливо, когда за рыночные реформы голосует значительная часть депутатов, а «отдуваться» на трибуне съезда и

перед телезрителями за их реализацию приходится одному Ельцину. Мы должны были ему помочь.

На балконе зала съездов в Кремле собрались депутаты-демократы. У стенки в углу примостились депутаты от компартии — чтобы быть в курсе наших планов и своевременно доложить о них руководству своей фракции. Я пустил по рядам шапку и предложил каждому вложить в нее свой завтрашний вопрос президенту. Причем вопрос должен был дать возможность рассказать, отвечая, что уже сделано и что препятствует рыночным и политическим реформам. Пообещал отобрать самые удачные и попросил всех завтра в 6.00 занять очередь у микрофонов. Депутаты идею поддержали, листки с вопросами сложили в шапку, соглядатаи ушли ни с чем. Из сотни вопросов мы с коллегами-экономистами отобрали 30 наиболее позитивных и ближе к вечеру отвезли Борису Николаевичу, предложив свои варианты ответов. Мы понимали, что Ельцин вправе сам решать, как лучше отвечать. Но он, по крайней мере, будет знать заранее многие вопросы и сможет подготовиться к ответам.

Утром, когда он делал свой доклад, у всех 6 микрофонов очередь состояла почти сплошь из наших сторонников. В руках у них были списки вопросов, отосланных накануне Ельцину. Президенту не приходилось судорожно искать цифры, они, заранее подобранные, лежали перед ним. Отвечал он убедительно, выглядел выигрышно.

Сотрудничать с Ельциным мне, народному депутату, довелось в разных формах и при различных обстоятельствах, в частности, при обсуждении законопроектов о собственности, о предприятиях и предпринимательской деятельности, о приватизации. Обычно такие обсуждения проходили в узком кругу перед вынесением их на слушания в Верховном Совете.

Из истории с Законом о собственности видно, насколько в начале 1990-х годов россияне отставали от населения развитых стран в понимании институтов рынка. Хотя было понятно, что переход к рынку невозможен без легализации в стране частной собственности, были скептики. Так, в мае 1990 года Анатолий Чубайс, тогда доцент Ленинградского инженерно-экономического института полагал, что пройдет несколько лет, пока народ и власть дойдут до понимания, что с коммунистической фикс-идеей отрицания частной собственности и предпринимательства пора заканчивать. Я в сравнении с ним выглядел сумасшедшим оптимистом, считая, что телегу надо готовить зимой, а законопроекты писать загодя.

Набросал проект закона о легализации частной собственности в России и как народный депутат РСФСР поехал с

ним в Москву. В Комитете по законодательству Верховного Совета узнал, что законопроект на эту тему завтра выносится на первое чтение. Упросил секретаря комитета Николая Рябова познакомить меня с его текстом. Он, нехотя, согласился. Прочитав, что «в России признается государственная, муниципальная и частная собственность», я спросил: «А куда относится собственность церкви, профсоюзов, некоммерческих организаций?». Рябов ничего не ответил, но позвонил председателю комитета Сергею Шахраю: «Тут депутат из Ленинграда вопросы странные задает, подойдите». Пришел Шахрай: «Экономист, говорите? У двух экономистов всегда три мнения». Я попросил отложить шутки в сторону: «Допущена глупость, законопроект надо снять с повестки дня и переписать». Шахрай неохотно согласился и предложил мне присоединиться к рабочей группе. Закон о собственности в новой редакции был принят 24 декабря 1990 года. За ним последовал Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности. Они расчистили дорога к рынку. Через несколько лет на смену этим законам пришел новый Гражданский кодекс РФ.

Всегда ли прав народ?

ГКЧП

Никто никогда не имел других прав, кроме тех, какие завоевал и сумел сохранить за собой.

Вилье де Лиль-Адан

Весной 1991 года ситуация в СССР накалилась. Армия проводила странные военные учения под Москвой. В Вильнюсе была предпринята попытка захвата парламента и телецентра. Рижский ОМОН штурмовал республиканское МВД. Михаил Горбачев проявлял нерешительность, медлил с назревшими рыночными реформами, его авторитет в народе стремительно падал. На этом фоне быстро росла поддержка народом российского руководства во главе с Борисом Ельциным. Но нам не верилось, что высшая партийная номенклатура так просто поступится властью и согласится на политическую конкуренцию.

19 августа в 6.00 меня разбудил телефонный звонок: «В Москве военный переворот. Вот гады, они все-таки на это пошли!». Я попросил жену собрать в сумку пару белья, две книги и бутерброды. Неясно, как все сложится, может быть, придется сразу уходить в подполье.

Приехал в Ленсовет. Председатель Комиссии по экономической реформе Сергей Васильев проводил собрание депутатов демократических фракций. Распределяли обязанности, решали, что кому делать. Когда я вошел в зал, он сразу обратился ко мне: «Мы при любой диктатуре должны иметь свою прессу. Ты — редактор "Невского курьера", тебе и отвечать за подпольные издания. Решай сам, что и как делать». Дал мне в помощь молодого депутата и предложил браться за дело немедленно.

Мы выбрались из здания Мариинского дворца и сразу почувствовали за собой слежку. Мой кабинет председателя Комиссии по промышленности находился в соседнем здании. Предъявили свои депутатские удостоверения, охрана нас не остановила. Но и нашего преследователя, показавшего какие-то корочки, тоже пропустила. Я собирался взять из своего стола кое-какие материалы, но теперь важнее было оторваться от «хвоста». В коридоре мы неожиданно для него скрылись за дверью приемной комиссии. Преследователь замешкался и завернул за угол коридора. Мы вышли из приемной через другую дверь и быстро покинули здание. Нас разбирал смех от этих «шпионских игр». Но тут лицом к лицу столкнулись с оперативником, рация в кармане которого

вещала: «Филиппов скрылся, найти и задержать!». Оперативник меня не узнал. Мы свернули за угол, зашли в подворотню. Там парень, закончив ремонт, заводил свой «Москвич». Мы плюхнулись на заднее сидение: «Видишь, гэбэшники, гони скорее!». В подворотню уже вбегали двое. Водитель дал газ и поехал прямо на них, они расступились. «Москвич» вылетел на улицу. Парень о ГКЧП еще не слышал, но его реакция была правильной: «Куда вас, ребята?». От слежки мы ушли.

Но надо было делать то, о чем договорились. Базой определили пустовавшую квартиру друзей, которые уехали работать на Север. На дачах присмотрели пару сараев, где можно было поставить множительные аппараты. В то время ризографов и принтеров не было — только ксероксы. Мой знакомый кооператор скупал в Финляндии оргтехнику «секонд-хенд» и продавал ее «новым русским». Новые ксероксы в СССР тогда еще не поставлялись. Я приладил к своей машине прицеп и приехал к кооператору. Без бороды он меня не узнал, но голос ему показался знакомым. Он отдал все ксероксы со своего склада. Я вывез их за город и спрятал. Когда члены ГКЧП расселись по камерам, эти ксероксы исправно заработали в офисах «Демократической России».

Закончив операцию с ксероксами, поспешил в Москву. На Ленинградском вокзале меня поразило, что город живет обычной жизнью, будто нет никакого военного переворота. Кто-то что-то слышал о баррикадах у Белого дома, но в основном народ был занят своими делами. Совсем как в 1917 году в дни октябрьского большевистского переворота, когда интеллигентная публика посещала театры. Я подумал: действительно, Россия — страна невыученных уроков!

Добрался до Белого дома, встретился с коллегами-депутатами. События развивались стремительно. Милиция подчинялась непосредственно министру внутренних дел России. Поэтому российские власти пытались поставить на защиту Белого дома милицейские школы. К счастью, противостояния милиции и войск не состоялось. Ночью поступила информация, что через час ожидается штурм Белого дома. Если бы он действительно начался, никакие бы наши баррикады не помогли бы. Спецназ прошел бы сквозь них, как нож сквозь масло. Просто солдатам было бы скользко идти по нашей крови. И они отказались. Защищать Белый дом нам не пришлось.

Члены ГКЧП к тому времени поняли, что армия не будет стрелять в народ. Егор Гайдар в своей книге «Смуты и институты»[4] *приводит примеры из российской истории, когда власть вдруг обнаруживает, что нет ни одного взвода солдат, готового встать на ее сторону. И тогда она рассыпается, как*

карточный домик. Так было в дни февральской революции и октябрьского большевистского переворота в 1917 году. То же произошло и в дни неудавшегося переворота ГКЧП. В момент смуты властям не помогает и приличное жалование своим охранникам. Так пал Чаушеску, ушел Ярузельский, сбежал Янукович. Но странно, этот опыт не убеждает авторитарных правителей в тщетности усилий удержать недовольный народ в узде. Видимо, каждый познает это лишь на своем опыте.

Указ о свободе торговли

Критикуешь чужое, предлагай свое. Предлагая — делай.

Сергей Королев

Многие убеждены: чтобы решить проблему, достаточно принять хороший закон, указ или постановление. Это заблуждение, химера под названием «нормативный фетишизм». Принятый парламентом закон и указ президента — всего лишь текст на бумаге. Если он не впишется в существующие традиции, не станет повсеместной практикой, то так и останется только текстом. Но бывают ситуации, когда принятие нормативного акта играет роль «спускового механизма». Общество уже готово жить иначе, но ему не хватало лишь сигнала «сверху». Людям нужно знать, что это «уже можно», «за это не накажут», «милиция приставать не будет», «чиновники донимать не станут». У граждан появляется уверенность, что они все правильно делают. Это хорошо проявилось на двух указах президента — о либерализации цен и о свободе торговли. Первый отменил в России государственное регулирование цен на большинство товаров со 2 января 1992 года, с этого момента они стали договорными, возник рынок и конкуренция. Второй был подписан Ельциным через месяц.

Трудно найти другое нововведение, которое так сильно ударило по чувствам советских людей. За годы советской власти они привыкли, что на один и тот же товар цены во всех магазинах одинаковы, будь то центр города или его окраина. Одежду, ткани, обувь, автомобили и все другие товары государственные магазины обязаны были продавать по ценам, утвержденным Государственным комитетом цен. (В 1991 году исключение из этого правила действовало только для сельхозпродуктов, реализуемых частниками на колхозных рынках, и народившихся недавно кооперативов.) Фиксация цен так глубоко вошла в сознание народа, что их освобождение вызвало сначала оторопь: «Как это так? Куда писать, кому жаловаться?».

Когда Указ президента о либерализации цен был опубликован, мы предполагали, что на рынке автоматически установится равновесие спроса и предложения, в магазинах товары появятся. Однако ситуация менялась очень медленно. Реформа уперлась в психологию. Накопленные про запас товары оставались в шкафах россиян и не попадали на рынок. Люди не

решались от них избавиться, не знали, как это сделать, не верили, что при свободных ценах в магазинах наступит изобилие. Годы советской власти не прошли даром, и сложившийся за это время менталитет мешал запустить механизм рыночного равновесия. Более того, такое массовое поведение грозило резким скачком цен, гиперинфляцией.

Первым попытался повлиять на поведение людей Ленсовет. По предложению депутатов Михаила Киселева и Григория Томчина он принял постановление, разрешившее гражданам свободно продавать свои запасы, где угодно, хоть на тротуаре. Идея показалась нам разумной, мы стали готовить проект аналогичного указа президента. Мне выпала честь быть и соавтором этого указа, и его «толкачом».

Любой проект указа президента по установленной процедуре подлежит согласованию с министерствами и ведомствами, с Правовым управлением Администрации президента. Когда Егор Гайдар ознакомился с первоначальным вариантом и запустил его по кругу согласований, пошли разгромные резолюции. Предсказывали, что его реализация «заблокирует центр Москвы», «приведет к резкому росту преступности», «ввергнет страну в хаос и анархию». Особенно яро выступали против ведомства, которые до либерализации цен распределяли дефицитные товары. Я встречался с министрами, начальниками департаментов, уговаривал, требовал снять возражения. В конце концов, в первых числах февраля 1992 года указ вышел в той редакции, в какой нам удалось его протолкнуть.

Может быть, он был не идеальным, но послужил тем «стартовым выстрелом», который резко изменил поведение граждан. На улицах городов возникли огромные торжища. Продавали всё и вся. Складывалось впечатление, что страна разом превратилась в большую барахолку. Если у семьи есть возможность реализовать излишки по выгодной цене, то почему бы это не сделать, особенно если деньги вам нужны на другое? Эффект от этой всенародной торговли был огромный. Домашние запасы, выброшенные на рынок, частично покрыли денежный навес — избыток необеспеченных товарами рублей. Это помогло затормозить темпы инфляции, стабилизировать снабжение городов. Тем более что массовый вброс товаров на рынок сочетался с ограничением денежной эмиссии, политикой финансовой стабилизации, которую в начале 1992 года правительство реформ еще имело возможность проводить.

В те дни наши политические противники изгалялись на страницах газет: «Открыли повсюду базар и этим гордятся!». Конечно, в цивилизованном обществе и торгуют цивилизованно

(в гипермаркетах, магазинах, на рынках), а не на улицах. Через несколько лет и мы дошли до такой цивилизации. Но в 1992 году иной способ уйти от гиперинфляции, иначе чем через торжища на улицах, не просматривался. Когда пароход тонет, надо думать не о сервировке стола, а о том, где найти спасательный плот, как посадить в него женщин и детей. Указ о свободе торговли и был тогда спасательным плотом. Он способствовал становлению рыночных отношений в условиях высокой инфляции.

Свобода торговли позволяла выжить многочисленным бывшим инженерам, служащим, научным сотрудникам, которые лишились бюджетного финансирования и работы. Став «челноками», они закупали товары в ближнем и дальнем зарубежье и продавали их в России. До августовского кризиса 1998 года «челноков» насчитывалось около 10 млн, а вместе с членами семей — свыше 30 млн. Снятие административных ограничений позволило вовлечь средства населения в предпринимательский оборот, обеспечить товарами регионы.

До сих пор порой слышны предложения предоставить государству право регулировать цены хотя бы на определенный круг товаров. Мировой опыт показывает, что при введении директивных цен товары либо становятся дефицитными, если у них приемлемое качество, либо лежат невостребованными на складах, если качество не удовлетворяет покупателей. Третьего не дано.

Мэрия Нью-Йорка, столкнувшись с нехваткой воды, нормировала ее подачу временем полива газонов. Тогда горожане стали заливать свои газоны, превращая их в болота, заполняли любые емкости, независимо от того, нужна была им действительно вода или нет. В Севастополе в начале 1990-х годов местные власти также ограничили время водоснабжения квартир. Жители «про запас» стали наполнять водой ванны, на следующий день спускали ее в канализацию и заливали новую. Расход воды в городе резко возрос. Попытки привести в равновесие спрос и предложение через запреты и ограничения всегда ведет к подобным результатам. Чиновники могли это предвидеть, но как противостоять требованиям масс, которым нравятся простые решения? То, что они не соответствуют сложной структуре потребностей общества, люди убеждаются лишь на своем опыте.

Если директивное регулирование цен порождает дефицит и создает почву для коррупции, то могут ли органы власти иначе влиять на уровень цен? Могут. Но не в лоб, а косвенно, меняя условия. Например, нельзя устанавливать предельную цену квадратного метра жилплощади в новостройках, но можно облегчать строительным фирмам получение земельных участков

под строительство. В Москве, чтобы начать строительство жилого дома, нужно получить сотни согласующих подписей — во много раз больше, чем в Швеции или Финляндии. Откаты за подписи чиновников оплачивают покупатели. Уберите эти препоны, сделайте взятки действительно опасными для свободы чиновников, и цены на жилплощадь упадут. Противостоять росту цен нужно, создавая условия для конкуренции и борясь с коррупцией. И, судя по мировому опыту, это возможно.

Деньги-«фантики»

В России две напасти. Внизу — власть тьмы, вверху — тьма власти.

Владимир Гиляровский

В новейшей истории России есть решение правительства реформ, которое люди не могут ему простить. Решение вынужденное, на нем сам Егор Гайдар не настаивал, но он его подписал. И навлек на себя проклятие народа. Это решение о замораживании вкладов в Сбербанке в начале 1992 года.

Советские рубли, полученные гражданами в виде зарплаты, имели разную покупательную способность в государственном магазине, где были фиксированные цены и дефицит товаров, и на колхозном рынке, где цены определялись спросом и предложением. Тот, кому повезло оказаться в нужное время в нужном магазине, мог за 4 рубля купить докторскую колбасу. А на колхозном рынке на 4 рубля практически ничего не удавалось приобрести. Значительную часть заработанных денег советские граждане не могли потратить и клали их на сберкнижки. Эти накопления были вынужденными. Они откладывались человеком не потому, что он хотел скопить себе на старость или на покупку дорогой вещи, а потому что из-за тотального дефицита не мог купить автомашину, квартиру, хорошую одежду.

Средства, лежавшие на сберкнижках, государство использовало для выплаты новой зарплаты. Часть ее снова оседала на сберкнижках, не находя необходимого применения. Круговорот «деревянных» рублей продолжался. Если цены принудительно зафиксированы, то деньги превращаются в фантики, для сбережений граждан на весах экономики нет эквивалента в виде товаров. Советская власть долгое время обманывала граждан, выдавала рубли-фантики, делая записи в сберкнижках, обещая, что когда-нибудь, при коммунизме, у них будет всё. Но осознать, что накопления фактически ничего не стоили, обманутые люди не могут.

Деньги, не обеспеченные товарами, сродни атомной бомбе. Советские люди, жившие во второй половине XX века, не познали на своем опыте гиперинфляцию. Многие даже не слышали такого слова. При гиперинфляции зарплату приходится выдавать ежедневно, потому что завтра деньги обесценятся вдвое. Вырученные от продажи железнодорожных билетов средства не

покрывают даже затрат на топливо. Крестьяне отказываются продавать сельхозпродукты за деньги и не везут продовольствие в города. Начинается голод, тысячи горожан-мешочников устремляются в деревни обменивать вещи на хлеб.

Россия пережила гиперинфляцию во время Гражданской войны, Австрия и Германия — после первой мировой. Из-за мощного денежного навеса вынужденных накоплений прошлых лет к 1992 году угроза гиперинфляции в новой России стала реальной. Правительство реформ не видело иного выхода, иной «подушки безопасности», кроме «замораживания» денег-«фантиков» на счетах граждан. Но люди посчитали и до сих пор считают, что именно правительство реформаторов, а не все предшествовавшие коммунистические правительства, их ограбило. Замораживание было необходимо, его можно сравнить с принесением в жертву солдат заслона, защищающих подступы к переправе, пока дивизия выходит из окружения.

Сегодня президент Владимир Путин и провластные пиарщики списывают ошибки экономической политики на «лихие 90-е». И народу легче: раз начальство говорит — значит, так и есть. Правда о том, что экономический спад середины 1990-х годов явился не результатом необходимых реформ, а закономерным итогом многолетней политики советской власти, не воспринимается. Народ не хочет признаваться себе, что десятилетиями работал, тратил силы и здоровье на строительство коммунистической утопии, а остался в итоге ни с чем.

Льстить людям несведущим — прием беспроигрышный. Можно лить бальзам на народные раны, твердить, что «распад социалистической империи стал крупнейшей геополитической катастрофой XX века», что «реформаторы ограбили народ», фантазировать о возможности иного пути перехода к рынку. А главное — умалчивать, что экономический рост 2000-х годов, изобилие товаров на полках магазинов и есть следствие перехода к рынку и высоких цен на нефть и газ. Но обман рано или поздно выходит наружу.

Гены и традиции

Люди, которые преуспевают в этом мире, не ленятся и ищут нужные им обстоятельства, а если не находят, то создают их.

Джордж Бернард Шоу

Социологические опросы в начале 1990-х годов показывали, что большинство россиян были против частной собственности на крупные предприятия. Сказалось влияние десятилетий коммунистической пропаганды. Но еще больше мешали заложенные в нас генетические программы. Например, генетическая программа формирования мужских иерархических структур в любом сообществе — в группе подростков, в производственном коллективе, в банде. Или генетическая программа защиты территории обитания первобытного племени.

Есть еще генетическая программа справедливого дележа. В древности, убив оленя, охотники делили добычу на всех. Это была самая эффективная стратегия выживания первобытного племени. Частной собственности на землю не существовало, была племенная собственность. Инстинктивное чувство рода-племени живо и сегодня. В аулах Северного Кавказа вам покажут пастбище рода Ахметовых, рода Исмаиловых и т. д., но не скажут, что это пастбище принадлежит конкретному гражданину. Так же ведут себя берберы в Северной Африке.

Большинство россиян отличается от типичных европейцев своим пониманием справедливости. Для нас справедливо, когда «всем поровну», независимо от вклада каждого. Когда в СССР применяли бригадный подряд, общий заработок делили на всех поровну, без учета квалификации и вклада каждого. Это делалось добровольно — вот что значит менталитет!

Такое инстинктивное отношение переносилось и на советские гиганты индустрии: «Все вокруг народное, все вокруг моё». Передать предприятия в частные руки, в понимании многих, означает украсть их у народа. Не воспринимается аргумент, что фактически эти предприятия находятся в собственности бюрократии, которая их разворовывает, на них наживается. «Да, разворовывает. Но если отдать их кому-то, даже за деньги — это тоже будет воровство. Пусть лучше все останется как есть. А чтобы не разворовывали госсобственность, надо всюду поставить контролеров и строже наказывать за казнокрадство». Как будто

контролеры-чиновники не войдут с казнокрадами в долю.

То, что у чиновника есть свои корыстные интересы, и то, что в отличие от предпринимателя, он не заинтересован в развитии производства, снижении затрат и выпуске конкурентоспособной продукции, проходит мимо ушей. Ведь в нашей культуре нет программы частной собственности. Она — наследие европейской цивилизации за последние 2000 лет. Частная собственность, отделенная от власти, — всего лишь мутация. Случайно возникнув в полисах Древней Греции, пережив Рим и воспрянув в средневековых европейских городах, она доказала свою эффективность. Но если гены племенного равенства диктуют одну программу поведения, а культура другую, то когнитивный конфликт неизбежен.

Еще один острый вопрос, волновавший многих: кому — россиянину или иностранцу будет принадлежать предприятие. Как же совместить частную собственность с чувством национальной принадлежности? У всех акционеров должны быть российские паспорта? Но это не гарантирует, что акционеры не будут жить в Лондоне и их личные интересы не войдут в противоречие с интересами жителей страны. Что же делать — оставить предприятия под управлением вороватых российских чиновников?

У россиян популярна поговорка «От трудов праведных не наживешь палат каменных». В ней наш исторический опыт. Мы знали, что крепостному крестьянину, как бы он ни усердствовал, не сравниться с барином. Мы понимаем, что чиновник, собирающий дань в виде взяток, живет лучше, чем честный инженер. И не потому, что он умный и трудолюбивый, а потому что «место хлебное». Отсюда наша уверенность, что богатство — результат положения во властной вертикали, связей, махинаций, распила бюджетных средств или банального воровства.

Но, признавая свободу в развитии человека, его право на самореализацию, общество вынуждено принять и неравенство. Надо быть последовательным. Большинству россиян такая последовательность не нравится. Отсюда популярность государственной (общенародной) собственности и нелюбовь к либералам. Казалось бы, «наелись социализма», поняли, что общенародная собственность — фикция, ею владеют те, «кто ее охраняет». Но нет, урок — не впрок, у молодых вновь проявляются левые настроения.

Американцы видят мир не так, как россияне. Американская мечта — вера в то, что любой трудолюбивый, умный и предприимчивый человек обязательно добьется успеха. И практика это подтверждает. Мой знакомый американец изобрел скотч. Запатентовал, продал лицензию на право его производства в

Европе, а на вырученные деньги построил завод в США. В итоге стал весьма состоятельным человеком. Типичная, между прочим, история.

Когда я путешествовал по Америке, меня поразило, что почти в каждом частном доме в подвале есть мастерская, где хозяева экспериментируют, что-то изобретают — звукопоглощающую краску для жалюзи, особые шайбы для сверхнадежной затяжки болтов… В США министерства издают сборники с описанием желательных изобретений. Американцы творят, понимая, что патент — самый короткий путь к успеху.

К сожалению, у нас нет ничего подобного. Зато большинство студентов уверено, что лучший путь к успеху — стать чиновником, и тогда «не ты будешь платить откаты, а тебе их понесут». Парень, глядя в камеру ТВ, признает, что воруют все, и он не верит, что кто-то, став начальником, откажется от взятки. «Меня сделайте министром, и я буду!». Таково отражение действительности в зеркале мировоззрения типичного россиянина. Реально ли при таком менталитете сделать частную собственность священной, защищенной и судом, и общественным мнением?

Здесь мы упираемся в вопрос: всегда ли прав народ? Когда-то толпы радостно приветствовали сожжение на костре еретика Джордано Бруно, посмевшего утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца. Немецкий народ привел Гитлера к власти и затем пошел на фронт воевать за господство «высшей расы». Наши соотечественники спокойно воспринимали, как замерзали на морозе семьи кулаков, выгнанные коммунистами из своих домов с маленькими детьми, как их сограждан, объявленных «врагами народа», морили и гнобили в сталинских концлагерях. Разве народ в своем безразличии к чужому горю прав? Неприятие большинством наших сограждан частной собственности на средства производства, пожалуй, из этой же категории.

Почему европейская экономика, основанная на частной собственности, оказалась более эффективной? Отчасти мы уже обсудили это, сравнивая работу частного собственника предприятия и государственного управленца. Но есть еще одна причина, может быть, самая важная. Это соревнование, конкуренция, побуждающая миллионы людей проявлять инициативу.

Как работают государственные предприятия? По указаниям министерских чиновников. Они встроены в бюрократическую иерархию. Для чиновника указание начальника выше закона. В СССР такое указание давал генеральный секретарь ЦК КПСС, сегодня — президент. Но откуда ему знать тонкости производства на

десятках тысяч предприятий, их производственные возможности и особенности? Даже вся министерская рать не поможет выбрать правильное решение для предприятия, потому что на месте всегда виднее.

В условиях рынка и конкуренции все по-другому. Там предприниматели и менеджеры думают о том, что надо сделать, чтобы фирма приносила больше прибыли. Руководители подразделений фирмы, отвечающие за их рентабельность, обеспокоены тем, как снизить затраты, произвести и продать больше товаров. Поиск ведут миллионы людей, и эффект этой предпришмчивости потрясает. Именно ей Европа обязана резким ростом производства в последние 200 лет. Именно этим объясняется, почему производительность труда немца в три раза выше, чем у россиянина, а о качестве и говорить не приходится. Но задумаемся, а входит ли развитие конкуренции — экономической и политической — в круг интересов типичного россиянина?

Частная собственность на средства производства прокладывает дорогу к лучшей жизни не только предпринимателям и изобретателям. Своей желанием произвести больше товаров лучшего качества с меньшими затратами эти люди делают богаче жизнь всем нам. Обилие произведенных товаров ведет к снижению цен и росту покупательной способности. А работа на успешных предприятиях гарантирует людям наемного труда высокую зарплату. Но «болезнь красных глаз», как называют зависть китайцы, толкает нас к уравниловке по принципу: лучше жить всем в нищете, но зато поровну. Многие страны оказываются в ловушке подобных народных чаяний, вводят высокие налоги, перераспределяют доходы предпришмчивых и работящих в карманы лентяев и бездельников.

Мой старший брат Александр, выйдя на пенсию, стал пчеловодом. Еще со времен нэпа сохранился закон, разрешивший пчеловодам «частное производство». Защищаясь им, он с другом организовал в горах Таджикистана пасеку на 600 ульев. Ее перевозили на прицепах, по мере того как весна шла от устья рек к вершинам гор. И у них все время был великолепный весенний цветочный мед. Одна пчелиная семья на их пасеке давала в 10 раз больше меда, чем на пасеке соседнего колхоза. Я нередко приводил этот пример в спорах с оппонентами. Но не помню случая, чтобы он помог убедить ярых сторонников общенародной собственности. Гены и совковый менталитет берут верх над разумом.

Культура частной собственности создала экономическую основу личной свободы. Говорят, что частная собственность и свобода — две стороны одной медали. Одно дело раб, холоп, крепостной крестьянин, и совсем другое — собственник земли,

дома. Есть своя квартира, автомобиль и счет в банке — значит, можно многое: открыть свой бизнес, поступить в бизнес-школу, послать сына учиться в университет. Да и сознание уже другое: я собственник и налогоплательщик. Могу и буду отстаивать свое мнение, я ведь не покорный бюджетник или военнослужащий! Но, чтобы такое сознание стало определяющим, нужна солидарность, ведь и один собственник в поле не воин!

С этим у нас туго. Даже обретя определенную свободу в личных финансах, наши собственники не спешат объединяться, чтобы отстаивать свои права. Сколько их вышло на улицу, чтобы защитить 31 статью Конституции, гарантирующую свободу собраний, демонстраций и митингов? А много ли вы знаете людей, готовых жертвовать деньги на политическую борьбу за европейский путь России? Выходит, помимо частной собственности потребуется развитие навыков самоорганизации и взаимопомощи. А этого духа солидарности у нас пока кот наплакал! Как утверждают социологи — мы самое атомизированное общество в мире.

За что погибли люди на Гражданской?

Достаточно считать себя рабом, чтобы быть им.

Эмиль Ален

Обсуждая проекты законов о частной собственности, предпринимательстве, приватизации, мы думали о реакции на них россиян. Помнили, что говорили учителя о причинах Гражданской войны: в основе братоубийственного конфликта лежало разное отношение людей к собственности. Рабочие и крестьяне поддержали лозунг большевиков «Землю — крестьянам, фабрики — рабочим!», а фабриканты и помещики хотели восстановить частную собственность.

Действительно, как свидетельствуют резолюции губернских съездов крестьян, последние в большинстве были сторонниками общинной собственности на землю и «черного передела» земли. Впрочем, к этому времени оформилось уже много «мироедов» — зажиточных трудолюбивых крестьян, которые благодаря столыпинским реформам выделились из общины. И те, и другие за винтовки не хватались, хотя и понимали права на землю по-разному. Точно так же российские рабочие в ходе массовых забастовок начала XX века не ставили под сомнения права собственности хозяев предприятий, не брали в руки оружие. Почему же они убивали друг друга на Гражданской войне?

Как ни странно, большевистский лозунг «Фабрики — рабочим!» был реализован в ходе массовой бесплатной приватизации 1993–1994 годов. Каждый работник получил право обменять свой приватизационный чек на акции своего предприятия со скидкой. Но это не обострило вражду между сторонниками и противниками частной собственности на средства производства, на предприятиях не было массовых столкновений или забастовок. Кто-то поменял ваучер на акции и потом их продал, кто-то сразу обменял его на пару бутылок водки. Наиболее расчетливые участвовали в чековых аукционах и стали акционерами доходных нефтегазодобывающих предприятий. В общем, все прошло без эксцессов. И даже когда многие чековые инвестиционные фонды «кинули» своих вкладчиков и лишили их перспектив иметь долю собственности, на улицы никто не вышел.

Не было и демонстраций сторонников коммунистов против приватизации как таковой. Был протест против задержек зарплаты, которые люди справедливо связывали с проведением

рыночных реформ. Но умирать за государственную собственность никто не хотел. Даже сторонники Руслана Хасбулатова и Александра Руцкого, устроившие кровопролитие в октябре 1993 года, не выдвигали вопрос о собственности на передний план — им нужна была только власть.

Что же стало побудительным мотивом к Гражданской войне? Может, просто банальное стремление лидеров большевиков к власти, желание ее удержать, раз уж так легко удалось разогнать Учредительное собрание? И именно это желание власти толкало их к созданию Красной армии? Первоначально Красная армия формировалась на добровольной основе, но ничего из этого у большевиков не получилось. Только когда была объявлена насильственная мобилизация крестьян, армия наполнилась рядовым составом.

А у лидеров белых был похожий мотив воевать — вернуть себе власть и облечь ее в привычные формы монархии, получить назад поместья, заводы и фабрики. Здесь мотив частной собственности действительно присутствовал. Но помещиков и фабрикантов были тысячи, а не миллионы. Не они составляли солдатскую массу Белой армии. В нее были мобилизованы такие же крестьяне, как и в Красную армию. Парадокс? Почему тогда люди шли на смерть?

Есть суждение историков, что октябрьский большевистский переворот 1917 года и Гражданская война отражали архаичные представления миллионов российских крестьян о том, как должен быть устроен мир. Это понимание должного было реальной силой, звало в бой, помогало и белым, и красным формировать свои полки. С одной стороны фронта господствовало убеждение солдат о том, что земля-мать не должна продаваться, частная собственность на нее недопустима. Значит, надо поддержать большевиков, перехвативших эсеровские лозунги общинников. Крестьяне понимали национализацию земли как ее справедливое разделение согласно трудовому принципу — «каждому столько, сколько он может возделать своим трудом». С другой стороны фронта — убеждение, что править должен «природный» добрый царь, а не бояре-горожане, профессора и депутаты. И здесь было за что воевать, крушить «супостатов». Тем более что представление о божественной природе царской власти прекрасно сочеталось с инстинктом, с заложенным в генах инстинктом иерархии.

Собирать в дивизии пушечное мясо помогала и людская покорность. Трудно представить медведей, объединенных в стадо. А стадо баранов служит примером безропотного послушания вожаку. Наши предки — человекообразные обезьяны — заняли нишу между медведями и баранами. Они передали нам закрепленную в

генах программу послушания. А если у высшего начальника есть еще и подходящий символ, то люди готовы пойти за ним в огонь и воду в буквальном смысле слова.

Одно дело — идти добровольно воевать за близкую тебе идею, другое — явиться на призывной пункт по повестке, подкрепленной жесткими санкциями за неявку, вплоть до расстрела. Тут послушание — лучшая стратегия. «Не все гибнут в боях — если повезет, останусь живым». Пойти по призыву разумнее, чем быть казненным за дезертирство. Так и обрастали Красная и Белая армии солдатской массой. А дальше свое дело делали комиссары, белые и красные. Одни говорили о помещичьей земле, которую придется крестьянам вернуть в случае поражения Красной армии, другие — про доброго царя, который позаботиться обо всех, если победит Белая армия. И солдатская масса покорно шла в бой за тех и за других. То, что большевики крестьян обманули, обложив бандитской продразверсткой, а позже восстановив крепостное право в виде колхозов, — это было уже потом. А в 1918 году солдаты-крестьяне помогли большевикам удержать захваченную власть.

Этот исторический урок говорит нам о необходимости понимать как интересы и предрассудки социальных групп, так и закономерности экономического развития. Не может община или колхоз переиграть частную ферму, не могут госпредприятия выпускать конкурентоспособную продукцию. Надо смотреть правде в глаза, как бы ни тянули нас в прошлое генетические программы. Пора понять: мир изменился, эпоха мамонтов кончилась.

Частное или государственное?

Там, где люди могут индивидуально обеспечивать себя, правительство не должно вмешиваться.

Авраам Линкольн

Факты и статистика показывают, что частная собственность обеспечивает более эффективное производство, лучшее качество продукции, а главное, генерирует инновации. Почему?

Предположим, что директору государственного предприятия поручено закупить новые станки. Одна фирма предлагает надежное оборудование, но платить директору откат наотрез отказывается. У другой станки похуже, но откат она готова дать. Какую фирму выберет директор? Обычно люди отвечают: все люди блюдут свой интерес, и если есть шанс, что об откате никто не узнает, то, скорее всего, директор выберет второй вариант. Не случайно фирмы, продающие строительные материалы, в рекламе обещают «агенту вознаграждение». Застройщик, посылая агента закупить стройматериал, должен помнить, что тот может приобрести не самый лучший, а тот, за который его купят.

В частной компании есть собственник, который заинтересован проконтролировать и при необходимости выгнать корыстного снабженца. А в государственной деньги ничейные, «принадлежат всему народу», в ней нет конкретного лица, который лишится денег лично. В рациональном расходовании государственных средств материально не заинтересованы ни директор предприятия, ни начальник департамента, ни министр. Государственная собственность беззащитна, это ее ахиллесова пята.

Поэтому воры и жулики «пилят» чаще всего казенные деньги. Конечно, воровство бывает и в частных компаниях. Экономисты употребляют термин «агентские потери», они связаны с тем, что управляет предприятием не сам собственник, а его агент — начальник производства или цеха. Однако воровства в частных фирмах намного меньше, ведь там ему противостоят интересы собственника.

В текущей деятельности государственное предприятие еще может как-то сравняться с частным. Когда же дело доходит до инвестиций, которые окупятся не скоро, сразу выясняется, что только частный собственник заботится о будущем предприятия,

блюдет свои долгосрочные интересы. Он, в отличие от директора госпредприятия, не станет покупать плохое оборудование.

То же самое относится к выбору рискованных стратегий развития и новых видов продукции. Собственник может рискнуть, это его капитал, и он жаждет победы. А директору государственного предприятия незачем рисковать, ведь он наемный работник. Поэтому так мало на госпредприятиях авторов прорывных технологий и принципиально новых товаров. Красноречивы результаты частной фирмы «Форд» и государственного завода АЗЛК с его автомобилем «Москвич». В разработку «Москвича» собранных с населения налогов было вложено немерено. Но любой житель СССР предпочел бы «Москвичу» немецкий «Фольксваген» или американский «Форд».

Частная собственность — прекрасный воспитатель. Она формирует рачительное отношение к имуществу, к ресурсам. Разница отчетливо проявилась после приватизации в 1990-х годах. За несколько лет новые хозяева предприятий вывезли копившийся годами мусор, навели порядок в цехах, а главное — устанавливали современное оборудование. Рачительное отношение к активам предприятий — фундамент экономического роста, залог благосостояния нации. Но подобное отношение проявляют лишь те хозяева, которые связывают свою судьбу с предприятием. Если собственник опасается его захвата рейдерами, то постарается поскорее продать или сдать оборудование в металлолом. Ключевой вопрос рачительности — реальные гарантии прав собственностью и свободы ее использования. Когда Гитлер ввел фиксированные цены, и прибыль оказалась под вопросом, немецкие предприниматели в массовом порядке бросали свои предприятия и эмигрировали за рубеж.

Иногда рачительное или наплевательское отношение к собственности связывают с тем, как она досталась собственникам. Это ошибка. Неважно, как собственность досталась ее обладателю — по наследству, тяжким трудом или воровством. Предок семейства Морганов был пиратом, фирма «Мицубиси» ведет свое происхождение от бандитского общака, многие европейские банки выросли из контор ростовщиков. Но это не мешает им в современных условиях верховенства права в Европе и США быть надежными партнерами на рынке. Вопрос не в том, насколько приватизация была справедливой или несправедливой. Главное, чтобы предприятия обрели хозяев, которые не намерены бежать из страны, опасаясь за свою судьбу и судьбу своего бизнеса.

Конечно, есть ниши, где государственная собственность сделает то, на что не хватит сил у частной. Это инфраструктура:

дороги, электросети, линии связи. Когда встает вопрос о развитии удаленного региона, трудно ожидать, что местные бизнесмены скинутся и построят туда дорогу — у них просто не хватит денег. Дорогу надо строить за счет государства, на деньги налогоплательщиков. Она будет в государственной собственности. Но доверить стройку лучше по конкурсу частным строительным компаниям, они сделают лучше и дешевле.

Кооперативный тупик

Без хозяина дом — сирота.

Русская пословица

А разве нельзя построить конкурентный рынок на базе кооперативной собственности? Или даже сохранить государственную собственность, но ввести самоуправление трудового коллектива? Ведь тем самым можно осуществить мечту марксистов — избежать эксплуатации наемного труда? Будучи студентом, я задавался этим вопросом, искал примеры из мировой практики.

Первыми попробовали отказаться от предпринимателей как класса и перейти к рабочему самоуправлению большевики в 1917–1918 годах. Для реализации своей утопии бесклассового общества, в котором «пролетариат станет всем», они создали на предприятиях рабочие советы и передали им управление. Ничего хорошего из этого не получилось. Рабочие не имели ни стимулов, ни квалификации. Тогда Ленин заявил об отходе от принципов Парижской коммуны, признал, что российский рабочий класс еще «не созрел» и ему нельзя предоставлять право на «рабочую демократию». Большевики передали управление предприятиями назначенным ими партийным чиновникам и приступили к строительству бюрократической вертикали.

Второй массовый эксперимент на эту тему провела Югославия. Рассорившись со Сталиным, маршал Броз Тито решил создать «социалистический рынок» с конкуренцией, но без предпринимателей. Предприятия отдали в управление «рабочим советам». И здесь ничего путного не вышло. Почему? Я много читал об опыте Югославии, о рабочем самоуправлении, об испанских и японских кооперативах, о продаже предприятий их работникам в США. Выводы — печальные. Эффективного третьего пути между капитализмом и социализмом в форме кооперативной собственности в мире не найдено. Мешает человеческая природа.

Допустим, работники предприятия стали обладателями его акций (инсайдерами). Если приходится создавать предприятие с нуля, то сегодня россиянин реально может вложить в приобретение его акций, в лучшем случае, 500 тыс. рублей. Исходя из средней доходности бизнеса 5–10 %, он может получить прибыль до 50 тыс. в год или порядка 4 тыс. в месяц. То есть доля прибыли акционера-работника, получаемая в виде

дивидендов, существенно меньше его зарплаты. А эти категории — антагонисты: чем выше зарплата, тем выше себестоимость продукции и меньше прибыль. Следовательно, меньше выплатят рабочим дивидендов, да и акции предприятия упадут в цене.

Что рабочему выгоднее: требовать повышения расценок за работу (и тем самым уменьшать прибыль компании) или сокращать расходы на оплату труда, снижать себестоимость и тем самым повышать прибыль и дивиденды? Выгоднее первое. Выходит, работнику-акционеру важнее не прибыль, а высокая зарплата. Но если общее собрание акционеров, в котором большинство работников решит поднять расценки и уменьшить дивиденды, то кто будет инвестировать в капитал предприятия?

Еще труднее уговорить работников-акционеров направлять прибыль на приобретение нового оборудования вместо распределения ее в виде дивидендов. Ведь оборудование окупится через несколько лет, и только тогда появится шанс получать что-то сверх произведенных затрат. Но семьи не хотят ждать будущих доходов, они живут здесь и сейчас. Не готовы работники голосовать за новые инвестиции — это не в их интересах. Голосуют лишь тогда, когда речь идет о замене вышедшего из строя необходимого оборудования. Краткосрочные текущие интересы работников-акционеров оказываются важнее перспектив развития предприятия.

В производственных кооперативах, где люди вскладчину организуют собственное производство, — та же проблема. Вскоре после успешного старта предприятия начинается его стагнация. Не хотят кооператоры вкладываться в новое оборудование, пытаются обойтись старым. И понятно — деньги нужны семьям. Поэтому, например, в Испании законом о кооперативах прописаны обязательные ежегодные отчисления работников в их капитал, добровольно на это кооператоры не идут.

В Югославии использовался механизм «рабочего самоуправления», при котором работники считались собственниками предприятия, пока на нем трудились. При подобных правоотношениях вложения работника в развитие предприятия теряют для него всякий смысл: он уволится, а его деньги останутся на предприятии, для него фактически пропадут. Аналогично определял права рабочих Закон об аренде, принятый в СССР в 1988 году. Понятно, что шансов на развитие предприятий при такой форме собственности нет.

Иное дело предприятия, где большинство акционеров со стороны (аутсайдеры). Они не заинтересованы повышать зарплату работникам и делают это, только чтобы избежать убытков от забастовок. Они голосуют за разумные решения по дивидендам и

по инвестициям, которые повысят цену акций. Антистимулов к развитию производства и внедрению новых технологий у аутсайдеров нет.

Впрочем, и частная собственность имеет недостатки. Важнейший из них — монополизация рынка. Крупная частная торговая сеть заинтересована банкротить небольшие магазины шаговой доступности. Разорив их демпинговыми ценами, она стремится не допустить появления новых, подкупает чиновников, чтобы те не выдавали лицензии конкурентам. Частная собственность не гарантирует порядочности собственников. Монополизированный рынок, как правило, не может самостоятельно вернуться в состояние конкурентного. Требуется государственная антимонопольная политика. Когда американцы столкнулись с прожорливыми монополиями, Конгресс США в 1890 году принял антимонопольный закон Шермана. Многие компании-монополисты вынуждены были разделиться на конкурирующие мелкие компании.

Концентрация власти опасна в руках и автократа, и тирана, и олигарха. Если олигарх имеет доход, сопоставимый с доходом небольшой страны, а его состояние превышает все ее активы, то это внушает беспокойство. Хорошо, если миллиардер заботится о судьбе человечества, как Билл Гейтс, жертвующий миллиарды долларов на борьбу со СПИДом, или Джорж Сорос, поддержавший своими средствами российских ученых в 1990-х годы. Но ведь есть и такие, как Бен Ладен…

Только крупные компании в состоянии направлять огромные средства на разведку и добычу нефти и газа в районах Крайнего Севера, мелким там делать нечего. Лишь крупные фирмы могут создать эффективную торговую сеть супермаркетов. Человеку с 10 тыс. долларов это не по силам. Но огромная экономическая власть, сосредоточенная в руках отдельных людей, опасна. Что с этим делать?

Интересы частные и общие

Принципы… представляют собой не только умозрительное правило, но и осознанное чувство.

Иммануил Кант

Общие интересы всегда произрастают из частных. Мне нужна дорога, и тебе она нужна… При определенных условиях частные интересы могут соединиться, возникнут выраженные общественные интересы — построить дорогу вскладчину. Но порою кто-то пытается прокатиться за счет других, налоги не платить, а дорогами пользоваться. Возникает конфликт общих и частных интересов. Он не столь очевиден, когда чиновник ратует за государственную собственность, за госпредприятия и госкорпорации, против приватизации. Что им движет, в чем его частный интерес?

Склонность к предпринимательской деятельности — удел немногих. Большинство предпочитает карьеру наемного работника — рабочего или управленца: не надо рисковать своими деньгами, а если еще и оклад приличный, то жить можно. «Красные директора» понимали самоедский характер командно-административной системы, видели тупик, в который она заводила страну, но частные интересы толкали их на рутинное исполнение своих функций без реформаторских «взбрыкиваний». Так было безопаснее.

Поражение в Крымской войне заставило Александра II пойти на реформы и освобождение крестьян. Мэйдзи провел реформы в Японии из-за угрозы ее колонизации европейцами. Когда прямой внешней угрозы нет, правящая элита может особо не беспокоиться. В СССР извращенная мотивация на выполнение плана любой ценой, отставание предприятий в техническом развитии, неэффективность экономики не сказывались на обыденной жизни партноменклатуры. Им важнее были личная безопасность, достаток, карьера. Они уютно расселись в государственной лодке и не хотели «высовываться». Во всяком случае, при Брежневе и Андропове директора и министры за частную собственность не выступали.

Однако в конце 1990-х годов положение изменилось — приватизация стала директорам выгодна. При любой ее процедуре они имели шансы получить большой или даже контрольный пакет акций. Положение собственника предприятия выгоднее, чем госслужащего. Тебя не уволят, можно продать свои акции,

завещать, обменять на иные блага. Тем не менее фракция промышленников в Верховном Совете не торопилась содействовать продвижению законопроекта о приватизации. Депутаты из числа «красных директоров» выжидали, сравнивали, что безопаснее: продолжать работать в рамках существовавшей системы или примкнуть к реформаторам? Жизненный опыт подсказывал им: если политика изменится, то их могут выкинуть за борт государственного корабля. И действительно, Закон о приватизации государственных и муниципальных предприятий был принят 3 июля 1991 года, а через полтора месяца произошел путч ГКЧП. Если бы путчисты победили, как сложилась бы их судьба?

Даже если правящая элита участвует в приватизации предприятий, то это еще не значит, что она будут содействовать реформам. Только убедившись, что реформам назад хода нет, она, возможно, станет их сторонником. Надо учитывать и верность номенклатуры партийным связям. В середине 1990-х годов многие «красные директора» входили в ЦК КПРФ и стремились восстановить в стране административно-командную систему. Они не выплачивали зарплату рабочим, подогревая протестные настроения, финансировали из средств предприятий избирательные кампании коммунистов, стимулировали нужным образом журналистов.

Для успеха реформ недостаточно того, что правящая элита получит от них очевидную пользу. Нужен шторм, который подвигнет власть на преобразования: например, резкое падение цен на нефть, дефицит продовольствия. А еще нужны упертые фанатики, которые будут двигать реформы из идейных соображений, даже вопреки личной безопасности.

Как приватизировать?

Неравенство доходов хуже нищеты.

Конфуций

Было понятно, что государственные предприятия надо приватизировать, как бы к этому ни относилось большинство россиян. Без этого рыночные реформы не имели бы экономической и правовой основы. Зимой 1991 года я узнал, что председатель Госкомимущества Михаил Малей со своим водителем разрабатывают проект закона о приватизации, названный им Законом о демонополизации. Познакомившись с текстом, понял, что надо срочно вмешаться. Переговорил с председателем Комитета Верховного Совета по вопросам экономической реформы и собственности Сергеем Красавченко и неожиданно получил предложение возглавить Подкомитет по приватизации. Согласился, стал искать среди депутатов соратников.

Выбор метода приватизации — проблема политическая. Здесь я разошелся во взглядах с Егором Гайдаром и Анатолием Чубайсом. Они полагали, что, исходя из экономической целесообразности, приватизацию надо проводить за деньги. Я же, ежедневно общаясь с депутатами разных фракций, понимал, что приватизация за деньги в России политически неосуществима. Средств на выкуп собственности ни у кого не было. А продавать отечественные предприятия зарубежным фирмам не согласятся депутаты. Поэтому приватизацию нужно было проводить по принципу «отнять и поделить»: то есть отнять у номенклатуры и поделить среди граждан.

В командировке в Германии я посетил завод по производству замков в Потсдаме, приватизированный шведской фирмой «Аблой». Поинтересовался, на каких условиях его приватизировали. Для немцев главным было сохранить завод, рабочие места. Выручка за проданное имущество была делом десятым, поэтому продали за гроши. Но в договоре приватизации зафиксировали обязательство фирмы сохранить оговоренное число рабочих мест, обновить модельный ряд замков, добиться снижения себестоимости и сделать предприятие прибыльным. Новые собственники установили высокопроизводительное оборудование и в соответствии с договором корректно уволили треть рабочих: кому-то оплатили обучение новой специальности,

кого-то проводили раньше срока на пенсию. Охранников заменили автоматами-турникетами. Из ассортимента оставили только два типа замков, остальные передали другим заводам этой фирмы в Швеции и Финляндии. Специализация сократила издержки.

Так было по всей ГДР: приватизировали предприятия за гроши, но продавали только успешным фирмам с условием сохранить рабочие места. А в Венгрии продавали предприятия директорам в рассрочку: они и так по факту были хозяевами, пусть и дальше ведут бизнес, но уже частный. В Чехии поступили «по справедливости»: каждому гражданину выдали ваучер (книжку с отрывными талонами), он сам решал, акции каких предприятий приобретать. А кто станет хозяином предприятия, жизнь покажет…

Подобная «справедливость» была главным требованием населения и в России. Свою долю государственного пирога хотели получить госслужащие, учителя, врачи, пенсионеры. Они были против предложения отдать предприятия их работникам. Депутаты Верховного Совета с ними соглашались.

Закон о приватизации мы готовили долго. Информации было мало, российских специалистов не было, контактам с зарубежными мешал языковый барьер. Мы приглашали на слушания в Верховный Совет всех известных нам экспертов, просили их не отделываться общими фразами, формулировать статьи закона, хотя бы их концепции. Кто вправе инициировать приватизацию? Кто должен контролировать процесс? Какие вводить ограничения и стимулы? Предложений почти не было. В основном говорили о пользе частной собственности и издержках государственной.

Правда, были и исключения. Перед вторым чтением законопроекта, когда мы работали в подкомитете поздно вечером, раздался телефонный звонок: «Я знаю, что завтра у вас будет очередное чтение проекта закона о приватизации. Там есть ошибки, которые надо обязательно исправить. Например, из формулировки такой-то статьи непонятно, как следует поступать: вроде “казнить нельзя помиловать”». Я, не отрываясь от телефона, посмотрел текст статьи законопроекта. Действительно, формулировочка хромает. Звонивший находился в фойе 8-го подъезда Белого Дома. Ему тут же вынесли пропуск. Вошел человек невысокого роста, с бакенбардами. Достал дискету, сел рядом со мной к компьютеру. Начали разбирать его замечания. Их было около 30, и с большинством я вынужден был согласиться. Стало ясно, что завтра законопроект выносить на обсуждение нельзя. Чтение перенесли. Этот человек — Петр Мостовой

проработал у нас в Подкомитете по приватизации полгода, пока Анатолий Чубайс не уговорил меня отпустить его в Госкомимущество на должность своего заместителя.

С предложением помочь пришел в подкомитет и Дмитрий Бедняков, кандидат юридических наук, начальник Школы милиции в Нижнем Новгороде. Он предложил меры, которые позволили сделать закон не декларацией, а законом прямого действия. Позже Дмитрия избрали мэром Нижнего Новгорода.

Закон о приватизации государственных и муниципальных предприятий удалось провести через Верховный Совет РСФСР 3 июля 1991 года. Принимали его долгих три дня. Атмосфера в зале порой накалялась до предела. Я на трибуне отбивался от нападок сторонников государственной собственности, убеждал сомневавшихся. Хотя я человек закаленный и в прениях биться могу долго и упорно, эти три адских дня оставили тяжелые воспоминания. Ведь от того, сумею ли я убедить большинство снять или поддержать ключевую поправку, зависел успех приватизации, успех реформ!

В тот же день был принят Закон об именных приватизационных счетах и вкладах. Его идею мы долго обсуждали с Михаилом Дмитриевым, народным депутатом РСФСР, заместителем председателя Комитета Верховного Совета по вопросам межреспубликанских отношений, региональной политике и сотрудничеству. Мы оба полагали, что если приходится «отнимать и делить», то надо делать это плавно, чтобы люди не смогли все сразу продать и пропить. Решили, что надо использовать для этого безналичные счета и вклады в Сбербанке. Каждый гражданин по этому закону должен был получить специальную сберкнижку, в которой предполагалось зафиксировать его долю в рублях в подлежащей приватизации госсобственности. В дальнейшем он имел бы право переводить средства с этой книжки только на оплату акций приватизируемых предприятий. Продавать акции, то есть обращать их в реальные деньги, он был вправе через 5 лет.

Все эти безналичные расчеты и ограничения по срокам продажи акций, описанные в принятом законе, были благоглупостью. Выяснилось, что Сбербанк не в состоянии провести такой огромный объем операций со взрослым населением — около 100 млн человек. Да и бабушка из деревни вряд ли смогла бы приехать в районный центр и, «посидев часик у компьютера», выбрать, в акции какой фирмы вложить свой пай. Отсутствовали и компьютеры, и финансовая грамотность, и биржи.

Но главное — безналичное оформление прав на участие в

приватизации и ограничение по срокам продаж мешало концентрации капитала и появлению эффективных собственников. Поэтому я поддержал команду Анатолия Чубайса, которая через год предложила отказаться от именных приватизационных счетов и вкладов и перейти к бумажным приватизационным чекам (ваучерам). Указом президента приватизационные чеки были введены в обращение 14 августа 1992 года, когда Госдума была в отпуске. С этого момента граждане могли продать свою долю госсобственности в виде приватизационных чеков или прикупить их еще. Так в России появилась первая наличная ценная бумага.

Директорская приватизация

Человек, который знает КАК, всегда будет иметь работу. Человек, который знает ПОЧЕМУ, всегда будет его начальником.

Аланис Мориссетт

Отвечая на вопрос, почему госпредприятия в основном достались их директорам, напомню об уловке номенклатуры, которая называлась «аренда с выкупом». Она была реализована еще до распада Союза в соответствии с союзным Законом СССР об аренде и до принятия российского Закона о приватизации государственных и муниципальных предприятий.

Закон об аренде разрешил директорам предприятий сдавать в аренду любое имущество, находившееся в собственности государства. Трудовой коллектив во главе с директором учреждал новое юридическое лицо — арендное предприятие и брал все его имущество в аренду или выкупал за счет прибыли предприятия. При этом арендаторы сохраняли право на централизованные государственные капиталовложения и дотации. Выкупали оборудование и здания по остаточной стоимости, то есть за копейки. Настоящими частными собственниками ни рабочие, ни директор не становились, потому что капитал арендного предприятия на доли (части) не дробился, право частной собственности не вводилось. Получалось: пока работаешь на предприятии, «все вокруг твое», уволился — попрощайся с имуществом предприятия.

Директора таких предприятий имели право заключать договоры, продавать продукцию и оборудование. Могли на законных основаниях за счет разницы цен перегонять любые суммы на счета кооперативов. Когда в 1992 году началась приватизация уже по Закону о приватизации государственных и муниципальных предприятий, выяснилось, что те, кто успел заключить договоры аренды (закон обратной силы не имеет), уже «прихватизировали» значительную часть государственной собственности.

Но и после принятия Закона о приватизации у директоров еще не приватизированных предприятий сохранилась возможность приватизировать «под себя». В 1992–1994 годов большинство предприятий пошло по второму варианту приватизации, по которому 55 % акций получали члены

трудового коллектива и пенсионеры предприятия, остальные акции выставлялись на конкурсную продажу за приватизационные чеки. Контрольный пакет акций в ходе приватизации доставался трудовому коллективу, но директор находил способы принудить работников продать акции именно ему. На двери бухгалтерии висело объявление о том, что после окончания смены представители администрации будут выкупать акции. Для того чтобы работники были покладистыми, задерживали выплату зарплаты. Посидев месяц без денег, рабочие сдавались на милость директору.

Как показала практика, и без такого принуждения работники предпочитали расстаться с акциями. На ленинградском заводе «Электросила» акции сконцентрировались в руках директората уже через 3 месяца. Это соответствовало интересам самих работников: что ждет их в будущем, какие дивиденды будут платить по акциям — неизвестно, а семья требует денег сегодня. У этого процесса была и положительная сторона — происходила необходимая концентрация капитала. Существует принципиальная разница между владельцем контрольного пакета акций и акционером-миноритарием. Крупный акционер считает предприятие своим, он здесь хозяин и должен построить новый цех, подъездные пути, установить новое оборудование. Для мелкого акционера все это не имеет значения. Он относится к предприятию как к одному из каналов получения процентов на вложенный капитал. Ему пообещали процент по акциям выше, чем по депозиту в банке, вот он и купил их. Разница в поведении акционеров-мажоритариев и акционеров-миноритариев огромна.

Директором московского ГУМа в 1990 году был добрый человек, понимавший справедливость как «всем поровну». Он добился, что все работники и он сам стали акционерами универмага с равным у каждого числом акций. ГУМ находится на Красной площади — выгоднее не придумаешь. Вскоре после его приватизации солидная немецкая торговая фирма выразила готовность вложить деньги в реконструкцию, сделать из него европейский торговый центр. Ее представители приехали обсудить условия с собственниками. Когда они с удивлением узнали, что ни у кого из собственников нет контрольного пакета акций, то повернулись и ушли. Они понимали, что без реального хозяина предприятие нежизнеспособно.

Заводы — на металлолом?

Нужно быть полным идиотом, чтобы верить всему тому, что происходит.

Анатолий Бышовец

Стране, осуществляющей трудный переход к рыночной экономике, как воздух, нужны рачительные хозяева, эффективные собственники, люди, способные организовать производство продукции, конкурентоспособной на мировом рынке. Как от таланта тренера зависит успех команды, так и от предприимчивости и знаний тех, кто принимает решения в бизнесе, зависит успех и благосостояние народа.

Навыки предпринимательской деятельности — это, прежде всего, культура народа, вековой его опыт. В рыночных отношениях нельзя сравнить армян с чукчами. Культурные различия хорошо видны сегодня и в бывших советских республиках. В Киргизию правдами и неправдами приезжают китайцы. Границу пересекают нищими, а через год-два становятся миллионерами. А все потому, что у китайцев другой образ мышления, другой менталитет, другие навыки, другая культура.

Социологи выяснили, как поведут себя люди при резком ухудшении своего материального положения. В Москве станут искать себе вторую работу примерно 20 %, в Санкт-Петербурге — 10 %, в провинции — 2 %, остальные будут выживать, сажая картошку. В Нью-Йорке 80 % американцев, столкнувшись с экономическими трудностями, стремятся сохранить привычный уровень жизни, ищут дополнительную работу или новую сферу бизнеса, меняют специальность. Корни таких различий — в нашей истории. Большевики уничтожали самых активных и предприимчивых. Раскулачивание крестьянства лишило нас десятков миллионов рачительных хозяев. Этот урон Россия ощущает до сих пор.

Положении предпринимателей по сравнению с другими социальными группами — уникальное. У рабочих главный интерес в том, чтобы нормы выработки были ниже, а расценки выше, снижение себестоимости и рост производительности труда их не волнуют. Для чиновников и наемных менеджеров главное — карьера. Многие не откажутся от взятки или отката, действуя в ущерб фирме или хозяину. Что-то улучшать, совершенствовать в производстве они будут, но лишь под давлением собственников

предприятия либо за хорошую премию.

А предприниматель, если он не допущен к «распилу» бюджета, выжить в конкурентной борьбе может, лишь внедряя новые технологии, повышая качество продукции и производительность труда, создавая новые товары. Выходит, что он и есть двигатель прогресса, причем невзирая на моральный облик, отношение к жене и детям. Предприниматель обеспечивает экономический рост и повышение уровня жизни нам всем. Многим этот вывод не нравится, но такова правда жизни.

Психология чиновника в корне отличается от психологии предпринимателя. Чиновник в идеале должен действовать по правилам, но фактически смотрит в рот начальству. Для него всякая конкуренция — зло. У предпринимателя психология рисковая, авантюрная. Увидев возможность заработать, он вкладывает силы и деньги в бизнес, в проекты, но может и прогореть. Предприниматели — исключительно ценная категория людей. В любом обществе их мало, не более нескольких процентов. Нередко, даже став очень богатыми (хватит на многие поколения роскошной жизни), предприниматели не останавливаются, потому что им интересен сам процесс поиска новых бизнес-решений.

Подойдем с другой стороны. Науку и промышленность развивают ученые, изобретатели, инженеры, технологи. Творить новое — их увлечение, их страсть. Но создать новое в лаборатории — мало, надо наладить его массовое производство. Это дело предпринимателей. Они — те же изобретатели, но работают не с железками, а с работниками, деньгами, технологиями. Самые предприимчивые из них без денег новое предприятие не построят, технологии не внедрят. А своих средств на это им чаще всего не хватает. Поэтому предприниматели вынуждены развивать бизнес на привлеченные или заемные средства, то есть за счет банковских кредитов или продажи акций и облигаций. Банки выдают кредиты из тех денег, которые граждане положили на депозиты. Получается, что значительная часть населения, простые граждане, в условиях капитализма тоже являются двигателями прогресса. В этом главное отличие капиталистического общества от феодального (в том числе его советской разновидности).

300 лет назад сбережения можно было вложить только в недвижимость, золото, бриллианты. Банков и акционерных обществ не было, не было и денег на строительство предприятий. Разве что за счет царской казны, и то мало. Теперь каналы финансирования предпринимательства налажены. Все упирается в то, сколько свободного капитала в стране, каков уровень

сбережений населения. Там, где он высокий (в Китае он достигает 50 % доходов граждан), высок и уровень инвестиций. И все это благодаря простым гражданам. Они и есть по существу капиталисты, владельцы капитала. Впрочем, большинство мелких вкладчиков банков об этом даже не догадывается. Капиталистом назовут того, у кого на депозите миллион.

Причин стагнации отечественной промышленности в первой половине 1990-х годов было много: предельно милитаризированная структура экономики, советское качество продукции, крайне низкая производительность труда. Но особенно мешал человеческий фактор в лице «красных директоров». Страны Восточной Европы и Прибалтики решили проблему нехватки толковых хозяев, привлекая зарубежный бизнес. Показательный пример: чехи продали заводы «Шкода» компании «Фольксваген». В результате автомобили «Шкода» стали на уровне мировых стандартов, пользуются большой популярностью. Предположить в те годы, что российский «ВАЗ» отойдет «Хонде» и наконец-то начнет производить автомобили мирового уровня, было невозможно. Но позицию директоров поддерживали и рабочие, и интеллигенция. Как можно «распродать капиталистам народное достояние»?!

Типичная карьера директора завода — представителя хозяйственной номенклатуры КПСС такова: начальник участка — инструктор райкома — начальник цеха — инструктор обкома — директор завода. Главными в его карьере были связи, преданность местному партийному боссу, а отнюдь не знание технологий и тонкостей финансов. От директора требовался план любой ценой — приписками или завышением нормативов затрат. В таких условиях господствовал отрицательный отбор, инициативных, предприимчивых среди директоров было мало. Да, «красные директора» хотели в ходе приватизации поменять статус назначенца на статус собственника, обрести подушку безопасности в виде капитала. Но в их планы не входило конкурировать с предпринимателями — «акулами капитализма».

В начале 1990-х годов я стал свидетелем разговора хозяина питерского частного банка с директором и бухгалтером завода по производству гидроприводов, построенного в последние годы советской власти. Завод мог производить конкурентоспособную продукцию — все оборудование импортное, станки с ЧПУ. Просители предложили банку выкупить завод за 2 млн долларов наличными, понимая, что он стоит в несколько раз дороже: «Мы не хотим воевать с профсоюзами, бодаться с конкурентами. Жизнь коротка, купим коттеджи на Средиземном море и будем спокойно доживать свои дни».

Претендентов на контрольный пакет акций приватизируемого предприятия можно было разделить на три типа. Это «красный директор» Николай Петрович, еще с советских времен занимавший это кресло. Если он был пожилым, то на пакет претендовал его друг и заместитель — главный инженер. Второй тип — токарь Смирнов или его товарищи — слесари, механики. А за воротами завода с мешком долларов маячил кооператор Тюлькин, сделавший свое состояние на продаже водки. Был еще криминал, бандиты. Но в начале 1990-х годов эти «специалисты по насилию» предпочитали взимать дань с бизнеса, становиться хозяевами им было не с руки.

Директор Николай Петрович — «крепкий хозяйственник», еще недавно, будучи инструктором обкома, объяснял людям, как и когда они будут жить при коммунизме. План вытягивал, сырье и комплектующие в Госснабе выбивал, коллектив держал в ежовых рукавицах. В начале 1990-х он, как правило, оставался членом областного комитета КПРФ. Предприимчивостью его Бог обидел, но при плановой экономике она была ни к чему. Рынок Николаю Петровичу не нравится: надо проявлять инициативу, искать, суетиться. Зачем ему это? Вот приватизировал бы завод, распродал станки на металлолом и жизнью бы наслаждался. Еще бы акции «Форда» прикупил.

Трудно поверить, что токарь Смирнов или его коллеги станут владельцами контрольного пакета акций завода — не те знания, связи, кругозор и интересы. Им бы на рыбалку да пивка с друзьями попить. А кооператора Тюлькина народ не любил: «Хапуга, цены в своем ларьке задрал, местные братки ему покровительствуют». Естественно, что в подавляющем большинстве случаев собственниками контрольных пакетов акций становились «красные директора».

В 116-м избирательном округе, где я был избран депутатом РСФСР, немногие предприятия сохранили свой профиль. Одно из них — «Гидроподъемник» — обязано этим своему директору Юрию Мадзалевскому, который жаждал производить подъемные машины не хуже импортных. Он собрал в заводское КБ талантливых молодых выпускников, наладил производство гигантских подъемников, способных заводить площадку с ремонтниками под мост, и специальных гидроподъемников, с которых обрабатывают авиалайнеры жидкостью против обледенения.

А большинство остальных предприятий Московского района Санкт-Петербурга пошли на металлолом. Их хозяева сегодня используют цехи под склады импортных товаров или продают землю под застройку. Если заводское здание выходит на

оживленную улицу, то там оборудуют деловой центр или сдают под магазин. Одним словом, владельцы обрели желанный статус получателя ренты. «Красные директора» — члены партии, называвшей себя авангардом прогрессивного человечества, сумели провести деиндустриализацию страны.

Но это не означает, что рыночные реформы и приватизация в России, где у руля стояла хозяйственная партноменклатура, были не нужны. Сегодня мы объективно живем богаче, чем при советской власти. Магазины ломятся от товаров. А главное — мы ближе к тому общественному строю, который обеспечил достойную жизнь жителям развитых стран.

Изменилось в народе и отношение к предпринимателям по сравнению с началом 1990-х годов. Теперь большинство рассматривает мелких и средних предпринимателей как «своих»: «Эти люди — трудяги, вместе с ними мы, наемные работники, противостоим корыстным и вороватым российским чиновникам». Многие понимают, что если ты открыл свой бизнес, то будешь в нем с утра до вечера вкалывать, 8 часами не отделаешься. А трудяг у нас уважают.

Волонтеры-добровольцы

Люди, которые, не имея своего ума, умеют ценить чужой, часто поступают умнее умных, лишенных этого умения.

Василий Ключевский

В начале 1990-х годов в России катастрофически не хватало специалистов, знавших институты рыночной экономики и законодательство развитых стран. Летом 1989 года на Ладоге мы обсуждали, сколько в СССР можно найти ученых, которые более или менее понимают корпоративное право, знают, как обеспечиваются гарантии прав собственности и исполнение договорных обязательств, какие параметры денежного рынка регулируют центральные банки. Назвали 7 человек, из них четверо оказались эстонцами.

Сегодня ситуация улучшилась, россияне получают образование на Западе, работают в иностранных фирмах. И все равно ощущается недостаток специалистов. Практически невозможно найти людей, разбирающихся в исках в защиту неопределенного круга лиц, в тонкостях парламентского контроля над органами исполнительной власти или организации эффективных систем здравоохранения. В начале 1990-х годов положение было просто катастрофическим. Будучи в зарубежных командировках, мы расспрашивали тамошних чиновников и юристов. Но немногие настолько владели языком, чтобы понять юридические тонкости. А кто знал язык, тот не знал право и экономику.

В Комитете Верховного Совета РСФСР по собственности появился необычный посетитель — министр антимонопольного ведомства Германии Вольфганг Картте со своим переводчиком. Он добровольно приехал в Москву на время отпуска и предложил свою помощь. Мы поставили ему второй стол в моем кабинете и сразу перешли к нашим проблемам.

Тогда мы работали над первым вариантом законопроекта об акционерных обществах. И не знали, как в законе правильно оформить правило, по которому объявленный акционерный капитал соответствовал бы реальной стоимости активов акционерных обществ. Допустим, мы с вами решили создать закрытое акционерное общество, чтобы возить овощи из Краснодара в Москву. Скинулись, зарегистрировали ЗАО с

уставным капиталом 100 тыс. рублей. Пока везли помидоры в Москву, холодильник в машине испортился, помидоры сгнили. По документам уставный капитал есть, фирма выглядит состоятельной, а реально активов нет. Но на рынке контрагентам важно знать, с кем имеешь дело, знать реалии, а не просто записи в бумагах. Не будешь же перед заключением сделки проводить аудит каждого смежника!

Вольфганг Картте знал, что эту проблему удачно решили испанцы. Он тут же позвонил министру юстиции Испании. Через полчаса у меня на столе лежал перевод статьи соответствующего испанского закона. Потом выяснилось, что необходимая нам норма закона еще лучше сформулирована в одном из американских штатов. Запросили ее, внесли поправки в законопроект. Подобным образом Картте помог разрешить многие загвоздки в нашей законотворческой деятельности.

К нам приезжали помогать и другие волонтеры. Ими двигало желание участвовать в поиске решений, аналогов которым в истории не было. Так, в нашу Комиссию по промышленности Ленсовета пришел Джонатан Хей. Он окончил Оксфордский университет по специальности экономика, был аспирантом Гарвардской школы права, знал реалии рыночной экономики и правовые нормы США. И он выучил русский! Несомненно, Хей мог принести большую пользу, но не в Питере, а в Москве, там, где принимались федеральные законы. Законопроекты готовили профильные министерства, поэтому я написал рекомендательное письмо Анатолию Чубайсу, который тогда руководил Госкомимуществом. Джонатан Хей стал его советником и тесно сотрудничал с заместителем председателя этого госкомитета Дмитрием Васильевым. Через несколько лет Хей возглавил Международный институт правовой экономики в Москве, в котором в середине 1990-х наши и зарубежные юристы готовили законопроекты, отвечавшие международным нормам.

Всегда ли прав народ?

Овца и волк по-разному понимают слово «свобода», в этом суть разногласий, господствующих и в человеческом обществе.

Авраам Линкольн

Вернемся к любимым тезисам интеллигенции: «народ всегда прав» и «путь к лучшей жизни лежит через позицию большинства». В начале 1990-х годов тех, кто боролся за проведение в стране радикальных политических и экономических реформ, называли демократами. Что такое демократия? В переводе — власть народа. А как сам народ понимает демократию? Социологии выяснили, что и в 2010 году основная масса россиян под словом «демократия» понимала лишь «повышение уровня жизни». Есть колбаса в магазине, хватает денег ее купить и на пиво остается — значит, в стране демократия. Зарплату не выдают, пенсии задерживают — нет демократии. Что до свободы слова и собраний, права создавать профсоюзы и выдвигать своих кандидатов в депутаты, то, может быть, это и важно для интеллигентов, а для большинства россиян — нет.

Люди, как правило, не понимают степень своего невежества, своей цивилизационной отсталости. Жители Афганистана ничего не смыслят в фондовых рынках, капитализации компаний, подобные понятия вне их интересов. Можно одеть папуаса в европейские одежды, но европейцем от этого он не станет. Члену первобытного племени из лесов Амазонки неведомо европейское понятие «закон», главное для него — слово вождя.

Россияне мало чем отличаются от европейцев по уровню «материальной цивилизации» — наличию Интернета, автомашин. Но в восприятии современных институтов пропасть огромная. Для россиян закон «что дышло, как повернул, так и вышло». Указание начальника важнее, за непослушание он может и уволить. Если даже российские судьи выносят приговоры по распоряжению «сверху», что уж говорить об остальных жителях страны. Офицер полиции, получивший антиконституционный приказ разогнать дубинками демонстрантов, уверен, что, если есть приказ начальства, отвечать за противоправные действия ему уже не придется.

В европейском понимании гражданского долга общество

ответственно за власть и вправе ее сместить, если она не оправдывает ожиданий или покушается на права и свободы граждан. Сместить — вплоть до вооруженного восстания. Долг народа — контролировать власть. У нас гражданский долг — это долг верноподданного. Спустя 100 лет после смерти последнего императора мы по-прежнему полагаем, что власть — наместник Бога на земле. Долг власти — напоить, накормить народ, дать работу, оборонить от особо рьяных мздоимцев и напористых инородцев. В России люди привыкли ругать власть на кухнях и писать царю-президенту челобитные.

Мы не относимся к президенту как нанятому нами топ-менеджеру, он для нас абсолютный монарх, который волен творить с подданными все что заблагорассудится, и ничего поделать с этим нельзя. Кто посмел бы контролировать Ивана Грозного и его опричников? А разве сегодня ситуация изменилась? Кто остановит произвол власти в отношении борца с коррупцией Алексея Навального? Народ? Мы — не граждане, мы подданные, «люди маленькие, от нас ничего не зависит». На что царь-президент деньги потратит — на Чечню, на Олимпиаду или на Крым — не наше холопское дело. Это европейцы создают партии, контролируют бюджеты коммун, городов и провинций. А у нас люди, борющиеся с распилом казенных денег, — исключение, они рискуют быть объявленными «иностранными агентами» и сесть в тюрьму.

Выходит, что большинство народа во взглядах и предпочтениях далеко не всегда право, как зачастую не право оно и в понимании того, что нужно делать, чтобы обрести достойную жизнь. Когда в 1991 году ребром встал вопрос о переходе к рыночным ценам, по опросам социологов 65 % россиян высказались «против». Они были против тотального дефицита, но одновременно и против рыночных цен, не понимая их тесной сцепки.

Как культура народа отражается на развитии страны? Непосредственно. В нынешнем глобальном мире тот, кто не успел модернизироваться, отстал навсегда. Не исключено, что своим холопством мы сегодня ставим крест на будущем России.

Партии или одномандатники?

Наша задача — проведение выборов в соответствии с законом. Наш единственный враг — партия отмены выборов. Наши союзники — все, кто за честные выборы.

Александр Вешняков, председатель Центральной избирательной комиссии России

В начала 1990-х годов слабым местом Советов было отсутствие сплоченных фракций политических партий. Депутаты избирались по одномандатным округам, по мажоритарной системе, что и определяло их позицию. Входить в какую-то фракцию было не обязательно. Если претендент это и делал, то только из желания быть ближе к политическим единомышленникам. А императивного мандата, то есть ответственности за свою позицию, гарантированную исключением из партийного списка и из числа депутатов, он не нес.

Характерно, что многие депутаты, сначала поддержавшие реформы Гайдара, позже переметнулись к его яростным противникам. Почему? Они были избраны как независимые кандидаты. Стремясь быть переизбранными на второй срок, они не шли против настроения большинства. А это настроение в 1992–1993 годах становилось все более протестным. Избиратели, столкнувшись с реалиями рынка, потеряв работу и сбережения, ощущая кошельком галопирующую инфляцию, были недовольны политикой правительства реформ.

В развитых странах парламенты работают эффективно именно потому, что в их основе — политические партии и партийная дисциплина. Там принята пропорциональная система выборов по партийным спискам, или мажоритарная система, при которой кандидат в депутаты идет от партии. Ее плюс в том, что люди голосуют за известных им по жизни кандидатов, но недостаток — в том, что она не обеспечивает представительство меньшинства. Так, если предположить, что в каждом избирательном округе большинство избирателей проголосуют за кандидатов-консерваторов, то в парламенте не будет ни одного лейбориста, а значит, не будет представительства людей левых взглядов. Но мажоритарная система имеет и несомненное

достоинство. Если при голосовании по спискам партий в парламент нередко попадают люди заурядные, «темные лошадки», то в округах проходят обычно личности яркие.

При пропорциональной системе во многих странах выйти из парламентской партийной фракции и остаться депутатом по закону нельзя, поэтому депутаты объективно консолидируются вокруг партийных программ и законопроектов. Но у пропорциональной системы есть свои недостатки. Она позволяет использовать «паровоз», когда список возглавляет пользующийся популярностью лидер, а остальные в нем никому не известные «серые лошадки». В 1993 году на первых выборах в Госдуму больше всего мест получила ЛДПР. Если бы голосование проводилось только по мажоритарным округам, то от ЛДПР в Думу прошел бы лишь Владимир Жириновский. В 2011 году популярность Сергея Шойгу обеспечила «Единой России» голоса избирателей на выборах в Госдуму. Но в парламенте он работать не собирался и, отказавшись от мандата, открыл дорогу к депутатскому креслу следующим по списку отставным верноподданным чиновникам.

Но, пожалуй, самый главный недостаток пропорциональной системы выборов в России состоит в том, что избирательный округ у нас единственный — вся страна. Это не что иное, как профанация пропорциональной системы выборов. Такого издевательства над избирателями, как у нас, нет ни в одной стране. В других странах выборы по партийным спискам проводятся во множестве округов, часто совпадающих с границами областей. Тем самым людям предоставляют возможность выбирать из тех партийных кандидатов, кого они знают по работе в регионе.

Некоторые политологи считают, что на этапе становления демократии полезна смешанная система выборов, как в Германии. Там население голосует не за партийные списки с неведомыми фамилиями и «паровозами» во главе, а за конкретных кандидатов, выдвинутых партиями по их округу. Этих людей они знают, живут рядом с ними, голосуют за кандидата, но фиксируют, от какой партии он идет. Места в парламенте распределяются между партиями пропорционально количеству поданных за них голосов, но в списках остаются только кандидаты, набравшие в своих округах наибольший процент голосов. Жаль, что, принимая новую Конституцию, мы не заложили в нее такую эффективную систему выборов.

В развитых странах массовые партии являются своего рода фильтром, ограждающим парламент от популистов. Люди умные, образованные, с лидерскими наклонностями проявляют свои

качества, прежде всего, на низовой партийной работе, чтобы потом, в случае победы партии на выборах, занять ответственные государственные посты. Ничего подобного в России не было и нет. Мы к партиям относимся холодно, политику считаем делом грязным.

Политические партии в Европе — еще и инкубаторы идей по решению проблем. В Германии партии имеют свои исследовательские фонды. Если эксперты ориентируются на социал-демократическую модель, то они работают в фонде Эберта, если разделяют либеральную идеологию — то в фонде Аденауэра. Команды экспертов конкурируют между собой, но не сами по себе, а через партии, представляющие интересы больших групп избирателей. В этом случае подготовленные ими программы становятся не набором политических лозунгов, а продуманными концепциями реформ, подкрепленными законопроектами, анализом вариантов и оценкой необходимых затрат и эффекта. Поиск решений в конкурирующих партийных экспертных группах, а не в правительственных структурах повышает качество государственного управления. Почему?

Вымуштрованный чиновник не перечит начальству, высказывается только тогда, когда его спрашивают, пытаясь угадать ожидаемый ответ. Особенно такие отношения проявляются среди чиновников в погонах. Трудно представить себе лейтенанта, возражающего генералу. Для ученого же ценность оригинального решения не умаляется, даже если его предложил аспирант. Он готов спорить с академиком, если считает себя правым. Поэтому в партийных экспертных советах быстрее находят лучшие решения, чем в департаментах правительства. Приходя к власти, оппозиционная партия имеет задел таких решений. Но, и находясь в оппозиции, она стремится критиковать правительство обоснованно и конструктивно.

Роль депутатов в идеале больше соответствуют модели поведения эксперта-ученого, чем чиновника. Российский парламент должен быть местом для дискуссий, а в Совет Федерации противопоказано ссылать бывших губернаторов и заместителей министров. Зачатки политической конкуренции я видел во время работы над законопроектом о приватизации, когда на слушаниях в Верховном Совете РСФСР депутаты из фракции коммунистов указывали нам на двусмысленные фразы, расплывчатость некоторых формулировок, упущения и неясности. От этого закон только выиграл.

Качество работы власти исполнительной не менее важно, чем эффективность работы представительной власти. Что говорит об этом опыт развитых стран? Там, где парламентская оппозиция

жестко контролирует качество работы правительства, министерств и ведомств, там уровень коррупции и злоупотреблений намного меньше. Когда в стране есть политические партии, действительно конкурирующие за власть, оппозиция скрупулезно изучают предлагаемые правящей партией проекты и решения, ищет в них ошибки и недостатки. А найдя, не спускают авторам, не проходят мимо ставших им известными фактов воровства, инициируют расследование и судебные процессы.

Разумеется, важен и порядок отбора кандидатов на госслужбу. Качество государственного управления повышается, если кандидатов на высокие посты в чиновной иерархии отбирают по конкурсу с использованием экзаменов на знание предмета их будущей деятельности, тестированием творческих способностей и умения находить оригинальные решения. Госслужащие обязаны повышать квалификацию и регулярно проходить строгую переаттестацию. Причем экзамены должны принимать сторонние эксперты, а не сослуживцы. Так сегодня принято в Великобритании и в Китае.

Ничего подобного в России сегодня нет. Что бы ни писали в регламентах, на практике чиновники подбираются по принципу личной преданности, причем питерские берут в замы питерских. Но также было и в начале 1990-х годов. Советы, состоявшие из депутатов-одномандатников, с такой задачей справиться не могли. Осенью 1991 года Верховный Совет РСФСР даже не замахивался на подбор высших чиновников. Этим занимался президент. Он сделал ставку на молодых реформаторов-рыночников (на что не согласился бы никто из его прежних партийных коллег по ЦК КПСС). Сформировав осенью 1992 года правительство из людей, ориентированных на европейский путь развития, президент дал отставку академикам-шестидесятникам, ратовавшим за «социализм с человеческим лицом». Ельцин сумел перешагнуть через догмы и предубеждения, и в этом его огромная заслуга.

Причины политического противостояния в 1992–1993 годах

Слуги, не имеющие господина, не становятся от этого свободными людьми — лакейство у них в душе.

Генрих Гейне

К концу 1992 года товарный дефицит в стране был преодолен. Проблему «где купить» сменила не менее болезненная проблема «где взять деньги на покупку». С ростом цен снизилась покупательная способность рубля, растаяли сбережения. Для того чтобы облегчить тяготы народа, требовалось обуздать инфляцию, а для этого сократить бюджетный дефицит. Ведь нехватка средств в казне компенсировалась печатанием необеспеченных товарами денег, что и было основным источником инфляции.

Первое российское правительство пыталось сократить государственные расходы. Отказалось от субсидий предприятиям и госзаказов оборонке. Директора предприятий обиделись. Оно и понятно, ведь гораздо труднее модернизировать предприятия, осваивать пользующуюся спросом продукцию, чем «выбивать» субсидии и госзаказы. Ельцин понимал природу этого конфликта интересов и поддерживал правительство реформ. Ведь альтернативой было введение карточек и чрезвычайного положения. В колхозы пришлось бы посылать продотряды, потому что селяне не стали бы отдавать продукцию за «деревянные», быстро обесценивавшиеся рубли.

Рыночные реформы привели к тому, что уже к лету 1992 года российская политическая элита раскололась. На одном фланге — демократы, поддерживавшие президента и правительство реформ. Они выступали за вхождение России в мировой рынок, привлечение иностранного капитала с его высокими технологиями, верили, что двигателем нашего развития станет интерес самих граждан и фирм, их желание больше зарабатывать и лучше жить.

На другом фланге — коммунистические и ура-патриотические партии и фракции «красных директоров». Они не видели для себя перспектив в условиях рыночной конкуренции, настаивали на «особом пути» России, для которой «не подходит западная демократия, а рыночные отношения убийственны». Оппозиция требовала возврата планирования, государственных цен и субсидий предприятиям, увеличения социальных выплат

населению, не заботясь, откуда взять на это средства. Их популистские требования поддерживала значительная часть населения, придавленная тяготами переходного периода.

Между этими флангами располагалось «болото», «центристы» — чиновничество, часть региональных руководителей и директоров предприятий, которые призывали соединить несоединимое. Директора-центристы хотели сохранить рыночные цены на продукцию их предприятий и государственные цены на поставляемое им сырье и топливо. Они были не против снижения инфляции, но рассчитывали на льготные кредиты предприятиям. Они были за изобилие продуктов, но требовали отгородиться от импорта высокими таможенными барьерами.

К лету 1992 года в России фактически установилось двоевластие. Действовавшая тогда Конституция 1978 года была полна противоречий. В ней признавалось разделение властей, но Съезд народных депутатов (в перерывах между съездами — Верховный Совет) мог принять к рассмотрению любой вопрос, фактически подменяя исполнительную власть. Но главная опасность была в том, что большинство депутатов перешло на сторону противников реформ.

В декабре 1992 года на VII Съезде народных депутатов отношения накалились до предела. Съезд не утвердил на пост председателя правительства Егора Гайдара, до этого исполнявшего обязанности премьер-министра. Новым премьером стал Виктор Черномырдин, бывший председатель правления «Газпрома», заместитель председателя правительства по топливно-энергетическому комплексу. Он понимал интересы директоров, и оппозиция связывала с ним свои надежды.

Правительство Черномырдина колебалось между жесткой финансовой политикой и инфляционным стимулированием промышленности. Первым его шагом было решение о финансовой поддержке топливно-энергетического комплекса. Но лучше не стало. Инфляция выросла, спад продолжался, реальные доходы населения упали, увеличилась безработица. Неудивительно: в условиях высокой инфляции любые вложения в производство не дают прибыли. Зато для банков высокая инфляция — золотое дно, потому что они присваивают около половины доходов от эмиссии. Капитал перетекал из промышленности в финансовую сферу, положение предприятий ухудшалось. Без снижения инфляции надежды на экономический рост были наивностью, но оппозиция по-прежнему требовала кредитов и дотаций.

Как разрешить конфликт властей? Президент предложил сделать это через всеобщий референдум. Тогда оппозиция попыталась отрешить президента от власти на внеочередном IX

Съезде народных депутатов 26 марта 1993 года. Не удалось — съезд одобрил проведение референдума. В ходе подготовки к нему конфликтующие стороны стремились перетянуть граждан на свою сторону. Говорили и по существу, и вокруг да около, использовали новые для России политические технологии. Запомнилась музыкальная фраза — подсказка голосующим «Да. Да. Нет. Да», которую распевали на мотив «И даже пень в весенний день березкой снова стать мечтает». Наслушавшись всего, 25 апреля 1993 года доверие президенту высказали около 59 % проголосовавших, одобрили политику президента и правительства с 1992 года 53 %, сочли необходимым досрочные выборы президента около 32 %, а досрочные выборов депутатов — 43 %. То есть народ фактически и президента с его курсом поддержал, и оппозиционный съезд распускать отказался. Оппозиция не признала победы Ельцина на том основании, что 38 млн человек не участвовали в референдуме. 1 мая 1993 года Фронт национального спасения организовал многотысячные демонстрации в Москве под антипрезидентскими лозунгами, которые стали прологом силового разрешения конфликта.

История показывает, что во многих странах в период смут и радикальных реформ нередко формируется несколько центров власти. Россия не стала исключением. Конфликт был вызван прежде всего желанием руководителей Верховного Совета взять в свои руки исполнительную власть, которую в России традиционно считают настоящей властью. Столкновение было неизбежным.

Вся власть Советам или правительству реформ?

Демократия — это не власть большинства, а защита меньшинства.

Альбер Камю

Принципу демократии, то есть право большинства навязывать свое решение меньшинству, противостоят принципы либерализма, то есть естественное право человека на свободу самореализации, на оценку его усилий конкурентным рынком. Грубо говоря, кто определяет цены: рынок или городской совет? Во время борьбы с тоталитарным строем это различие в рядах демократов почти не проявлялось. Раскол произошел в процессе рыночных реформ.

Многие депутаты демократической ориентации полагали, что высшая власть в стране должна быть устроена по аналогии с акционерным обществом. Акционеры избирают из своего состава Совет директоров, который определяет политику компании, контролирует и стимулирует менеджеров. То есть высшая власть — не у топ-менеджеров, а у акционеров. Чиновники-менеджеры должны работать под надзором избирателей (акционеров) или избранных ими депутатов. В правильно устроенном демократическом государстве парламентский контроль позволяет реализовать политику, отвечающую интересам населения, обуздать коррупцию, заставить бюрократию служить, а не наживаться.

Но как быть, если воззрения депутатов отражают архаичные воззрения самого народа? В 1991–1993 годах в вопросе о власти многие демократы попали в ловушку. Они посчитали, что лозунг «Вся власть Советам!» сохраняет актуальность, поскольку высшая власть должна быть у парламента. Во время радикальных рыночных реформ такой вывод оказался ошибочным. Почему?

Я уже отмечал, что при советской власти Советы народных депутатов были бутафорией. Их исполкомы беспрекословно подчинялись аппарату партийных комитетов КПСС. К началу 1990-х годов значительная часть населения осознала порочность власти партноменклатуры. Популярным было требование предоставить Советам «реальную власть». Какие чаяния народа они отражали? Среди их приоритетов не просматривались конкурентный рынок, частная собственность, расслоение

общества на предпринимателей и лиц наемного труда. Сами народные избранники не были юристами или экономистами. Они не ведали, как устроена современная рыночная экономика, какие существуют демократические институты и как они работают. Обсуждение и принятие законов не слишком их волновало, ограничивались лишь лозунгами. По моим подсчетам из 1060 народных депутатов РСФСР реально в разработке законопроектов участвовали всего 9 человек. Остальные пошли в депутаты, чтобы помочь своим регионам со снабжением дефицитными ресурсами. Они ходили по министерствам, размахивая депутатскими удостоверениями, пытались выбить дополнительные лимиты.

Народ в большинстве не осознавал, зачем нужны депутаты — его представители, не воспринимал их как функционеров полноценной ветви власти. Ведь власть — это «начальник, чиновник, распорядитель, управляющий, то есть человек, который приказывает». Когда я вел депутатский прием, избиратели приходили с проблемами протечки крыши, ремонта труб и т. п. Они не понимали меня, когда я говорил, что основная работа депутата — принимать законы и бюджет. Им нужен был толкач, который подгонял бы нерадивых коммунальщиков, помогал справляться с бытовыми трудностями. Еще было бы здорово, чтобы он имел фонд помощи тем, кто громче всех жалуется.

Впрочем, и наши депутаты были «на уровне». Летом 1992 года на слушаниях в Верховном Совете о ходе экономической реформы Егор Гайдар говорил о серьезном вреде гиперинфляции, объяснял жесткую финансовую политику необходимостью ее не допустить. Депутаты его не понимали, засыпали упреками за рост цен и требовали «не умничать», «напечатать больше денег и раздать их нуждающимся».

Даже продвинутым депутатам, прекрасным врачами и талантливым учителям, элементарно не хватало правовых и экономических знаний. Как гарантировать частную собственность? Как помочь нарождающемуся слою предпринимателей? Что делать с имуществом профсоюзов, которые и профсоюзами-то не были, или с потребкооперацией, не являющейся таковой? Другие страны уже прошли через это, но их опыт был скрыт от нас «железным занавесом». Однако рыночно ориентированные законы о приватизации, об акционерных обществах, Налоговый кодекс и другие нужно было принимать. В условиях жесткого противостояния в Верховном Совете важен был каждый голос. Члены фракций «Демократическая Россия» и «Радикальные демократы» обязали меня сесть на первый ряд и помогать нашим сторонникам, не разбиравшимся в сути обсуждаемых вопросов, поднятием руки «дирижировать» их

голосованием («за» или «против»).

В судьбе каждого народа бывают моменты, когда единственно верный выход предлагает меньшинство. Это время чрезвычайной политики, по выражению польского министра финансов, вице-премьера Лешека Больцеровича. Здесь модель Советов и даже модель парламентской республики работают плохо или не работают совсем. Требуются харизматический лидер и группа его сторонников с широкими полномочиями. Когда Людвиг Эрхард в послевоенной Германии проводил рыночные реформы, подавляющее большинство граждан его ненавидело. А спустя два десятка лет в благодарность за немецкое экономическое чудо он был избран канцлером.

В России шанс провести назревшие реформы был только у Ельцина и первого российского правительства, в которое удалось собрать тех, кто был способен предлагать разумные решения, позволявшие стране перейти к рыночным отношениям. Съезд Советов и Верховный Совет во главе с Русланом Хасбулатовым объективно сделать это были не в состоянии. Но понимали это далеко не все, поэтому демократы раскололись. К октябрю 1993 года меньшинство демократических фракций поддержало правительство реформ, а все коммунисты и аграрии — Хасбулатова, встав в непримиримую оппозицию реформам. Кризис стал неизбежен.

Разогнав Съезд народных депутатов и тем самым обеспечив проведение реформ, Ельцин вынужден был подписать указ о роспуске нижестоящих Советов. Советская власть закончилась. Жаль, что под этот указ попал и уникальный Ленсовет XXI созыва.

Сказанное не означает, что авторитарная власть, настроенная на реформы, и правительство, не подотчетное парламенту, — лучшее решение. Бесконтрольная власть неизбежно загнивает, разъедается коррупцией. Сегодня мы видим это на опыте нашей страны и других авторитарных режимов. Чрезвычайную политику и соответствующие ей правовые институты надо устанавливать только на ограниченный срок и, проведя рыночные и политические реформы, возвращаться к демократическому контролю над властью.

Меня поразил высокий уровень квалификации депутатов в Швеции. Они, как правило, имеют большой опыт работы юристами или предпринимателями, поэтому разбираются в тонкостях правового регулирования бизнеса и народного хозяйства. А в нашей Госдуме сегодня — обилие отставных функционеров «Единой России», актеров, певцов, спортсменов. Россияне до сих пор не осознают проблему низкой квалификации парламентариев, готовы поддержать того или иного партийного

лидера, даже не интересуясь его командой. На предвыборных собраниях кандидаты обещают «поднять зарплаты и пенсии вдвое, всех детей обеспечить садиками, а больных лекарствами», а люди не спрашивают, откуда взять средства на все эти блага. Закономерно встает вопрос: дойдем ли мы когда-нибудь в своих требованиях к депутатам до уровня Швеции?

Октябрь 1993 года

Избирательный бюллетень сильнее пули.

Авраам Линкольн

В жизни бывают ситуации, когда формально ты не идешь против закона, но правда и справедливость на твоей стороне. Особенно если правила и законы противоречивы. Так вышло и с советской Конституцией РФ. Надо отдать должное Ельцину: он много раз пытался найти мирный способ разрешения политического противостояния в ее рамках. Не получилось.

Ельцин решился разрубить гордиев узел конфликта одним ударом. 21 сентября 1993 года он обнародовал указ «О поэтапной конституционной реформе в РФ», в котором предписывал завершить работу над проектом Конституции, провести выборы в Госдуму 11–12 декабря 1993 года и одновременно вынести на всенародное голосование новую Конституцию. Подписывая указ, президент формально не укладывался в прокрустово ложе действовавшего Основного закона, но опирался на волю народа, выраженную на апрельском референдуме.

Верховный Совет объявил действия Ельцина государственным переворотом. Президиум Верховного Совета принял постановление о назначении президентом вице-президента Александра Руцкого. В ответ в ночь на 22 сентября 1993 года в Белом доме была прервана правительственная связь, заблокирован транспорт, отключено электричество. Впрочем, правительство старалось не применять силу, не втягивать в конфликт регионы, пыталось просто не замечать Верховный Совет, ссылаясь на результаты референдума. Поскольку многие колеблющиеся депутаты были озабочены тем, что им придется сдавать московские депутатские квартиры, президент закрепил их за ними своим указом.

23 сентября 1993 года состоялся последний Съезд народных депутатов. Он объявил о незаконности «режима Ельцина», поручил исполнять обязанности президента Руцкому, утвердил силовых министров. Противостояние стало открытым. В Москву из соседних областей шли колонны автобусов со сторонниками Верховного Совета, вокруг Белого дома собрались толпы его защитников. Многие из них были вооружены. Газеты и телевидение рассказывали о том, что среди них были русские фашисты, бойцы рижского ОМОНа. Радикально настроенные

депутаты призывали к захвату Кремля и телецентра «Останкино».

2 октября сторонники Верховного Совета начали активные боевые действия, прорвали блокаду Белого дома. Захватили здание мэрии на Новом Арбате, гостиницу «Мир», здания ИТАР — ТАСС и Краснопресненского УВД, блокировали здание Министерства обороны. Поздно вечером боевики выехали на грузовиках к телецентру «Останкино». Во время большевистского переворота требовалось брать почту и телеграф, а в наше время достаточно взять контроль над телевидением, чтобы сообщить всей стране о своей победе.

Кроме телевидения было еще и радио. Ситуация была неопределенной, всё висело на волоске. Я позвонил по правительственной связи в Кремль Михаилу Полторанину, который был в тот вечер «на хозяйстве». Он был в панике: «Мне сообщили, что они готовятся штурмовать Кремль. А у меня лишь два взвода солдат. Ельцина нет! Организуй выступления наших сторонников по радио!». Я обзвонил коллег-депутатов и экспертов, просил их срочно подъехать в Дом радио на Пятницкую. Там располагались студии всех основных каналов (первой и второй кнопки городского радиовещания, «Маяка», других радиостанций).

Приехав в Дом радио, я представился, показал удостоверение и объявил, что сегодня командовать там буду я. Милиционеры взяли под козырек, руководители радиостанций не возражали, чувствовалось — ждут плохого. Настроение у журналистов было тревожное. Обошел все студии, пообещал прислать людей для интервью. Приехали человек пятнадцать. Организовал из них «вертушку»: выступив на одном канале, человек шел на другой и вновь излагал свое видение причин смуты, объяснял, чем нам грозят гражданская война и возврат к административно-командной системе. С «голосами разума» на радио все наладилось.

Но предстояло защитить само здание, у которого на первом этаже были стеклянные витрины. Позвонил Петр Мостовой: «Толпа идет к вам. Приготовьтесь!». Как приготовиться? Когда я приехал, было 10 милиционеров, через полчаса осталось 3 (как всегда бывает в таких случаях, милиция спряталась). Что трое могут сделать против толпы? Я собирался двери на этажи забаррикадировать, получилось — не с кем. Через 10–15 минут дойдут до нас, и будет конец нашему вещанию. Повезло, что толпа повернула в сторону редакции телеканала «Россия». А там уже стоял заслон внутренних войск. Вскоре стало известно о стрельбе в телецентре «Останкино», пролитой крови и жертвах. Телецентр отстояли. Но и мы исполнили свой долг. В

переломный момент страна слушала нас, а не бред националистов и людей, жаждущих возвращения ГУЛАГа.

По призыву Егора Гайдара у здания Моссовета на Тверской улице собрались десятки тысяч сторонников рыночных реформ, готовых взять в руки оружие. К счастью, гражданской войны удалось избежать. Ельцин ощутил массовую поддержку и в 5 утра 4 октября подписал указ «О неотложных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве». В столицу были введены десантные части. С 6.45 начался обстрел Белого дома. А в 16.00, после того как в здание вошло спецподразделение «Альфа», гражданская война, едва начавшись, закончилась.

Насколько оправдано было применение силы? В Белом доме изъяли 643 единицы огнестрельного оружия и 308 взрывных устройств[5]. При этом невозможно подсчитать, сколько боеприпасов было израсходовано и сколько оружия вынесли боевики, ушедшие через канализационный коллектор. По официальным данным погибло 147 человек. Оппозиция утверждала, что было 1,5 тыс. убитых и сотни раненых. По данным Центра экстренной медицинской помощи, 3–4 октября в Москве пострадал 691 человек, из них 123 погибли[6].

Поражало поведение некоторых москвичей во время осады Белого дома. Находились отчаянные мародеры, которые под огнем тащили из здания компьютеры. Зеваки плотными рядами стояли на мосту. Когда шальная пуля поражала кого-нибудь из них, его оттаскивали к машине скорой помощи, а ряды «изучающих историю на практике» тесно смыкались.

Задержали многих членов левых и националистических организаций. На них завели уголовные дела. Были распущены Фронт национального спасения, движение «Трудовая Россия», «Русское национальное единство», Объединенный фронт трудящихся. После отмены в Москве чрезвычайного положения почти все эти организации, за исключением ФНС, возобновили свою деятельность.

Октябрь 1993 года подвел черту под советским периодом истории России. Была ликвидирована система Советов, которая не предусматривала реального разделения властей и доказала свою неэффективность в условиях, когда нет представительства партий.

Новая Конституция России

Можно изнасиловать законы
так, что они даже не пикнут.

Владимир Вишневский

Мы дорого заплатили за неспособность российской элиты найти компромисс и избежать силового разрешения конфликта. Если до 3 октября 1993 года президент был лишь одним из игроков на политической сцене, то 5 октября в его руках оказалась вся власть. От Ельцина зависело, быть России парламентской или сверхпрезидентской республикой. И он свой выбор сделал. На референдум 12 декабря 1993 года была представлена Конституция с откровенными перекосами, с сильными властными рычагами в руках президента.

По-своему он был прав. В условиях парламентской республики трудно принимать непопулярные решения. Мешают различные группы интересов, представленные депутатскими фракциями и группами, препятствует негативное отношение населения, которое далеко не всегда понимает, зачем идти на болезненные реформы. Парламентская республика эффективна в обществе с устоявшимися правовыми нормами. Но если, скажем, для финансовой стабилизации нужно ограничить государственные субсидии, то те, кто их лишается, в рамках парламентской республики могут заблокировать решение.

В подавляющем большинстве стран первые шаги модернизации проводили именно авторитарные режимы. Их лидеры принимали решения, которые невозможно было провести через парламент. Это не значит, что авторитаризм лучше демократии. Ведь на одного эффективного «вождя» приходится несколько десятков тиранов и клептократов. Но нельзя игнорировать временную эффективность, которую порой демонстрирует авторитаризм.

В Южной Корее в начале 1960-х годов после падения авторитарного режима была провозглашена парламентская республика, но просуществовала она лишь полгода и привела к военному перевороту и диктатуре. Во Франции послевоенная парламентская республика работала плохо и сменилась конституционной «выборной монархией» де Голля, которая впоследствии эволюционировала в нынешнюю премьерско-президентскую форму правления.

Впрочем, Ельцин, обладая по новой Конституции огромной

властью, в текущей политике отказался от резкого поворота к диктатуре. Чрезвычайное положение вскоре было отменено. Цензуру не ввели, напротив, честно исполняли норму новой Конституции о ее недопустимости. Продолжили выходить оппозиционные газеты «Правда» и «Советская Россия».

В Конституции 1993 года были зафиксированы основы конституционного строя. Была поставлена цель, чтобы суверенитет народа (народовластие), разделение властей, плюрализм и федерализм не оставались благими пожеланиями. Но для этого нужны реальная политическая свобода, соблюдение неотъемлемых прав человека, наличие политических и правовых институтов, позволяющих гражданину участвовать в управлении государством и обществом. Поэтому новая Конституция гарантировала свободу мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свободу массовой информации, а также право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Было установлено равенство всех перед законом и судом, равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

Конституция закрепила за президентом сильные властные рычаги, создав дисбаланс в системе сдержек и противовесов. Большие полномочия президента не были уравновешены ограничениями, другие ветви власти ничего не могли им противопоставить. Фактически президент стал главой исполнительной власти. Под угрозой роспуска Госдума не хотела высказывать недоверие правительству, а оно было подчинено президенту. Поэтому политическая конкуренция и парламентские выборы неизбежно должны были превратиться в фикцию, что и произошло. Госдума, не имея возможности влиять на проводимый курс, так и не стала полноценным парламентом России — собранием представителей российского народа. Сегодня нет реального парламентского контроля за бюрократической вертикалью исполнительной власти. Нет и независимой судебной системы.

Впрочем, в первые годы действия новой Конституции президент еще сталкивался с фантомами разделения властей. Например, Госдума, вопреки позиции президента, объявила амнистию арестованным вождям вооруженного выступления в октябре 1993 года. Позже Совет Федерации отказался утвердить

снятие президентом с должности генерального прокурора Юрия Скуратова. Виктор Черномырдин не был утвержден в должности премьер-министра при повторном назначении в 1998 году. До 2000 года законопроекты, представленные президентом на рассмотрение Госдумы, депутаты изучали и вносили в них поправки, что повышало качество законов. Но в дальнейшем Госдума, по верному выражению ее председателя, стала «не местом для дискуссий».

В 1993 году прошли первые выборы в Федеральное Собрание. Их результаты оказались неожиданными. У президента и правительства после апрельского референдума сохранялась иллюзия своей популярности. Но оказалось, что после «расстрела» Белого дома она сильно уменьшилась. Экстравагантность и агрессивность популиста Владимира Жириновского принесла фракции ЛДПР 23 % голосов. Она стала крупнейшей в Госдуме. Коммунисты вместе со своими союзниками — аграриями составили самый большой парламентский блок. Пропрезидентская партия «Выбор России» вышла лишь на второе место, набрав 15 % голосов. В Госдуме было сформировано 15 фракций и групп. Спикером стал избранный по спискам Аграрной партии Иван Рыбкин.

Впрочем, оппозиционное президенту парламентское большинство было вынуждено действовать в рамках закона. Оно могло принимать или отклонять законопроекты, утверждать или не утверждать бюджет. Но большие полномочия президента лишили оппозицию возможности блокировать реформы. Из печального опыта принятия Верховным Советом дефицитных бюджетов были сделаны выводы. Конституция закрепила правило: законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, выпуске госзаймов и т. п., если они требуют бюджетных расходов, могут вноситься только при наличии заключения правительства. Это существенно ограничило возможности Госдумы принимать неисполнимые бюджеты.

Изменение политического баланса позволило правительству ужесточить бюджетную политику. Расходную часть бюджета старались привести в соответствие с доходами и лимитами кредитования правительства Центральным банком. Были отменены индексация цен на зерно и дотации на хлеб, одновременно введены пособия на хлеб малообеспеченным. Отказались от субсидирования импорта, льготных кредитов Центрального банка, урезали государственные капиталовложения. Сократив невыполнимые обязательства, уменьшили дефицит федерального бюджета до 7,8 % ВВП, что позволило не допустить финансовой катастрофы, заложить

основы для постепенного снижения инфляции.

Спустя два десятилетия приходится признать, что многие положения Конституции 1993 года остались декларацией о намерениях. Права собственности в России плохо защищены, собственность у нас по сути условная, ее обладание зависит от благосклонности президента и губернаторов. Право на проведение собраний, демонстраций и забастовок искусственно ограничено. Доверие к полиции и правоохранительным органам в целом крайне низкое. Суды зависят от исполнительной власти и не пользуются у народа уважением.

Оценить, насколько сегодня жизнь в России соответствует Конституции, можно по таким критериям: гарантированы ли гражданские права не только пассивному большинству, но и отдельным гражданам, меньшинству, включая оппозицию? Соблюдается ли принцип равенства граждан перед законом, действительно ли обеспечены равные возможности, созданы ли условия, позволяющие использовать эти возможности независимо от социального положения, образования, здоровья граждан, или все зависит от их связей? Могут ли граждане непосредственно участвовать в принятии касающихся их решений? Реально ли обеспечивается свобода слова, информации, мнений, объединений?

Социологические опросы показывают, что почти 85 % россиян не верят, что их позиция может влиять на положение дел в стране и они сами что-то могут изменить. Иными словами, народ, который по Конституции является источником власти в стране, таковым себя не осознает.

Для того чтобы превратить страну в современное правовое демократическое государство, необходимо создать политическую партию сторонников европейского пути развития, провести глубокую реформу правоохранительных органов (как сделала Эстония и позже Грузия), довести до конца судебную реформу, обновить судейский корпус (как сделала бывшая ГДР), развернуть реальную и непримиримую борьбу с коррупцией в среде чиновников и предпринимателей (как сделал Ли Куан Ю в Сингапуре).

Но в начале 1990-х годов в России не было креативного среднего класса, людей, заинтересованных в правовом демократическом государстве. Зато был огромный слой рабочих вчерашних советских предприятий и колхозников из убыточных колхозов. Им не было дела, почему их предприятия и колхозы неконкурентоспособны, они требовали денег и социальной защиты. О верховенстве права, правах человека, разделении властей, независимости суда и контроле над бюрократией — обо

всем том, что составляет суть демократии — эти люди не помышляли. Жаждали доброго царя или президента, который «сделает им хорошо».

Другую влиятельную группу интересов составляла партийная номенклатура — директора, руководители министерств и ведомств. Они хотели обрести собственность, но при таком государственном устройстве, которое позволило бы им использовать связи и положение, получать от государства субсидии, льготные кредиты и госзаказы, «пилить» бюджет. Цели и установки этих социальных групп были извращенными. Но Ельцин не смог ими пренебречь.

В конце 1991 — начале 1992 года после свержения коммунистического режима люди ждали «манны небесной». Демократия и наполнение прилавков увязывались как-то между собой, поскольку то и другое имелось на Западе — образце для подражания. Но либерализация цен стала холодным душем для населения. Люди не ожидали, что рынок так отличается от вожделенной скатерти-самобранки. Уровень инфляции составлял 1 % ежедневно и со временем достиг катастрофических 1500 %. Около 90 % населения оказалось за чертой бедности. Тяготы продолжались все 1990-е годы.

По мере того как выяснялось, что демократия еще не означает рост благосостояния, интерес к ней в широких массах снижался. К концу 1990-х годов общество искало властителя, который повысит благосостояние. Пришел Владимир Путин, которому несказанно повезло: рост нефтяных цен с начала 2000-х годов привел к росту доходов населения. И россияне успокоились, получив то, что хотели, — возросший уровень потребления. Демократия же не утвердилась, потому что к ней народ и не стремился.

Аналитический центр

Самое главное — уметь отличать самое главное от всего остального.

Павел Дуров

В преддверии октябрьских событий Ельцин предложил депутатам, последовательно поддерживавшим курс на рыночные реформы и проявившим организаторские способности, перейти на работу в Администрацию президента. Это было резонно, так как чиновников прорыночной ориентации для работы в правительстве недоставало, костяк министерств и ведомств составляла советская номенклатура. А, для того чтобы продвигать реформы, необходимо было анализировать ситуацию на местах, готовить проекты указов и постановлений правительства, направленных на модернизацию страны. Испытанные политические бойцы в Администрации президента были кстати.

К тому же уход из Верховного Совета депутатов-сторонников рыночных реформ затруднял принятие антиправительственных резолюций, так как не хватало кворума. Немаловажно и то, что депутаты-реформаторы выводились из-под удара, ведь в условиях, когда в Белом доме уже хозяйничали боевики Баркашова, работать там становилось просто опасно. Кабинеты заняли под казармы вооруженные люди, которые передали: «Пусть только сунутся!». Да и смысла нам работать в Белом доме уже не было, это был не парламент, а военный штаб оппозиции.

Я возглавил Аналитический центр по социально-экономической политике Администрации президента. Мы привлекали известных экспертов, заключали с ними договоры на выполнение работ по конкретным заданиям, приглашали их на «мозговые штурмы», включали во временные рабочие группы. Такой «подряд» был намного эффективнее штатных работников.

Только неисправимые романтики верят, что в исполнительной власти концентрируются самые умные и толковые. Ничего подобного. К власти чаще всего прорываются наиболее энергичные, как говорят в народе, шустрые, пронырливые. И совсем необязательно, что у них достает знаний и высокий IQ. Но люди во власти — управленцы и политики — понимают, что без специалистов им не обойтись. Когда становится ясно, какие проблемы блокируют развитие, пытаются найти тех, кто способен объяснить причины и предложить

решения. Желательно, чтобы исследуемая проблема была предметом их научной или практической деятельности. Именно такие люди, а не руководители ведомств, ищут ответ на вопрос «что делать?» Важно, однако, чтобы эти специалисты были честны и независимы, не пытались угадать, что начальство хочет от них услышать. Найти таких людей не просто. Зато полно тех, кто готов угождать в надежде на хороший гонорар.

Задания нашему Центру далеко не всегда спускались «сверху». Многие работы мы выполняли в инициативном порядке, готовили для президента аналитические записки о социально-экономической ситуации в стране и регионах России. Центр проводил своего рода аудит работы местной власти, стремясь предоставить президенту более объективную информацию о положении дел в регионах, чем спецслужбы, сотрудники которых далеко не всегда разделяли идеологию реформ.

Вот темы некоторых записок: состояние и перспективы рынка труда и занятости в России; проблема бедности; неотложные меры по разрешению кризиса неплатежей; проблемы сохранения действующих нефтяных скважин; деятельность общественно-государственных фондов социальных гарантий военнослужащих; концепция контрпропаганды правого национал-радикализма; о Всероссийском экономическом совещании; последствия изъятия банкнот старого образца и конфискации сбережений населения. Аналитические записки адресовались лично президенту. Если он и его помощники находили их актуальными, то эта аналитика способствовала подготовке соответствующих указов или проектов законов.

Сотрудники Аналитического центр издавали еженедельный бюллетень, рассылали его министерствам и ведомствам, а также в СМИ. В каждом выпуске освещалась какая-то злободневная тема. Например, в № 4 за 1993-й год рассматривались проблемы криминализации экономики, динамика роста преступлений в экономической сфере, анализировался опыт борьбы с коррупцией в Венгрии и Польше. В № 8 (1994 год) рассматривались проблемы реформирования армии и конверсии оборонного производства, влияние итогов выборов 1993 года на настроения командного состава Вооруженных сил, причины высокого травматизма и гибели военнослужащих.

Мы понимали, что одними записками, гуляющими по коридорам власти, реформы не продвинешь. Нужна поддержка народа. Поэтому сотрудники Центра регулярно выступали на радио и телеканалах, агитировали за демократические и рыночные преобразования в стране, старались донести до обычных людей смысл таких сложных тем, как налоговая

реформа, социальное партнерство в условиях рынка, причины и неизбежность экономического спада, пути его преодоления.

В 1992 году Россия оказалась в уникальной ситуации, какой в истории еще не было. На территории бывшего СССР образовалось 15 независимых государств, которых использовали в качестве валюты советский рубль[7]. Формально каждое постсоветское государство имело право эмитировать безналичные рубли и печатать их. Впрочем, до печати дело не доходило, так как все фабрики Гознака оказались на территории России. Но печатать деньги не столь важно, как многие думают. Ведь наличный денежный оборот составляет примерно 10 %, остальное — оборот безналичных средств между предприятиями, банками, казной.

Эмитировать безналичные деньги — прерогатива Центрального банка любого государства. Они вводятся в обращение простым росчерком пера заместителя его председателя, выдаются коммерческим банкам в форме кредитов ЦБ, а те, в свою очередь, предоставляют кредиты предприятиям.

Если Узбекистану требовалась нефть, то заместитель председателя Центрального банка Узбекистана своей подписью «впрыскивал» нужное количество миллиардов советских рублей в экономику своей страны. Рубли перетекали на счета нефтеперерабатывающих предприятий, которые закупали на них нефть в России. Нефть даром в обмен на роспись чиновника! Вы скажете — абсурд? Да, но когда 15 государств имеют единую валюту, эмитируемую их центральными банками, этот абсурд становится реальностью.

В таких условиях бывшие советские республики легко импортировали инфляцию друг другу. Кто больше вводил новых безналичных миллиардов в обращение, тот и выигрывал. Встал вопрос, как заблокировать импорт инфляции в Россию, дармовой вывоз продукции и ресурсов из нее? Замена советских рублей на территории России на национальную валюту требовала минимум полгода. Надо учесть, что Центральный банк в то время был подотчетен лишь Верховному Совету РСФСР, его политика не зависела от политики президента и правительства. А председатель ЦБ Виктор Геращенко оставался адептом распавшегося Советского Союза. Он, видимо, полагал, что независимость бывших союзных республик — явление временное.

После долгих споров для защиты экономики России от инфляционной «агрессии» предложили создать «узкое горлышко» взаиморасчетов. Сумму платежей, которые идут в Россию, скажем, из Украины, принудительно уравняли с суммой платежей из России на Украину. Лишние рубли, эмитированные в республике, становились ее «национальным инфляционным

достоянием». Бывшие республики СССР потеряли возможность экспортировать инфляцию в Россию, а мы не могли навязывать им свою.

Против такого решения выступали иностранные советники российского правительства. Очарованные планами экономической интеграции Европы на основе единой валюты, они полагали, что постсоветским республикам не следует отказываться от единого рубля, раз уж он есть. Это была их ошибка. Для использования единой валюты нужен единый Центральный банк, нужно желание новых государств поступиться этой частью своих суверенитета. В отличие от Европы на постсоветском пространстве такого желания не было ни у кого, в том числе и у суверенной России.

В июле 1993 года российский Центральный банк начал обмен советских рублей на российские, установив жесткие ограничения на сумму обмена. Накопления сверх лимита зачислялись на депозит с заниженным банковским процентом. Фактически это была очередная конфискация сбережений россиян, откровенное покушение на их частную собственность. Оно подрывало доверие к России. С политической точки зрения, акция ЦБ объективно была направлена против курса реформ, вела к падению авторитета президента Ельцина.

Прочитав в утренних газетах об этих лимитах, я вылетел в Москву из Новосибирска, где был на конференции. Хотел встретиться с Ельциным и убедить его изменить условия обмена. Гайдара в правительстве уже не было, не было никого, кто решился бы сказать Ельцину и Черномырдину, что они попались на удочку оппозиции. Приехал на совещание, проводимое по этому поводу президентом с участием председателя правительства. Убеждал, как мог. Убедил. На следующий день вышел указ № 1107, который скорректировал лимиты. Фактически они были отменены, о них люди скоро просто забыли.

Кризис неплатежей

Коней на переправе не меняют, а
ослов можно и нужно менять.

Александр Лебедь

Есть такое мудрое правило «не знаешь — не берись». По нему живут миллионы. Они предпочитают смотреть, как тонет корабль, так как не знают, как его спасать. Как в естественных науках ученые порой не знают причин и следствий тех или иных явлений, так и при проведении социально-экономических реформ зачастую неизвестно, как отреагирует общество на решения правительства. Ведь общество — явление архисложное, у него свои внутренние законы и тенденции развития, которые мы часто не понимаем. Можно укорять: если не знали, то зачем затеяли? А кто знал, как оно будет? Кто из отечественных и иностранных экспертов предсказал, что в России директора предприятий будут вести себя совсем не так, как их западные коллеги, и сообща заведут страну в кризис неплатежей?

Наполеон полагал, что «главное — ввязаться в бой, а там посмотрим». Стратегия решать проблемы опытным путем, на ощупь, рискуя ошибиться, многим не нравится. Но порой она оказывается единственной, других нет. Как нет и чудо-специалистов, которые точно знают, что нас ждет в будущем.

На 1 января 1994 года просроченная задолженность российским предприятиям за отгруженную ими потребителям продукцию достигла астрономической суммы — более 16 трлн рублей. Денежные средства, которыми располагали предприятия, покрывали лишь половину этой задолженности. Потребитель не платил поставщику за новое оборудование, тот не мог рассчитаться за комплектующие изделия, а их производители, в свою очередь, не платили за использованный металл. Все тонули в долгах. Когда не проходят платежи — нет доходов, не с чего платить налоги. Как следствие — дефицит бюджетов всех уровней. Но если в казне не хватает денег, то и органы государственной власти, вооруженные силы не могут рассчитаться с предприятиями, поставившими им свою продукцию государству. Круг замкнулся.

Не имея средств, предприятия не платили зарплату. Забастовки, голодовки, митинги протеста стали массовыми. Но народ винил не директоров предприятий, а президента и его правительство, затеявших рыночные реформы. Разрешение

кризиса неплатежей стало политической проблемой номер один.

Виновато было не только правительство, но и «красные директора» с их пониманием, как надо работать. Правительство Черномырдина, стремясь заручиться поддержкой директорского корпуса, приняло на себя невыполнимые финансовые обязательства по господдержке отраслей. Поскольку налоговых поступлений не хватало, исполнить обязательства оно могло только за счет денежной эмиссии. Это вело к высокой инфляции, грозило срывом экономики в гиперинфляцию. При высокой инфляции бессмысленны вложения в производство и совершенствование технологий. И директора направляли оборотные средства предприятий и государственные кредиты туда, где они быстро прирастали в условиях высокой инфляции — клали на депозиты в банки, переводили в доллары, вносили в уставные фонды частных акционерных обществ. Но только не рассчитывались по долгам, не платили зарплату.

Они вели себя иначе, чем их коллеги на Западе, потому что не было системы стимулов и наказаний. Над предприятиями тогда еще не висела реальная угроза банкротства. И вообще: «Берешь в долг чужие, а отдавать приходится свои!». Материальная ответственность руководителей предприятий (большей частью еще государственных) за неуплату налогов и задержку платежей поставщикам попросту отсутствовала. Если ее нет, то зачем отдавать долги добровольно? Не было и действенного контроля органов власти за расходованием предприятиями выданных им государственных кредитов.

Изучив опыт других стран, специалисты нашего Аналитического центра предложили меры, которые помогли бы разорвать цепочки неплатежей:

— выявить предприятия, которые имели валютные накопления на банковских счетах, в том числе за рубежом, и были при этом должниками, ввести практику принудительной оплаты долгов за счет этих накоплений. Сделать все счета предприятий известными и прозрачными для налоговиков (тогда разрешалось открывать любые счета в любом банке и не сообщать в налоговую инспекцию). Налагать высокие штрафы на предприятия и лично на директоров за неуплату налогов, за сознательное уклонение от уплаты налогов привлекать их к уголовной ответственности;

— выделить из общей массы те неплатежи, в которых повинно само государство, и в кратчайшие сроки погасить его задолженность, установив последовательность погашения долгов;

— Центральному банку кредитовать прежде всего конечных потребителей, что должно оживить всю цепочку производства и реализации продукции;

— продавать часть долгов с дисконтом на специальных аукционах, учредить по примеру Чехии специальный Консолидационный банк для выкупа долгов неплатежеспособных предприятий;

— во взаиморасчетах между предприятиями использовать широко распространенные в мире безотзывные аккредитивы. Суть этого способа в том, что банк замораживает на счете потребителя сумму платежа, предусмотренного договором с поставщиком. Когда поставщик предъявляет документы, подтверждающие прием — передачу продукции, средства размораживаются и переводятся на счет поставщика. Банк в такой сделке играет роль ячейки, подобной той, что используется при покупке квартир на вторичном рынке.

Наши предложения правительство Черномырдина признало дельными, но не стало реализовывать. Почему? Они шли вразрез с интересами директоров предприятий и хозяев банков.

По морям, по волнам

Партия «Демократический выбор России»

Ошибок не делают только спящие.

Ингвар Кампрад

Егор Гайдар считал, что либеральные партии «Демократический выбор России» и СПС загнулись не без «помощи» КГБ. И был прав. Чиновники с Лубянки — «новое дворянство»[8] при любом повороте истории защищают «естественное государство» — общественный строй, основанный на монопольной власти бюрократии, на взимании дани-ренты с податного населения. Воззрения сторонников народовластия, свобод и неотъемлемых прав человека противоречат их представлениям о «правильном» устройстве мира, более того — угрожают их материальному благополучию. Поэтому они пускаются во все тяжкие, а опыта спецопераций у них достаточно. Характерный пример — рейдерский захват в 2011 году партии «Правое дело».

Но и ранее в деятельности демократических организаций чувствовалась влияние спецслужб. Я участвовал в разработке устава движения «Демократическая Россия», а когда структуры Ленинградского народного фронта стали растекаться, организовывал отделение «ДемРоссии» в Петербурге, которое заняло политическую нишу ЛНФ. Движение было построено на принципах представительства, слагалось из небольших движений и партий. От каждой организации (даже самой малочисленной) один представитель входил в Совет представителей. Достаточно было уговорить трех соседей объявить себя обществом защиты граждан, обиженных советской властью, чтобы войти в центральный орган «ДемРоссии». При такой конструкции «засланные казачки» были неизбежны.

В Центральный совет представителей «ДемРоссии» по уставу входили народные депутаты России из демократических фракций Верховного Совета, поэтому на его заседаниях присутствовал и я. Собиралось человек 30, из них 6–7 провокаторов. Когда требовалось принять важное политическое решение, эти ребята всегда приводили абсурдные доводы, почему этого не стоит делать. Обсуждение отнимало много время, нормальные люди задавались вопрос: «Куда мы попали?». В «ДемРоссии» это безобразие повторялось настолько часто, что я не выдержал и сказал Гайдару, что дальше так продолжаться не может, предложил создавать нормальную партию.

Егор согласился, мы с ним составили список тех, кто мог бы войти в инициативную группу либеральной партии, выступающей за европейский путь развития страны. Гайдар предложил провести первые организационные собрания вместе с Сергеем Ковалевым. На меня легли приглашения, переговоры и организация трех встреч в Центре либерально-консервативной политики на Большой Никитской. Инициативу поддержали многие известные люди, но каждый хотел высказаться. Пришлось проводить три встречи по 30–40 участников каждая. Трижды мы озвучивали принципы организации полноценной политической партии, трижды вокруг этого разгоралась дискуссия. Постепенно сформировался костяк партии «Демократический выбор России», был образован ее оргкомитет. Большой удачей стал переход в ДВР всего аппарата движения «ДемРоссия», возглавляемого замечательной женщиной — Элеонорой Юрьевной Лукиной. Тот, кто когда-нибудь соприкасался с партийной работой, знает, что такое опытный аппарат. Самоотверженные женщины изо дня в день сидели на телефонах, работали с регионами, занимались корреспонденцией и организацией партийных мероприятий. Честь им и хвала!

На Учредительном съезде партии меня включили в федеральный избирательный список партии. Но в него не попали мои коллеги-депутаты, с которыми мы разрабатывали и проводили через Верховный Совет рыночные законопроекты. Их место заняли люди, пусть и известные, но еще не доказавшие свою способность работать законодателями. Для меня это было принципиально: работая в Верховном Совете, я на практике убедился в малой пользе для законотворчества артистов, журналистов и просто партийных функционеров. Если партия ставит своей целью внедрение в России европейских институтов, то в парламенте нужны большей частью юристы и экономисты. Я считал сформированный партийный избирательный список большой ошибкой и в знак протеста покинул Учредительный съезд ДВР. Теперь, по прошествии стольких лет, понимаю, что был не прав.

Стремясь на практике реализовать идею продвижения в парламент юристов и экономистов, мы с Андреем Нечаевым (министром экономики в правительстве реформ) осенью 1993 года учредили Ассоциацию независимых профессионалов. Тогда участвовать в выборах могли не только партии, но и общественные движения и организации. К сожалению, избиратели нас не поддержали. Ассоциация не собрала необходимого количества подписей и не была допущена к выборам в Госдуму в декабре 1993 года. Вынужден признать, что учреждение этой ассоциации было нашей ошибкой. Нельзя раскалывать

демократическое движение в условиях, когда доля либерально мыслящих граждан в России так мала.

В России регулярно терпят фиаско политические партии либерального толка — не только из-за происков спецслужб, но и из-за своего состава и структуры. В центре, как знамя, обычно стоит известный политик или бизнесмен — Гайдар, Прохоров, Хакамада. Предполагается, что одно его имя соберет под знамена партии сторонников. Партия находит спонсоров, арендует офисы, сажает секретарш и считает, что в нее хлынут сторонники. Действительно, приходят люди, но в основном озабоченные тем, как «урвать что-нибудь с барского стола», желающие использовать партию в качестве социального лифта в Госдуму или законодательное собрание региона. Они понимают, что деньги спонсоров текут из Москвы в регионы, а не наоборот. Идейных скреп у таких партий практически нет, потому что интеллигенты чураются партий, считая политику грязным делом. В этом уверено и большинство россиян. Вот и получаются партии карьеристов.

Когда в апреле 2012 года Алексей Кудрин создал Комитет гражданских инициатив и собрал пул экспертов для разработки идей и предложений, он точно уловил эту ущербность наших политических партий. Для возникновения реальной партии на идейной основе надо, чтобы в ней были и функционеры, и эксперты, которые не стремятся в политические лидеры и имеют идеи решения стоящих перед страной проблем. Из таких людей надо создавать партийные экспертные советы — в центре и регионах. Их можно формировать не только из членов партии, но и сочувствующих.

Экспертные советы, по-моему, должны быть второй ветвью партийного руководства. В них полезно создавать рабочий режим работы, подобный тому, что принят в правительстве при разработке программ, законопроектов и проектов постановлений. Партия должна финансировать такую экспертную работу. Но и партийных организаторов-функционеров нельзя оставлять в стороне. Полезно привлекать их к исследованиям и подготовке рефератов по проблемам, помогать им образовываться. Целесообразно насаждать в партиях «политпросвет», рассказывать о конкретном опыте догоняющей модернизации в Грузии, Южной Корее, Тайване и других странах. Это будет способствовать развитию политической культуры россиян, все больше людей будут не только выражать недовольство, но и иметь ответы на вопрос «что делать?»

Экономический спад

Встарь богатейшими странами были те, природа которых была наиболее обильна; ныне богатейшие страны — те, в которых человек наиболее деятелен.

Генри Томас Бокль

Осенью 1993 года все властные полномочия были фактически сосредоточены у президента. В стране продолжал экономический спад, во многом связанный со структурной перестройкой. Избежать его при сломе административно-командной системы не удалось ни одной из постсоветских стран. Раньше никого не волновало соотношение цены и качества производимой продукции — цена установлена, потребители назначены Госпланом. В новых рыночных условиях возникла иная логика: «Зачем покупать у этого смежника металл, если его продукция дорогая и некачественная? Куплю у других или за границей».

В некоторых бывших соцстранах новая элита понимала: чем быстрее удастся провести структурные реформы и обуздать инфляцию, тем скорее страна преодолеет кризис. У российской партхозноменклатуры интерес был другой — сохранить предприятия на плаву и оставить их за собой, чтобы с выгодой приватизировать. Именно поэтому в России шоковую терапию провести так и не удалось. Гайдар был вице-премьером только 9 месяцев, после его ухода жесткая политика финансовой стабилизации, как необходимое условие экономического роста и структурной перестройки, не проводилась.

С распадом СССР порвались прежние общесоюзные хозяйственные связи. Ткани делали в Иванове, а хлопок поступал из Узбекистана. Узбеки стали поставлять его на мировой рынок, где он был дороже, а ивановские фабрики не имели валюты. Похожее происходило и в других отраслях. Предприятия закрывались, люди лишались средств к существованию. Особенно тяжело приходилось жителям в моногородов, найти работу вне градообразующего предприятия было невозможно. В условиях либерализации внешней торговли и конкуренции с иностранными производителями технологически отсталые предприятия разорялись одно за другим. Сказывались низкая производительность труда, плохая организация, раздутый управленческий аппарат, высокая себестоимость продукции. И

даже если оборудование на заводе было приличным, предприятие ждало банкротство.

В странах, где власти искусственно продлевали агонию убыточных предприятий, подпитывая их дотациями за счет дополнительной эмиссии денег, отправляли рабочих в неоплачиваемые отпуска, муки переходного периода растянулись на долгие годы. В России правительство Черномырдина, натолкнувшись на яростное сопротивление «красных директоров», саботаж Верховного Совета и подчиненного ему Центрального банка, не сумело обуздать инфляцию. Она измерялась двузначными цифрами. Зато преуспевали лоббисты, печатный станок работал на полную мощность. Банки наживались на высокой инфляции. Правительство выстроило финансовую пирамиду государственных облигаций (ГКО). Такая политика, в конце концов, привела к финансовому кризису 1998 года. Только после того как рубль ослаб вчетверо и импорт стал невыгодным, в стране возобновился экономический рост, и Россия, наконец-то, начала выходить из структурного спада. На это потребовалось более 6 лет.

В сравнении с Россией Эстония, Польша и Чехия, проводившие реформы активно и жестко, преодолели такой спад за год-два. Их население тоже переживало лишения. Цены на топливо стали мировыми, а зарплата оставалась мизерной. Также рвались хозяйственные связи, заводы, работавшие на российском сырье и поставлявшие продукцию в СССР, закрывались. Власти переложили заботы о содержании и отоплении приватизированного жилья на его собственников. Началась массовая продажа больших квартир, резко вырос спрос на однокомнатные. Люди вынужденно учились экономить тепло, осваивали энергосберегающие технологии. Через несколько болезненных лет экономика перестроилась, стала развиваться с учетом реальной стоимости энергии и доходов граждан.

Эстония не имеет ни нефти, ни газа. Но ВВП на душу населения в Эстонии в 2009 году составил 12,6 тыс. долларов, а в России, при высоких ценах на нефть, — всего 6,9 тыс. долларов. В чем причина? В том, что при проведении реформы нашему правительству не хватило политической воли.

Опыт развития постсоциалистических стран показал, что в тех странах, где реформы проводились самими коммунистами или чиновниками (Россия, Узбекистан, Туркмения, Киргизия), там институты рынка формировалась медленнее. Партийная номенклатура не была готова к отказу от властных привилегий и быстро осознала, что может получить много больше, если сохранит высокий уровень государственного вмешательства в

работу предприятий и отраслей. Как следствие, в наших странах стремительно сформировались бюрократические вертикали, предназначенные для распределения и перераспределения коррупционных доходов, расхищения бюджетных средств. Наши страны зашли в тупик азиатского способа производства или «капитализма для своих». Чего не скажешь об Эстонии и Чехии, где реформу проводили антикоммунисты.

Когда экономический кризис достигает предельной остроты, конкретный состав реформаторов становится критически важен. Кто будет проводить реформы — «свои», то есть Черномырдины и Скоковы, или «чужие» — Гайдары и Ясины? Это вопрос — всегда причина жесткой политической борьбы. В России к 2000 году борьба закончилась победой «своих». Этим многое и объясняется.

Нужна ли пропаганда иного образа жизни?

Демократия не может стать выше уровня того человеческого материала, из которого составлены избиратели.

Бернард Шоу

Зачем народу нужны депутаты? Что понимает врач-депутат в уголовном праве? Разве недостаточно избранных народом президента и губернаторов? Раз люди не разбираются в кодексах и в том, правильно ли судья ведет процесс, то всеобщим голосованием судей избирать нельзя. Тогда как формировать судейский корпус? Зачем нужно разделение властей?

В Европе законы, правила, привычки, создающие конкурентный рынок и народовластие, формировались столетиями и стали традицией. Россияне же толком не знали частной собственности, тем более — на землю. Попытка укоренить ее при Столыпине натолкнулась на неприятие ее крестьянами-общинниками и закончилась захватом власти большевиками, установлением монополии госсобственности. Мы отстали от Европы по уровню цивилизации на пару сотен лет. Как преодолеть эту отсталость? Может быть, через пропаганду общественных институтов развитых стран?

С этим я пришел к и.о. премьера Егору Гайдару. Он усомнился, что рабочие и инженеры будут слушать лекции о европейских порядках, даже депутаты не захотят в них разбираться. Я настаивал, убеждал, и Егор постепенно поменял свою позицию. Мы пошли с ним к Ельцину с предложением создать на государственных телеканалах «ликбез» — цикл передач по рыночной экономике и праву. Ельцин встретил предложение в штыки: «Только министерства пропаганды нам не хватало! Не наелись этим при коммунистах? Есть свободные СМИ, это их задача, пусть они ее и решают. Командовать телевидением не позволю». Позже Гайдар в разговорах с Ельциным несколько раз возвращался к этой теме, но тот стоял на своей позиции твердо.

Мне больше импонирует позиция чешского президента Вацлава Клауса, который сам регулярно выступал по телевидению. Сказывался опыт вузовского преподавателя и талант популяризатора. Его лекции оказали огромное влияние на чешское общество, помогли людям осознать необходимость и логику реформ, перспективы страны и неизбежность тягот структурной

перестройки экономики. Конечно, Ельцин не мог читать лекции, как Клаус, но мог бы создать структуру, которая бы создавала у людей представление о порядках, образе жизни людей в развитых странах. Не захотел.

Ельцин должен был понимать, что не прошли даром 70 лет коммунистической пропаганды, что представления о правителе как о благодетеле, от которого зависит достаток, не скоро выветрятся из голов россиян. Чтобы люди осознали пользу политической и экономической конкуренции, предпринимательской инициативы, их надо в буквальном смысле лечить и учить. Нельзя было пускать этот процесс на самотек. Не дозволяем же мы своим детям выбирать чему учиться — картам или игре в козла во дворе? Гоним в школу, навязываем математику, литературу, языки. А чем отличались от неразумных детей вышедшие из социализма люди со средневековыми представлениями времен Ивана Грозного?

Заблуждение, что люди, осознав, что в США или Европе жить лучше, сами побегут перенимать их опыт, их институты. Перестанут платить ренту-дань правителям и их наместникам. История показывает беспочвенность этих иллюзий. Для человека с психологией холопа проще и приятнее объяснение, будто все его беды из-за «происках врагов», «мировой закулисы», «козней проклятого Запада». Посудите сами: в Зимбабве Роберт Мугабе правит 34 года. За это время житница Африки превратилась в голодный край, инфляция превысила 1000 %, а рейтинг президента растет. Как же, наш президент «мешает европейцам поставить Зимбабве на колени»!

Другой пример: Венесуэла в 1980-х годах была процветающей страной, а сегодня из-за популистской политики президента Уго Чавеса и его преемника Николаса Мадуро в ней повальный дефицит всего, даже туалетной бумаги. Но население свято верит, что все их беды от проклятого американского империализма. Чем это отличается от нынешней России, где авторитарная власть называет превращение страны в сырьевой придаток развитых стран и ограничение прав и свобод граждан «вставанием России с колен», а рейтинг президента от такого объяснения только растет…

Мы — нация телевизионная. Социологи подсчитали, что в среднем каждый россиянин (включая детей) проводит у телевизора по 4 часа каждый день. Если исключить малолеток, то выходит — часов 6. Смотреть в «ящик» — самое популярное занятие. Причем из 320 зарегистрированных каналов смотрят в основном 4 первых. И им верят. Телевидение стало гигантской виртуальной жизнью нашей нации. Но если вы думаете, что оно способствовало

просвещению, модернизации нашего коллективного сознания, то глубоко заблуждаетесь. Лишь четверть россиян сознает, что рыночные реформы спасли Россию от голода и гражданской войны. Примерно 40 % соглашается, что реформы были необходимы, но желательно какие-нибудь другие, помягче. А треть россиян вообще считает, что отказ от идеалов коммунизма и распад советской империи — трагедия. Люди не понимают, откуда что берется. Почему полки магазинов были пустые, а теперь ломятся от товаров. Почему в 1992 году у населения было 7,5 млн авто, а в 1914 году — уже 45,5 млн. Это результат чего?

Телевидение почти всесильно. В 1914 году агрессивная милитаристская, шовинистическая пропаганда борьбы за расширение «русского мира», возрождение образа осажденной крепости, врагов, которую только и мечтают завоевать Россию, глубоко отравила сознание большинства наших граждан. Скроенная по лекалам Геббельса, эта пропаганда оказалась весьма эффективной. Общество больно. Но, чтобы его вылечить, нужно сильное лекарство. Когда-то американцы насильно заставили все население ФРГ просмотреть фильмы об ужасах нацистских концлагерей. И это подействовало!

Я думаю, что придет время и тем, кто придет на смену «новому дворянству», придется использовать телевидение, чтобы рассказывать россиянам как важно равенство граждан перед законом. И как можно этого добиться. Как необходимо настоящее местное самоуправление и как следует контролировать избранных ими лиц. Как нужна для достойной жизни политическая конкуренция и почему нужно поддерживать партии. И зачем надо всемерно развивать конкуренцию экономическую. Ну и, конечно, рассказывать о гигантском вреде системной коррупции, о том, как ее можно и нужно преодолеть на просторах России. Кстати, доклад, подготовленный в 1997 году Ю. Батуриным, Г. Сатаровым, Е. Панфиловой и Е. Гениевой, так и назывался «Россия и коррупция: кто кого?».

* * *

Мы в Аналитическом центре не хотели мириться. Готовили карманные брошюры серии «Вопрос — ответ» и распространяли их. Первую брошюру — по экономической реформе — я написал совместно с Леонидом Лопатниковым[9] — замечательным человеком, экономистом и талантливым журналистом. Она вышла тиражом 50 тыс. экземпляров и быстро разошлась. Региональные газеты перепечатывали из нее материалы в рубрике

часто задаваемых вопросов. Были также изданы брошюры «Налоги и бюджет», «Трудовые отношения и профсоюзы», «Гражданский контроль и военная реформа», «Как приобрести собственность и как ее не потерять», «Коллективные инвестиции» и др.

Спустя некоторое время после назначения Виктора Черномырдина премьером меня вызвали к нему на срочное совещание. В повестке дня — политически обусловленный заем от Японии на приличную сумму. Японцы были готовы предоставить средства российским приватизированным предприятиям для реконструкции и развития, но требовали детальный бизнес-план по каждому проекту. О бизнес-планах ни директора предприятий, ни новый премьер ничего не знали. Я получил задание срочно популярно написать брошюру, издать, разослать и отчитаться. Мы с сотрудником Аналитического центра Екатериной Иллювиевой обложились переводами и за неделю подготовили текст. Издали. Сегодня бизнес-план может составить любой студент экономического факультета, но тогда для вчерашних функционеров административно-командной системы он был вроде инструкции инопланетянина. Такой разрыв оказался у нас в деловой культуре с Европой.

В 1995 году, уже уйдя из Администрации президента и возглавив «Фонд информационной поддержки правовой экономики», я написал популярную книжку «Что такое демократия и почему она нужна России?». Показательно, что ни один наш олигарх денег на ее издание массовым тиражом не дал. Помогло Агентство по международному развитию США. Книгу мы разослали по школам и вузам (для них бесплатно). По нынешним законам меня бы отнесли к иностранным агентам.

Гордились мы и серией плакатов-пособий о демократии, предназначенных школьникам. Сюжеты придумывали коллективно, рисовал их талантливый художник Александр Зудин. Наскребли на большой тираж и тоже разослали комплектами по школам. Мы не могли гарантировать, что плакаты не будут уничтожены учителями — сторонниками советской власти и административно-командной системы. Но определенный шанс довести до ребят такие знания был, и мы его использовали. Мы делали «что должно». А что получилось? Россия зашла в тупик «капитализма для своих». В частности, потому, что Ельцин не решился учредить министерство пропаганды иного образа жизни.

Проект указа о земельной реформе

Не важно, кто начинает игру,
важно, кто ее заканчивает.

Джон Вуден

Земельная реформа в начале 1990-х годов, едва начавшись, зашла в тупик. В декабре 1991 года указами президента было установлено, что земли и имущество бывших колхозов и совхозов должны быть разделены между их работниками. Колхозы и совхозы формально преобразовались в акционерные общества или товарищества. Каждому члену такого сельхозпредприятия приписали земельные и имущественные доли. Но эти доли были виртуальными, в натуре раздел угодий и техники, как правило, не проводили. Никто не мог сказать: «Этот участок мой, а этот твой». Не было определено, что этот коровник приходится на пятерых, а этот свинарник на других десятерых дольщиков. Доли были лишь формально упомянуты в протоколах общих собраний коллективов. Что это значило для бывшего колхозника, ныне члена товарищества? Ничего.

Сельхозпредприятия быстро умирали, потому что производительность труда и урожайность в них были низкими. А главное — селяне по-прежнему не чувствовали себя хозяевами, совладельцами бизнеса, оставались наемными работниками, которым к тому же месяцами не платили зарплату. Ушли в прошлое времена, когда за каждый килограмм живого веса скота выплачивались дотации. Зато открылся мировой рынок, и потекли в страну мясо и молоко по низким ценам. Наши сельхозпредприятия выдержать конкуренции не могли.

Иного ожидать не приходилось. Вчерашние колхозники готовы были усердствовать только на собственном дворе. Во время октябрьских событий 1993 года одна моя знакомая работала над рукописью в деревне у родителей, в Псковской области. Расположившись на опушке, она включила радиоприемник и слушала сообщения о происходящем в Москве. Трактористы, боронившие поле, время от времени подбегали и спрашивали: «Ну как там — Ельцина скинули?». Она поразилась: «Чем он вам насолил? — Он хочет нам землю в собственность всучить, чтоб мы с утра до вечера вкалывали. На черта нам это надо!». Таким было отношение к земле у крестьян, оставшихся в ходе советской негативной селекции в деревне. Настоящих хозяев большевики истребили.

В некоторых колхозах председателей меняли ежегодно. Очередной вступал в должность, заключал выгодные лично ему договоры, продавал кое-что «налево», одним словом быстро обогащался. Но в деревне ничего не скроешь, все видно. Через год его отправляли в отставку, выбирали нового. А он шел по дороге предшественника. И все равно колхозники продолжали держаться за колхоз, не требовали выдела себе земли для ведения фермерского хозяйства, не рисковали пускаться в самостоятельное плавание. Не верили в себя, не думали, что смогут добиться успеха.

Провести коллективизацию просто. Можно отобрать у крестьян землю и объединить участки в общий земельный фонд, загнать людей работать в колхоз силой, упрямых сослать в Сибирь, протестующих — расстрелять. А провести реальную деколлективизацию земли неизмеримо сложнее. Трудно сделать из колхозников фермеров, когда потеряны все навыки самостоятельного хозяйствования. Большинству крестьян это уже и не нужно. Трудиться от зари до зари, переживать за урожай, кормить скот? Проще остаться наемным работником, по сути, батраком в колхозе. «Что-то заплатят, остальное украдем».

Оппозиция в лице коммунистов и аграриев не оставляла попыток выхолостить земельную реформу, сохранить в неизменном виде структуру собственности бывших колхозов и совхозов. Депутаты — аграрии и коммунисты — давили на президента и правительство, требуя узаконить «добровольную» передачу земельных долей в собственность товариществ и акционерных обществ, откуда вернуть свой пай уже было нельзя. Предлагалось также узаконить передачу земельных долей в общую совместную собственность, то есть фактически сформировать общинную собственность на землю, которая существовала до 1917 года. Интерес у аграрной номенклатуры был простой: не мытьем, так катанием перевести землю и активы колхозов в собственность директоров.

Так как Минсельхоз не предлагал ничего разумного по выводу сельского хозяйства из тупика, глава Администрации президента Сергей Филатов поручил Аналитическому центру проработать различные варианты и подготовить проект указа по земельной реформе. На служебной «Волге» я объехал районы Курской, Тверской, Тульской и Рязанской областей, чтобы получить информацию от тех, кто непосредственно работал на земле. Встречался с главными агрономами, зоотехниками, рабочими, минуя «испорченный телефон» Минсельхоза. Я искал людей, которые понимали, в чем сегодня реальная ценность активов хозяйства и при каких условиях удастся получать

прибыль, как можно реформировать хозяйство.

Почти в каждом колхозе удавалось найти 2–3 человека, способных создать товарное фермерское хозяйство. Такие люди были центрами притяжения, народ «кучковался» вокруг них. Опираясь на них, можно было разделить колхоз на несколько небольших коллективов, у которых был бы признанный лидер — потенциальный фермер. Нужен был алгоритм, по которому земли и прочие активы постепенно концентрировались бы в руках эффективных собственников. А прочие дольщики тоже чувствовали бы себя хозяевами и, выйдя из бизнеса, продав свои доли, не считали бы себя обиженными.

В проекте указа президента по земельной реформе мы предложили разделить каждое сельхозпредприятие на части через продажу его земли и имущества на аукционе, в котором могли участвовать только его дольщики. В процессе торгов они объединялись бы в группы. Такой аукцион позволял справедливо оценить землю при разделе ее в натуре. Ведь участки земли сильно разнятся и по плодородию, и по доступности. Формальная кадастровая оценка многое не учитывает. Та группа, которой нужен данный участок, предложит за него больше виртуальных земельных долей. Кстати, опыт проведения подобных аукционов уже был в Нижегородской области, где они проводились по инициативе ее губернатора Бориса Немцова.

Но что будет происходить в группе дольщиков, выкупивших на аукционе конкретные объекты и участки земли? Как будут строиться их взаимоотношения? Как активы сконцентрируются у эффективных собственников? Нам показался интересным опыт США. Там в конце года семья фермера подводит баланс: какие активы (земля, техника, здания) ей принадлежат, сколько денег за год потратили, сколько выручили, какой общий доход на семью получили, сколько приходится на каждого. Если кто-то из членов семьи переезжает в город, то оставшиеся из своих долей дохода постепенно возмещают ему его долю в имуществе фермы. Таким образом, активы хозяйства переходят в собственность тех членов семьи, что продолжают заниматься сельским хозяйством. Родители вправе завещать принадлежащие им доли в имуществе фермы по своему усмотрению.

Проект указа требовалось согласовывать с профильными министерствами. Министр сельского хозяйства Геннадий Кулик, защищавший интересы сельской партноменклатуры, получив наш проект, приказал разослать его по всем бывшим колхозам и парторганизациям КПРФ. И началась буча. Ельцина завалили телеграммами протеста. После принятия новой Конституции он, следуя политической логике, заботился «об успокоении общества,

восстановлении гражданского мира и общественного согласия». Ведь на выборах в Госдуму 1993 года победили коммунисты и жириновцы. Президент считал, что борьбу с политическими противниками «на уничтожение» пора заканчивать, следует унять политические страсти и наладить отношения с коммунистами и аграриями. А получалось, что сотрудники его же Администрации подкладывают под желанное перемирие бомбу. Его это не устроило. И я по собственному желанию ушел из Администрации президента. Это было в 1994 году.

Мораль проста: все надо делать вовремя. Окно возможностей может неожиданно захлопнуться. Настоящую деколлективизацию следовало проводить сразу, еще в 1992 году.

Сможем ли мы самоуправляться?

В России власть не избирают, ее передают, при этом создавая вид выборности.

Алексей Лысин

Мы привыкли к пирамиде исполнительной власти, где главное — безропотное подчинение. Как говорится, ты — начальник, я — дурак… Губернатор у нас много выше и важнее главы района или сельского поселения. Поэтому россиянам странно, что американцы считают главной местную власть. Избранный ими мэр или шериф для них важнее членов Конгресса и президента страны. И понятно почему — их деятельность на жизни людей сказывается меньше. И у шведов местное самоуправление сопоставимо по своему влиянию с государством.

А мы страна предельно разобщенная, атомизированная. По данным социологов 95 % россиян не хотят быть в ответе за происходящее в стране. Главная проблема местного самоуправления в России — наш холопский менталитет. Мы не хотим быть хозяевами не только своих городов и сел, но даже садоводств и многоквартирных домов. В ТСЖ для нас главное — найти кого-то, кто будет председательствовать. А наладить жесткий контроль финансов — увольте! Да и ТСЖ многие не хотят учреждать. По большому счету, нашим согражданам безразлично, кто — государственные чиновники или выборная местная власть — обеспечит им крышу над головой, порядок на улицах и колбасу в магазинах. Мы не хотим понимать, что назначенный «сверху» чиновник или, напротив, избранный «снизу» в корне различаются по своей мотивации и поведению.

Почему в Хельсинки расходы на жилье, отопление и техническое обслуживание домов ниже, чем в Петербурге? Почему там городских чиновников меньше, а порядка больше? Почему деньги городского бюджета не «пилят»? Потому что финны организацию местного хозяйства считают своим кровным делом, налоги для них — складчина. А раз складчина, то надо знать, на что они пошли. Любой желающий может получить информацию о том, сколько потрачено на новую больницу, сколько стоили кровати, простыни или умывальники. И даже если не все горожане будут копаться в смете, то всегда найдутся активисты и журналисты, которые это сделают и предадут огласке несуразности. Хорошо бы нам наконец-то понять, что

развитые страны потому и развитые, что там граждане, лично участвуя в общественных делах, считают деньги не только в своем, но и в общем кармане.

А у нас со времен князей-варягов и татаро-монгольских ханов налоги воспринимаются как дань. Не наше дело, на что их хан (чиновник) тратит. Жителей не интересует городской бюджет и его исполнение. Впрочем, надо признать, что не каждый должен об этом печься. Идея самоуправления и состоит в том, что, во-первых, информация органов власти доступна всем гражданам, а во-вторых, люди избирают своих представителей-депутатов, обязанных оценивать работу чиновников по затратам и результатам. В-третьих, и это главное, граждане вправе на честных выборах решать, стоит ли им переизбирать пассивного депутата или проштрафившегося мэра. И такая система работает!

В США в каждом квартале жители создают комитеты, которые на добровольных началах отслеживают, как голосует их конгрессмен, какие поправки в законопроекты вносит, как исполняются бюджет города. В 1994 году я присутствовал на слушаниях по поводу строительства гостиничного комплекса в американском Портленде. Зал был полон. Представители профсоюза строителей, гильдии архитекторов, транспортников, активисты политических партий и местные жители хотели разобраться, не ущемит ли их интересы строительство нового жилого комплекса при въезде в город. Вел слушания чиновник с функциями судьи. Все знали: если муниципальные власти не учтут существенные замечания участников слушаний, то их решения будут оспорены в суде.

В 1990-е годы мы начали внедрять подобные слушания в России. Так, в 1992 году депутаты Ленсовета приняли первое в стране положение о бюджетном процессе, которое делало бюджет Санкт-Петербурга прозрачным. Худо-бедно, но горожане осваивали такое нововведение, как бюджетные слушания. В 1998–2003-х годах они уже проводились по всему северо-западу и оказывали влияние на то, какие суммы и на какие цели будут записаны в проекте бюджета. Но постепенно исполнительная власть и послушные законодательные собрания профанировали участие граждан и их объединений в принятии бюджета города и решении других важнейших проблем. Объявления о слушаниях в газетах часто публикуются, как того требует закон, но сами они проводятся сугубо формально или вовсе не проводятся.

Можно долго сетовать на пассивность людей на бюджетных и иных слушаниях, но пока не будут изменены наша сверхцентрализованная бюджетная и налоговая системы, пока не будет должных стимулов к развитию федерализма и местного

самоуправления, все эти призывы — мертвому припарка. Действительно, сегодня федерация в России сохранилась лишь в официальном названии государства. При реальном федерализме регионы имеют средства и полномочия для решения своих проблем и на равных договариваются с центром, а не «берут под козырек» и не выпрашивают субсидии. Если в стране нет четких правил по разделению поступлений от налогов в федеральный, региональные и местные бюджеты, то господствует «ручное управление», а точнее — произвол.

Мировой опыт показывает, что экономическое неравенство регионов и местных сообществ не удается выровнять подачками центра. Отстающие в развитии субъекты быстро проедают дотации и продолжат стоять с протянутой рукой. Нужны жесткие бюджетные ограничения и стимулы. Если власти не способны создать условия для развития бизнеса в данном регионе и обеспечить приличный уровень жизни, то его население живет в нищете или пусть переизбирает плохую власть.

Пока же центральное российское правительство перераспределяет по стране нефтяные доходы. Кому-то на хлеб не хватает, а кому-то дом в Англии не обременителен. Зато в стране — политическая стабильность. Ресурсы для такой тупиковой стабильности у нас еще есть. Некоторые страны так живут десятилетиями. Но когда цены на нефть падают, такая стабильность сливается в Лету. А это предвестие смуты. Можно ли ее избежать? Можно, если уже сейчас передать полномочия и ресурсы на уровень регионов и местных сообществ, оставив за центром только оборону и внешнюю политику. Можно, если в представлении широких масс произойдет, наконец, революция в отношении к власти. Когда придет понимание того, что это не Богом данная, не силой захваченная власть, а нами избранная, нам подотчетная, нами контролируемая и нами меняемая команда депутатов и служащих нам чиновников!

Россия слишком большая страна, чтобы ей эффективно управлять в ручном режиме посредством бюрократической вертикали. Переход к государству, где органы власти контролируются снизу, неизбежен, как бы этому ни противилась нынешняя политическая элита. Конечно, при этом возникнут специфические проблемы, будут и удельные княжества, и засилье популистов. Любые реформы таят угрозы, но честные выборы — хороший учитель. Люди быстро устают от популистов, во власть приходят ответственные лица. Особенно если их работу реально контролируют население и местные парламенты. Такова историческая тенденция. Стоит ли ей сопротивляться?

С бюджетами органов местного самоуправления ситуация

еще хуже, чем с бюджетами регионов. На реализацию местных проектов у них есть три источника: местные налоги, дотации из бюджетов более высоких уровней и банковские кредиты. Нигде в мире муниципалы своими собственными средствами не обеспечены, везде их дотируют. Чем больше удается собрать местных налогов, тем самостоятельнее местное самоуправление. В развитых странах местные налоги обеспечивают около 40 % потребностей муниципалитета, остальное — за счет государственных дотаций и кредитов. А в России — 4 и 96 %, соответственно. О какой самостоятельности местного самоуправления может идти речь?

Нужно менять пропорции налогообложения и бюджетной системы, а также наши порядки. При этом не изобретать велосипед, а копировать полезные институты развитых стран, переводить их законы на русский язык и изучать, как и стимулы к применению этих законов на практике, в том числе в работе органов местного самоуправления. Взять хотя бы полицию. В Грузии при реформировании полиции в основу положили американское законодательство и правоприменение, добились, чтобы закон работал. Сегодня грузинской полиции доверяет 86 % населения — больше, чем в Европе.

В начале 1990-х годов российские реформаторы понимали, что возрождение в России местного самоуправления — залог развития демократии. Был шанс устранить историческую несправедливость. Ведь в России, как в Европе, в средневековых городах были народные вече. Наибольшего расцвета самоуправление достигло в Великом Новгороде и Пскове, где жители избирали должностных лиц, а основные вопросы жизни решало вече. Иван Грозный, стремясь к абсолютной власти, утопил Великий Новгород в крови, ликвидировал его самоуправление. В России на века утвердилось самодержавие — и в жизни, и в архаичной народной культуре.

В Конституции 1993 года записали, что органы местного самоуправления не есть органы государства, они обеспечивают самостоятельное решение населением местных вопросов, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Органы МСУ формируют и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, охраняют общественный порядок. Всё, как в Швеции.

В 1998 году Россия ратифицировала Европейскую хартию «О местном самоуправлении», принятую Советом Европы в 1985 году. Эта хартия является международным договором и имеет приоритет над внутренними российскими законами. Она декларирует самостоятельность органов МСУ в реализации

собственных инициатив по любому вопросу, который не исключен из их компетенции и не отнесен к компетенции другого органа власти. Любой административный контроль над органами МСУ возможен только в формах и случаях, предусмотренных Конституцией или законом, и только для обеспечения законности и конституционных принципов.

В 2003 году Госдума приняла Закон об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, в котором есть и положительные, и отрицательные моменты, но на практике реализовалась только идеология огосударствления органов МСУ. Сегодня городские бюджеты — преимущественно бюджеты «исполнения государственных полномочий». Местные власти отвечают и за гражданскую оборону, и за защиту населения в чрезвычайных ситуациях, и за профилактику терроризма… Количество переданных федеральных полномочий растет, а доля субсидий на эти цели в местных бюджетах сокращается.

Тезис «мэр (депутат) — слуга народа» воспринимается россиянами с сарказмом. Это не соответствует нашему личному опыту. Для нас глава местного сообщества и даже председатель ТСЖ или дачного товарищества — всегда начальник. Его статус сильно отличается от статуса человека, которого мы наняли для определенной работы. Работника мы вправе выгнать, если он плохо работает или замечен в воровстве. Он, правда, может подать на нас в суд, но если основания для разрыва договора нами правильно зафиксированы, то шансы выиграть у него минимальны. Напротив, избранный глава, депутат, председатель ТСЖ (должностное лицо) ощущает себя капитаном корабля или, как минимум, старшим помощником капитана. Мы для него бесправные матросы. Должностное лицо верит, что он хозяин положения на весь срок своих полномочий и что ему ничего не угрожает. На следующих выборах можно подтасовать бюллетени или использовать свой административный ресурс.

Должностные лица всячески блокируют контроль над закупками, даже если право граждан на доступ к информации гарантировано законом. Будете угрожать судом — ответят: «Судитесь, посмотрим, сколько вы потратите на адвоката, а судье мы, в крайнем случае, посоветуем». В любых ситуациях, где должностное лицо может тормознуть реализацию интересов граждан, это делается с целью получить откат или иной выигрыш (например заставить построить водопровод для «своих»).

* * *

Есть разительное отличие в понимании налогов у европейцев и россиян. Для шведов или финнов — это деньги, собираемые в складчину на общие цели и интересы, говоря по фене — общак. А для россиян налоги — дань ненавистному государству. Совсем как дань хану в средние века. Мы воспринимаем государство как завоевателей, а себя как побежденных. Чиновники — конвой, мы — лагерники.

Если казна, бюджет — складчина, то уклоняющийся от взносов — лицо осуждаемое. А если налог — дань, то сумевший ее избежать — молодец. И нам неинтересно, что делают власти с собранными с нас налогами: «Заплати и спи спокойно!». Вы видели где-нибудь в России демонстрации протеста по фактам «распила» бюджетных средств? Я — нет.

Россияне, как правило, воспринимают любые услуги, оплачиваемые из бюджета (обучение в школах или помощь врача) как бесплатные. Мысль, что казна государства наполняется нашими налогами, с трудом укладывается в головах. Сосед по купе твердил: «Здравоохранение должно быть бесплатным». Отвечаю: «Врачам надо платить, больницы содержать. Вы уверены, что собранные налоги, пока они дойдут до врачей, не будут распилены чиновниками? — Не уверен, но я против оплаты напрямую, все равно налоги с меня возьмут, а за визит к врачу еще придется платить». Об эффективной системе медицинского страхования, как в Швейцарии, он даже не мечтал.

Мы не прочь платить меньше за коммунальные услуги. Но у нас нет никакого желания участвовать в собраниях ТСЖ или садоводства, тем более разбираться в их финансовых документах. Мы считаем, что председатель по определению — жулик и наживается на нас. На чем зиждется такая уверенность? На сознании, что если бы мы были на его месте, то тоже запустили бы руку в общий карман. Наладить систему контроля не хотим или не умеем. Мы вообще не склонны к самоорганизации, к народоправству, нам подавай вождя, которому мы будем слепо верить, а контролировать его — не в наших традициях. Мы плохо представляем себе, что такое разделение властей и как ветви власти могут ограничивать аппетиты друг друга. Для основной массы населения армейское единоначалие, военно-бюрократическая вертикаль — привычная и единственно приемлемая система власти.

* * *

Какими нормами закона, опираясь на какую гражданскую

активность, можно превратить господ-чиновников в слуг народа? Просто честных выборов, политической конкуренции и свободы СМИ, даже когда этого удастся добиться, — недостаточно. Помешает пассивность, холопство, индивидуализм, культура вождизма и рентоориентированное наше бытие. Конечно, во многих случаях ключевым моментом является независимый и справедливый суд, которого, увы, в России нет. Но это не значит, что не следует рассматривать проблему местной власти под углом зрения «кто кому служит и как это изменить».

Как преодолеть пассивность россиян? Можно ли принуждать людей жить по-человечески? Наверное, можно. Мы же принуждаем вора не воровать, а прохожих не мусорить. А разве нежелание обустраивать свой город, избирать для этого достойных представителей не есть особого вида правонарушение? Ведь не случайно в Бразилии и Австралии штрафуют за неучастие в выборах. А если пойти дальше и оставлять жителей дома без лифта, если не удается собрать их на общее собрание ТСЖ, чтобы заслушать отчет правления и принять смету на будущий год? Ведь в смете прописаны все расходы, в том числе на лифт. И если смета не утверждена, то нельзя расходовать деньги — поднимайтесь пешком. А если председатель ТСЖ без сметы включит лифт, ему лично — огромный штраф. Оставшись без лифта, жители дома быстро вспомнят о своем долге. Получается, что для наведения порядка, прекращения разворовывания общественных средств и пробуждения ответственности граждан уместно поступать, как в США: нет утвержденного бюджета любого уровня — нет финансирования, не выплачивается зарплата бюджетникам, не работают общественные службы и т. п.

Разумеется, главный институт — честные конкурентные выборы, в которых предусмотрен заявительный порядок регистрации кандидатов без какого-либо «фильтра», то есть на основе заверенного нотариусом списка подписей или внесенного кандидатом залога. Нужен эффективный судебный контроль над законностью выборов, разделение властей даже на местном уровне и все известные формы парламентского контроля. Эти институты знают все, другое дело, что у нас они отсутствуют.

Но есть и иные способы превращения господ в слуг, особенно эффективные в период между выборами. Необходимо принять законы, которые реально гарантировали бы доступ граждан к документам органов власти. На эту тему есть прекрасная монография Ольги Афанасьевой[10]. Есть и пример Эстонии, где любой гражданин за 2 евро получает в интернете полный финансовый отчет любого юридического лица! Причем эти отчеты сдаются в налоговую инспекцию только в электронном

виде, умная программа не принимает те, в которых цифры не сходятся. Открыты расходы всех органов власти. Попробуйте, скройте в этих условиях откаты. А какой открывается простор для журналистов и адвокатов, защищающих общественные интересы!

Другой институт — информанты, отыскивающие случаи нарушения законов и воровства чиновников и бизнесменов и получающие за свои находки премии. В США информанты сообщают органам власти о нарушениях не столько из-за стимулов (вознаграждение составляет 10–30 % наложенного по итогам расследования штрафа), сколько исходя из понимания справедливости честной конкуренции между людьми. Дети со школьных лет не дают списывать, об использовании шпаргалок сообщают учителю. «Списывать нехорошо, это обман, а обман должен быть наказан». Все американское общество построено на конкуренции, в которой выигрывает лучший. «Если я не буду сообщать о списывающем товарище, то он обойдет меня по набранным баллам, попадет в университет, займет не принадлежащее ему место в социальной иерархии» — от этого будет страдать дело, государство, общество, а стало быть, и отдельные граждане.

Поэтому любой нарушающий законы и правила воспринимается как покушающийся на устои, сообщить о нем избранным народом властям — дело высокоморальное. В целом страна имеет гораздо более высокую нравственность, чем имел СССР, да и нынешняя Россия. В России каждый в отдельности выступает против доносов, но общество в целом аморально[11].

Есть еще один способ, о котором я уже писал, — групповые (массовые) иски[12] в защиту неопределенного круга лиц или общественных интересов. Он прочно утвердился во многих странах, прежде всего в странах с английской правовой традицией, а также в Китае и Бразилии. Такие иски хорошо работают в случаях, когда права и интересы граждан нарушены, а обращаться в суд экономически невыгодно. Если житель многоквартирного дома столкнется с жульничеством управляющей компании, он вправе самостоятельно, без общего собрания, подать иск в защиту всех жильцов дома. В случае выигрыша в Канаде он получит немалый бонус — 8 % от установленного общего ущерба.

Во всех перечисленных способах утверждения на нашей земле верховенства права предлагается опора на неравнодушных людей, которых полезно материально вознаграждать за защиту общественных интересов. Может быть, пассивные соседи позавидуют и последуют их примеру? И, как знать, может, постепенно и россиянам удастся перейти от подданнической

холопской культуры к культуре гражданского участия?

«Гражданская инициатива»

Упадок общества начинается, когда человек спрашивает себя: что будет? И не спрашивает себя: что я могу сделать?

Дени де Ружемон

В 1996 году на выборах президента России три кандидата имели реальные шансы на успех: Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский и Борис Ельцин. Экономический спад, неизбежный при структурной перестройке экономики, усиленный непоследовательной политикой правительства Черномырдина, вызвал в обществе рост протестных настроений. Рейтинг Ельцина стремительно падал.

Ельцина тех лет нельзя было сравнить с Ельциным начала 1990-х. Хотя в его руках оставались огромные рычаги влияния на происходящее в стране, он не спешил использовать их для противодействия становлению бюрократического капитализма «для своих». Бандиты облагали данью бизнесменов, а бизнесмены, в свою очередь, искали «крыши» у бандитов. И те и ругие крепили связи с чиновниками, в том числе и с чиновниками в погонах.

Но главное, в те годы укреплялся системообразующий стержень нового российского государства — сбор дани с податного населения. Эта дань уже тогда взималась через распил бюджетных средств, через госзаказы «своим» фирмам и откаты за такие госзаказы. Рядовые граждане ее не ощущали, они лишь платили налоги. Но дань собиралась и через банальные взятки гаишникам, таможенникам, санитарным и пожарным инспекторам и др. Подчиненные делились собранным со своими руководителями, те со своим начальством, и так — по всей бюрократической вертикали. Это было везде — и в Москве, и в Питере, и в Казани. Такова была культура нашего народа, а противостоять ей Ельцин не мог или не захотел. Сотрудники Администрации президента, которые проявляли неприятие такого направления развития страны, из нее постепенно выдавливались.

И все же самая большая вина Ельцина — в развязывании чеченской войны. Многие считают, что это удушило молодую российскую демократию. Ведь когда вместо переговоров и поиска компромисса используются танки и БТР, когда гибнут друзья и сыновья, в людях просыпаются звериные инстинкты. Тогда все

оппоненты власти становятся национал-предателями, а государство — полицейским.

Как Ельцин втянул страну в эту войну? Стремясь укрепить свои политические позиции в борьбе с Горбачевым, Ельцин еще 6 августа 1990 года сказал региональным лидерам: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». 1 ноября 1991 года Джохар Дудаев, избранный президентом Чечни, подписал указ «О государственном суверенитете Чечни». Так спустя много лет отозвался приказ Сталина о насильственной депортации чеченского народа в пустыни Средней Азии. Части российской регулярной армии добровольно, без эксцессов, покинули территорию Чечни. Создав собственные вооруженные силы и снабдив их «трофейным» оружием, президент и правительство Чечни настаивали на выходе республики из состава РФ.

Не имея обустроенной границы с Россией, Чечня стала прибежищем фальшивомонетчиков, гангстеров, мошенников. Чеченцы останавливали и грабили поезда, идущие в Дагестан. Ситуация накалялась. Ельцину «слили» расшифровку телефонных переговоров Джохара Дудаева, где тот неуважительно о нем отзывался. Это вызвало у президента гнев, на переговоры он не пошел и поддался уверениям министра обороны Павла Грачева, что усмирить Чечню силой легко и просто. Он взял курс на военное решение конфликта, на удержание Чечни в составе России силой оружия. В декабре 1993 года в противовес Дудаеву был создан марионеточный Временный совет Чеченской республики во главе с Умаром Автурхановым — главой администрации Надтеречнего района Чечни. У этого ВСЧР чудесным образом появилась бронетехника.

В 1993 году мне довелось с рядом коллег выступать на президентском совете против военного решения чеченского конфликта. Но президент Ельцин остался к нашим доводам глух.

26 ноября автурхановцы начали штурм Грозного. Им помогали «добровольцы» из Таманской и Кантемировской дивизий, которые ушли со своим оружием «во внеочередные отпуска». В город было введено 150 единиц бронетехники. Но штурм захлебнулся. Официально участие кадровых военных в боях Кремль категорически опровергал. Потом был новогодний штурм Грозного. Генералы подставили солдат под кинжальный огонь чеченских боевиков, танки горели на улицах Грозного. Были ковровые бомбардировки селений, теракты по все России. Война закончилась мирным соглашением, подписанным генералом Александром Лебедем, — по сути, капитуляцией.

В 1996 году демократы оказались перед тяжелым выбором. Ельцин себя Чечней замарал. Но не Жириновскому же отдавать

власть, который на излете советской власти был призван КГБ исключительно для того, чтобы дезинформировать избирателей? Какой он либерал или демократ? Однако эксцентричный политик нравился обывателям, не сознающим связи между политикой властей и собственной жизнью. Народное признание — «с ним не скучно».

Зюганов тянул страну назад, в социализм. В 1996 году КПРФ занимала политическую нишу умеренных левых, играла роль своеобразного буфера между правительством и левыми радикалами, вроде Виктора Ампилова. Реально лидеры КПРФ власти не жаждали. Зюганову не нравилась перспектива отвечать «за всё» в стране, люди бедствуют, масса трудноразрешимых проблем, нет денег на здравоохранение и образование, сохраняются неплатежи и задержки зарплаты. Но выставить свою кандидатуру на выборах президента он был обязан. Не сделай он этого, ему бы рядовые члены КПРФ не простили. Что было бы, если бы он действительно стал президентом? Нельзя было исключить, что страна вернулась бы к самоедской административно-командной системе, а те, кто проводил рыночные реформы, пошли бы под суд с заранее известным приговором.

Мы предложили гражданам проявить инициативу. Обозначили ее суть — не допустить к власти Зюганова и Жириновского. Призывать голосовать за Ельцина после чеченской войны у нас руки не поднимались, а бороться против Зюганова и Жириновского мы были готовы. Но как? Оплотом консервативных сил в России всегда была провинция. В крупных городах больше людей продвинутых, думающих, инициативных. А в малых — холопская психология, голосуют, как начальство скажет. Прежние советские порядки людям были привычны и тем предпочтительнее. Как говорят китайцы, «Не дай вам бог жить в эпоху перемен». Провинция перемен не хотела.

Мы с моим другом Евгением Сафроновым, бывшим депутатом Ленсовета, организовали выезды групп демократически настроенных интеллигентов из областных центров в районные. И назвали свое начинание «Гражданской инициативой». Но как дойти до провинциалов? На митинг их не соберешь. Решили проводить «социологические опросы» — не настоящие, а пропагандистские, когда сами вопросы анкеты подводили к выводу о необходимости рынка и соблюдения демократических прав и свобод. Мы рассчитывали, что такие «опросы» сформируют соответствующее отношение к кандидатам.

В регионах организовали комитеты «Гражданской инициативы», куда обращались люди, готовые участвовать в

наших акциях. Сторонников рыночных реформ в стране было много. Жить стало труднее, но люди верили, что Россия, в конце концов, станет нормальной европейской страной. Своей «Гражданской инициативой» нам удалось охватить больше половины регионов России. Активисты специальными автобусами приезжали в районные городки. Они обходили дома, рынки, кафе и столовые и проводили наши «опросы». В беседах старались очистить лозунги Зюганова и Жириновского от популистской шелухи, показывали, за что на самом деле они выступают, какие перспективы всех нас ждут. Эффект от компании был виден невооруженным глазом. Позже коммунисты, обсуждая итоги избирательной кампании 1996 года, признали, что по действенности пропаганды наша «Гражданская инициатива» была второй после телевизионных выступлений противников Зюганова.

Выезды в районные центры тысяч активистов требовали средств. Собирали их с миру по нитке. Давали предприниматели, простые граждане — кто сколько мог. На собранные деньги арендовали автобусы, покупали питание. А сами участники рейдов работали «за идею». Никакой помощи от региональных и местных властей мы не получали. Зато против нас работали активно. Так, в Подольске бритоголовые сторонники Жириновского окружили наши автобусы кольцом и не выпускали наших агитаторов. Милиция стояла в стороне, не вмешивалась — «мэр запретил». Активисты проявили хитрость и прорвались, хотя синяки и ссадины остались. Тогда я еще раз убедился, что добро должно быть с кулаками.

Ельцин на выборах 1996 года победил усилиями всех, кто был против реставрации советских порядков. Результаты голосования соответствовали данным экзит-полов. Честность выборов не удивляла, ведь многие губернаторы были политическими противниками президента. Да и коммунистическая оппозиция в то время была влиятельной силой, могла противостоять манипуляциям с протоколами. Подтасовки были редкостью, гонка за президентское кресло в целом прошла по закону.

Победа Ельцина дала России шанс войти в число европейских стран, где господствует конкуренция в экономике и политике, где закон выше указаний начальства. Но нужны были радикальная административная реформа, жесткие меры против смычки власти и собственности, бескомпромиссная борьба с коррупцией и обогащением чиновников. Тогда уже были положительные примеры Польши, Чехии, Эстонии. Но Ельцин не использовал победу, как того требовали интересы страны. Опасаясь импичмента со стороны оппозиционного большинства в Госдуме,

зависия от узкого круга приближенных олигархов (журналисты назвали этот круг «семьей» — по аналогии с итальянской мафией), президент не решился на проведение назревших реформ. Шанс был упущен.

Между тем в регионах уже сформировались традиционные для России вертикали власти, чиновники подчинили местные парламенты и оседлали финансовые потоки, прибирали к рукам выгодный бизнес. Именно в эти годы в России сформировался «капитализм для своих», российская экономика приобретала характерные черты азиатского способа производства, где власть и собственность слиты воедино. Повлиять на эти процессы демократы уже не могли.

Справочник «Социально-экономические проблемы России»

На основе прошлого познаем будущее, на основе ясного познаем скрытое.

Мо Цзы

Как сегодня в России разрабатываются законопроекты? Группа юристов и чиновников по заданию премьера или президента пишет текст. Он проходит согласование на разных этажах бюрократической вертикали и вносится президентом в Госдуму. Ни члены правительства, ни президент этот проект толком не разбирают — что чиновники предложили, то в Думу и идет. А если авторы допустили ошибки?

В демократических странах недочеты законопроектов выявляют в ходе широкого обсуждения в СМИ и на парламентских слушаниях с участием представителей заинтересованных организаций. Например, если проект касается регулирования строительной отрасли, то в слушаниях обязательно участвуют представители строительных фирм и ассоциаций, союзов архитекторов, обществ защиты прав потребителей, экологов. Стараются учесть мнения тех, кто будет по этому закону жить и работать. Подобные примеры есть и в нашей недавней истории. Стратегия пенсионной реформы широко обсуждалась с 1998 по 2002 год, что, правда, не помешало похоронить ее в 2013–2014 годах без широкого обсуждения.

Обычно после парламентских слушаний наступает черед собственно парламентских дебатов по законопроекту в трех чтениях. Если партийные фракции не настаивают на солидарном голосовании по законопроекту, то доводы выступающих могут повлиять на результат. Так было в Верховном Совете в начале 1990-х годов. Ничего подобного сегодня в Госдуме нет, законы нередко принимаются без обсуждения в нескольких чтениях сразу. Принтер и есть принтер. Потом выясняется, что одна статья закона противоречит другой, а третья вообще не работает, потому что заблокирована четвертой. Депутаты срочно вносят поправки, которые опять же принимаются без должного обсуждения. В итоге качество российских законов крайне низкое, они допускают множество толкований и зачастую просто не пригодны к применению. Иногда даже с помощью суда людям не удается разрубить узел юридических противоречий. По числу

вносимых поправок в действующее законодательство Россия находится на одном из первых мест в мире. На позорном месте.

Как-то секретарь посольства Японии жаловался: «Мы завалены просьбами японских бизнесменов разъяснить, что делать, если один российский закон противоречит другому, а оба они не стыкуются с третьим». Интересно, что у российских предпринимателей подобных вопросов обычно не возникает. Они знают, что применение закона важнее его текста. Надо только знать, кому дать откат, чтобы на противоречивость законов не обращали внимания. В России живут не по законам, а по указаниям начальства. Такие порядки лишают долговременные и дорогостоящие бизнес-проекты правового фундамента. Мало находится желающих вкладывать миллионы долларов в предприятия, не защищенные законом.

Мы пытались изменить ситуацию. В 1996 году Андрей Илларионов обратил мое внимание на то, что конгрессмены США перед голосованием по конкретному законопроекту имеют возможность ознакомиться с аналитическими материалами на эту тему, изложенными экспертами в стиле дайджеста, кратко и понятно. В них сравниваются разные варианты решения проблемы, позволяющие понять, к чему может привести тот или иной подход. Такие аналитические материалы сводятся в ежегодные справочники. Мы с Андреем решили, что хорошо бы и российских депутатов снабдить подобной аналитикой. Им явно не хватает ясно изложенных доводов по обсуждаемым проблемам, а штудировать специальную литературу нет ни желания, ни возможности.

Сторонников этой идеи оказалось на удивление много. Особенно надо отметить Алексея Кудрина, который тогда был заместителем министра финансов, и Дмитрия Васильева, возглавлявшего Федеральную комиссию по ценным бумагам. Но затея требовала средств. Нашли предпринимателей-спонсоров. А для ее реализации в 1998 году создали Фонд информационной поддержки правовой экономики. Меня избрали его президентом.

У фонда было две задачи. Первая — знакомить общество с тематикой законопроектов, обсуждаемых депутатами Госдумы, улучшить понимание намечаемых и проводимых реформ. Для этого организовывались публикации в газетах, проводились публичные лекции специалистов, обсуждался опыт других постсоциалистических стран. Вторая — привлечь экспертов к подготовке справочника «Социально-экономические проблемы России». Над ним работали многочисленные авторы, а редакторы без потери смысла старались упростить исходные научные статьи.

В нашей культуре есть один существенный недостаток: ученые

и эксперты предпочитают говорить и писать на непонятном народу наукообразном языке, считая его признаком учености. Как в средние века, когда ученый люд должен был по определению изъясняться на латыни. Конечно, если обсуждаются вопросы ядерной физики, то без специальных терминов не обойтись, и читатель должен различать электроны и протоны, бета — и альфа-частицы. Но в политологии, социологии, экономических науках способность экспертов говорить простым и понятным языком во многом определяет их успех в общественном сознании — не при защите диссертации, а в отклике людей на их идеи и предложения. Ведь социальные науки затрагивают саму жизнь. Когда эксперт употребляет термин «трансферт» вместо «дотации» или «профицит» вместо «избыток денег в казне», он рискует быть непонятым согражданами. А значит, не может рассчитывать на их поддержку. Мы, русские, взяли плохой пример с немцев, которые запутанной терминологией любят показать свою ученость. По сравнению с ними американские специалисты пишут удивительно доходчиво. Как писал Эрнест Хемингуэй, «Тот, кто щеголяет эрудицией или ученостью, не имеет ни того, ни другого».

В детстве я зачитывался книгой Якова Перельмана «Занимательная математика. Математические рассказы и очерки». Стремясь оживить интерес к математике, он собрал произведения, трактующие математические темы в беллетристической форме, и сопроводил их комментариями в надежде, что это сборник натолкнет читателей на более серьезные размышления. И это ему удалось, книга пользуется популярностью и многократно переиздается с 1927 года. Сегодня нам не хватает таких авторов, особенно в сфере общественно-политических наук. Чем больше их будет, тем быстрее станет меняться, модернизироваться культура нашего народа.

Интернет в 1990-е годы только становился на ноги, рассчитывать на поиск толковых публикаций в нем не приходилось. Фонд вынужден был создавать собственную электронную полнотекстовую базу статей в СМИ и академических журналах по разным направлениям и отраслям. Наши работники сканировали предварительно отобранные социально-экономические статьи и заносили их в рубрики. Отыскивали таких же энтузиастов (их было мало) и обменивались с ними накопленным багажом. Статьями снабжали экспертов, которые по нашим заказам готовили материалы. Пригодился опыт Аналитического центра. Собственно, наш фонд и был таким центром, но уже не государственным, а частным.

Фонд подготовил и выпустил два издания справочника «Социально-экономические проблемы России» — в 1999 и 2001 годах

тиражом по 10 тыс. экземпляров. В них отражены наиболее актуальные социально-экономические проблемы того времени. Весь тираж был разослан депутатам Федерального Собрания и региональных законодательных собраний, в министерства и ведомства, библиотеки. Впрочем, депутатам наш справочник оказался не очень-то нужен. Они уже хорошо понимали, с чьих рук кормятся. Жили в основном не на оклад, а на то, что перепадало от лоббистов, правительства и лидеров фракций. Не важно, кто был ее лидером — Жириновский или Зюганов, заказчики требовали от депутатов только послушания. Понимать реальные последствия принимаемых решений депутатам стало не обязательно. Госдума в начале 2000-х годов уже становилась «принтером» заказных законопроектов.

Издав два справочника, мы пришли к выводу, что проект пора заканчивать. Появилось достаточное число журналов и сайтов, в которых социально-экономические проблемы обсуждались более оперативно. Бурно развивался Интернет, стало разумнее материалы по отраслевым проблемам выставлять на сайтах. Издание ежегодного справочника в бумажном виде не могло конкурировать с Интернетом и журналами. Может быть, и нам следовало придать справочнику вид сайта, резко повысить оперативность подготовки материалов. Но средств на это у фонда уже не осталось. Оказали ли эти справочники влияние на судьбу страны? Трудно сказать. Но мы тогда действовали по принципу «делай что должно, а дальше, как получится».

Через Черное море

Беседка — деревянная доска, подвешенная на свободный фал, служащая сиденьем при подъеме матроса на мачту.

В 1993 году мы с моей женой Ритой шли по набережной Невы и увидели пришвартованный парусный фанерный катамаран. Такие при советской власти делали в рыбколхозе в латвийском поселке Царникава. Наше обсуждение катамарана было столь бурным, что его капитан пригласил нас на борт. Разговорились, и капитан — его звали Владимир Бутов — предложил нам принять участие в переходе по маршруту «Евпатория — Болгария — Стамбул» и обратно. Мы с радостью согласились, выпросив еще одно место для нашего коллеги по клубу «Перестройка» Михаила Дмитриева.

В назначенный день прилетели в Крым, прошли проверку в порту на украинской погранзаставе и таможне и получили разрешение на выход в море. Вместе с нами его получил парень лет 25, который собирался плыть в Стамбул на виндсерфере. «В Китай пешком не дойти, а в Турцию на виндсерфере не доплыть», — сказали ему пограничники. А он достал текст закона и зачитал им статью, согласно которой гражданин вправе пересекать границу пешком. Доплывет ли гражданин до границы сопредельной страны — его дело. Пограничники парня выпустили. Позже мы узнали, что до Стамбула он дошел, правда, возвращался домой уже на попутном сухогрузе.

По сравнению с виндсерфером наш катамаран был огромным. В команде 6 человек, у каждого — койка. На борту — спутниковый буй КАСПАС — САРСАТ. Если утонем, то родные будут знать координаты нашей трагедии. Переход через Черное море занял двое суток. При умеренном ветре особых проблем не возникло. Запомнился проход через Босфор под мостами между материками, дворец султана на берегу. Когда пришвартовались в марине (так именуют в Европе платные яхт-клубы), нас поразило, что в туалетах свободно висела туалетная бумага. Для нас, еще не отвыкших от дефицита самого необходимого, это была бравада роскошью. Советское прошлое крепко держало нас в своих объятьях, и один из членов экипажа принес на катамаран за пазухой два рулона.

Вернувшись в Россию, мы захотели иметь свою яхту, пусть самую маленькую, и плавать по морям, познавать мир.

Накоплений от тюльпанов осталось немного, о серьезной лодке думать не приходилось. Мы поехали на «Жигулях» по приморским городам Швеции в поисках бывшей в употреблении яхточки по разумной цене. Ничего не вышло — нам называли такие суммы, что руки опустились.

«Сандибаар 35»

Путешествие в тысячу миль
начинается с первого шага.

Лао Цзы

В 1996 году я узнал, что у фермеров Финляндии возникли проблемы со сбытом яхт. Зимой там крестьянам делать нечего, свободного времени много. Нашлись предприниматели, которые вовлекли их в яхтостроение. Головная шведская фирма разрабатывала проекты яхт и катеров, делала опытные образцы, испытывала и доводила их «до ума». По образцу готовились матрицы корпуса и палубы — огромные слепки-мыльницы. Имея такую матрицу, каждый сообразительный человек способен выклеить по ней корпус яхты из пропитанной эпоксидной смолой стеклоткани, причем с точностью до миллиметра.

Фермеры проходили курсы по выклейке корпусов, монтажу двигателя и прочего оборудования. Сдавшие зачет получали сертификат. С ними заключали договоры на лизинг матриц, поставку сырья для корпусов, помощь в монтаже яхтенного оборудования. Фермер строил на своей ферме цех-сарай. Летом, когда появлялось свободное время, он с женой и детьми выклеивал корпус и палубу. Основная работа наступала осенью, после сбора урожая. На внутреннее обустройство яхты, изготовление мебели приходилось две трети трудозатрат. А еще надо был установить двигатель и смонтировать мачту. Инспектора головной фирмы контролировали работы, по мере необходимости оказывали помощь. К весне лодка была готова к сдаче. Покупатель получал яхту по разумной цене, фермер и головная фирма делили прибыль.

Все было хорошо, пока в Финляндии не разразился экономический кризис. В советское время эта страна была для СССР почти единственным окном в Европу, через нее вывозили лес и металл, закупали оборудование. Монополия окна рухнула в связи с либерализацией внешнеэкономических отношений России в 1992 году. Закрылись сотни предприятий, резко снизились доходы населения. Покупателей на яхты фермерского производства не стало.

Я увидел в финском яхтенном журнале объявление о продаже корпуса, палубы, двигателя и мачты яхты «Сандибаар 35» по вполне приемлемой цене (10 тыс. долларов). Созвонился с продавцом, арендовал КАМАЗ, оплатил яхту в виде комплекта частей и привез в Санкт-Петербург. Нашел и место сборки —

судостроительный завод в Металлострое, который специализировался на производстве лоцманских катеров. Заказов было мало, свободные площади дирекция сдавала в аренду. Из инженеров и рабочих сформировалась бригада, которая взялась за три месяца собрать, обустроить и спустить яхту на воду, разумеется, под моим контролем. В июне кран спустил яхту на воду. Мы назвали ее «Русалкой». Разбили о борт бутылку шампанского и ушли под двигателем в яхт-клуб на Васильевском острове. Поставили там мачту. На устранение «детских болезней» и приведение яхтенного хозяйства в должный порядок потребовался еще месяц.

После проведения швартовых испытаний и пробного выхода в Финский залив яхта была готова к тому, чтобы предстать для сертификации перед представителями головной фирмы в Финляндии. У меня тогда не было международных прав яхтенного капитана, и я попросил знакомого яхтсмена взять командование на себя. Прошли в Кронштадте паспортный и таможенный контроль и вечером вышли в море. Погода испортилась, опустился туман. Видимость — несколько десятков метров. Но на яхте был радар, и мы распознали большой сухогруз, шедший встречным курсом. Что подвигло нашего шкипера идти ему наперерез, не понимаю. Но на всю жизнь запомнил истошные гудки сухогруза и то, как мы вглядывались в пелену тумана, ожидая увидеть силуэт приближающейся смерти. Столкновения не произошло. Мы благополучно дошли до границы. Наши пограничные катера, постоянно дежурившие в заливе, не стали нас досматривать. Это был подарок, ведь на крутой волне такой досмотр мог закончиться повреждением пластмассового корпуса яхты от ударов о стальной борт сторожевика. В Финляндии представитель головной фирмы остался доволен качеством сборки. Завизировал документы, поставил печать. Мы вернулись в Петербург.

По морям, по волнам

И часто зимними ночами нам снятся наши паруса,
Свист ветра, пена над волнами и моря синь…

Август 1997 года близился к концу. К тому времени я сдал экзамены на капитана парусной яхты. С теорией, знаками, вешками и правилами предупреждения столкновения судов проблем не было. Труднее оказалось убедить экзаменаторов в своих практических навыках. Пришлось даже по их требованию швартоваться под парусами с выключенным двигателем в тесной гавани. Яхтсмены понимают, что это такое.

Диплом на руках, можно идти в Средиземное море. Как? Вокруг Европы, через Балтийское и Северное моря? Это значит обречь себя и спутников на холод, дожди и шторма. Выбрал маршрут — по Волге, Дону, через Азовское и Черное моря. Но идти по мелководьям и узким фарватерам рек с глубоким плавниковым килем яхты опасно, легко сесть на мель. Выход нашелся в Северо-западном речном пароходстве. Его контейнеровозы шли по рекам до Ростова-на-Дону. Сварили временную подставку-кильблок, поставили его на палубу сухогруза, водрузили на него яхту. Я пригласил в такое нетрадиционное путешествие в Турцию пожилого капитана-наставника Нарцесса Александровича и Михаила Дадалова, известного питерского хирурга, в душе моряка, но с нулевым яхтенным опытом.

В Ростове кран при разгрузке уронил яхту в воду с полутораметровой высоты, к счастью, корпус и двигатель не пострадали. А мачту мы положили на палубу, так как при плавании по Дону до Азова предстояло пройти под мостами. Отдали швартовы. Надо было видеть лицо Дадалова: его мечта сбылась, наше путешествие начинается! В Азове установили мачту и прошли таможенный и пограничный контроль. Похоже, мы были первой частной российской яхтой, уходившей за рубеж через этот КПП, поэтому привлекли к себе особое внимание. Пришла комиссия из 10 человек, всем места не хватило, поэтому осматривали яхту по очереди. Поинтересовались: «Сколько денег в судовой кассе?». Я не понял: деньги могли быть у меня, у матросов, но не у яхты, она же не живая. «Не спорьте, так записано в законе». Пришлось положить в сейф 1 тыс. рублей, оформили актом яхтенную кассу и получили «добро».

Утром вышли в Таганрогский залив. И с ужасом увидели, что

у мачты провисает форштаг — растяжка с носа яхты. При установке мачты мы закрепили шпилькой не оковку на конце форштага, а лишь ее пластмассовую оболочку. Мачта могла в любой момент рухнуть, так как к палубе она не крепилась, а держалась на вантах, форштаге и бакштагах. Трос форштага провис, нужно было до предела отдать натягивающий его болт и закрепить оковку. Спутники подняли меня лебедкой на топ мачты, и мы втроем, ухватившись за трос, пытались рывками вытянуть его слабину и вставить шпильку в отверстие. При рывке совместить отверстия удавалось, но как только рывок ослабевал, шпильку было уже не вставить. Поймать момент совмещения отверстий удалось где-то на 200-й попытке. Затянули все намертво и с легким сердцем пошли в Азовское море. Задул ветер, мы поставили паруса и направились к Мариуполю.

Вахту по правилам следует нести вдвоем. А нас трое, на две вахты не поделить. Нашли выход: подвахтенный матрос отдыхал после вахты на диване в кают-компании с привязанной к ноге веревкой, другой ее конец — у вахтенного. Если возникала опасная ситуация или надо было переставить паруса, вахтенный дергал за веревку, подвахтенный просыпался и выскакивал на палубу. Третий, свободный от вахты, спал в это время в носовой каюте.

Азовское море. Ночь на исходе. Светало. Легкий ветер наполнял паруса. За рулем Нарцесс Александрович, я, подвахтенный, спал на диване с веревкой на ноге. И вдруг резкий рывок, что-то случилось. Выскочил на палубу. Паруса наполнены ветром, а яхта стоит, как вкопанная. За что-то зацепилась. Убрали паруса. Осмотрелись. Вроде не мель. А что же? Надо надевать маску и нырять в море. Инстинкт самосохранения заставил выбросить за борт длинную веревку с кранцем на конце. Холодно. Я погрузился в воду и увидел белый капроновый трос, обхвативший руль яхты. Так и есть, сели на рыбацкие сети. Коснулся троса ножом, и он мгновенно лопнул. Вынырнул, а яхта уже пошла — без парусов, но очень резво. Хорошо, что мимо проплывал на веревке кранец. Не будь его, остался бы посреди Азовского моря. Ухватился за кранец, подтянулся до лесенки и забрался на борт. Как мы оказались в районе отмели, где были сети? Оказалось — ошибка штурмана…

Через пару часов выяснилось, что аккумуляторы яхты разрядились, двигатель не заводится. Ночью пришлось идти без ходовых огней. В порту Мариуполя можно было купить новые аккумуляторы. Зашли в порт под парусами и чуть было не попали под портовый буксир — прошел буквально в метре от нас. Поставили яхту у пирса рядом с огромной баржей. Это нас и спасло. Пока оформляли документы в администрации порта, подул

сильный ветер. Никогда не думал, что в порту, огороженном от моря волноломами, волны могут достигать такой высоты. «Русалку» стало бить о стенку пирса.

Что делать? Без аккумуляторов двигатель не запустить, мы удерживали борт руками, но понимали: еще немного и яхту разобьет, она утонет прямо в порту. Один из нас, пытаясь амортизировать удары, свалился в щель между пирсом и яхтой. Его сильно прижало, но ребра выдержали. Спасительная идея пришла неожиданно. На яхте был длинный трос, предельно неудобный в пользовании. Мы собирались его выкинуть, но, к счастью, не успели. Завели его на левый дальний край кормы баржи, стоявшей рядом у стенки, и оттянули яхту от пирса на метр. Уберегли ее от ударов.

Сменили аккумуляторы, вышли из гавани Мариуполя и пошли по Керченскому проливу между Россией и Украиной. Вдруг ожила яхтенная радиостанция — украинские пограничники требовали пристать к берегу. Мы подчинились, но недоумевали: судно под чужим флагом, плывем по проливу строго в соответствии с нормами международного морского права, какие к нам могут быть претензии?

Частная иностранная яхта тогда была странным явлением, пограничники не знали, как с ней быть. Сказывалось советское воспитание: если каждый станет на своей лодке плавать, куда захочет, что же это будет? На всякий случай нас обязали до Ялты не выходить из территориальных вод Украины, идти только днем, сообщая по рации каждому пограничному посту о своем проходе мимо, ночевать только в портах.

Первую ночь провели у набережной Феодосии. В 5 часов утра — мощный удар в борт, затем второй удар. Где-то прошел шторм, до Феодосии дошла крупная зыбь. Мариупольская история повторилась — волны били яхту бортом о гранит набережной. Пока я заводил двигатель, экипаж упирался ногами в стенку, пытаясь ослабить удары. Резво отчалили, оставив швартовы на берегу. Осмотрели яхту, видимых повреждений не обнаружили. Пошли на Ялту, а оттуда в Стамбул.

Мы шли под парусами через Черное море вторые сутки, до Босфора оставалось миль 150. Ночь, свежий попутный ветер, штормило, разгулялась волна. Когда стоишь за штурвалом, а за спиной над тобой нависает гора воды, лучше не оглядываться. Страшно становится. Гора воды плавно подкатывала под корму, за ней вырастала новая. Но яхта слушалась руля, мы держали заданный курс. И вдруг резкий хлопок, шкотовый угол грота отвязался от гика, парус стал полоскаться, как флаг. Я дернул за веревку подвахтенного, вызвал всех наверх. Первым на палубу

выбрался Нарцесс Александрович, оценив ситуацию, высказался: «Дело обычное, справимся». Когда же на палубу выскочил Миша, я ощутил, что штурвал заклинило, его не повернуть. Нарцесс Александрович изменился в лице: «Теперь конец!». Я лихорадочно соображал: «Не могут в один момент произойти две не связанные между собой поломки. Штурвал окаменел, когда появился Миша. Может быть, при качке он нечаянно нажал кнопку переключения управления на внутренний штурвал, расположенный в каюте?». Кубарем скатился по трапу в каюту и нажал злополучную кнопку. Раздался радостный вопль: «Штурвал работает! Мы спасены!». Усмирив и перевязав грот, продолжили путь и вечером вошли в Босфор. Мы, дилетанты, прошли Черное море в шторм, на что решились бы немногие даже опытные яхтсмены!

Ночью Стамбул залит огнями. Красиво. Но мест для швартовки не было. Пришлось идти дальше — в Мраморное море. Там в пригороде Стамбула есть марина «Атакей», куда мы заходили несколько лет назад на катамаране. Входим в марину на малом ходу. У пирсов все заполнено, свободного места не просматривается. И вдруг у нас глохнет двигатель. (Как потом выяснилось, засорился топливный фильтр, на малом ходу насос не мог обеспечить дизель соляркой.) Ветер сносит нас на стоявшие у пирсов яхты. В панике мы отдали якорь, но якорный канат запутался. В тесном проходе между бонами решение отдать якорь было глупостью. Миша и Нарцесс безуспешно пытались разобрать канат в темноте, а я, стоя у штурвала, ждал неизбежного навала на чужую яхту.

Вдруг с пирса раздалось по-русски: «Помощь нужна?». Из трех наших глоток разом: «Нужна…а…а». Наши мытарства увидел начальник охраны марины, турок, родом из Болгарии, в школе изучавший русский. На надувной резиновой лодочке подлетел дежурный береговой матрос и, поставив ее к борту яхты лагом, повел в проход между пирсами к свободному месту. Потыкавшись своей лодочкой то в корму, то в нос яхты, развернул ее должным образом и помог нам закрепить швартовы и муринги. Нам опять повезло! А экипаж, похоже, так и не вышел из шока — продолжал разматывать запутавшийся якорный канат. Я кричу: «Хватит! Три часа ночи! Все кончилось! Спать!». И заснули мы, как убитые.

В марине «Атакей» произошла интересная встреча. Два бизнесмена из Екатеринбурга заказали и построили яхту, длиной точно по грузовому отсеку военно-транспортного самолета «Антей». Самолет с яхтой приземлился в стамбульском аэропорту, ее выгрузили. Но таможенники запросили техпаспорт яхты, поинтересовались, под каким флагом она ходит. И тем самым поставили россиян в тупик. Бизнесмены и не знали, что

яхту мало построить, ее еще надо «прописать». Решили плавать под турецким флагом. На регистрацию ушло два месяца. Наконец, яхта была готова к отплытию. Но кто ее поведет?

В Стамбуле бизнесмены нашли двух русских яхтсменов, которые подрабатывали услугами тем постояльцам марин, кто нуждался в их помощи. И началась у владельцев яхтенная жизнь. Встретив нас через месяц такой жизни, они спрашивают: «Чем вы занимаетесь на яхте? Расскажите, а то мы спиваемся». Смешно. Работы на яхте всегда столько, что закончить ее нельзя, можно только остановить. Смысл яхтинга — именно в том, чтобы самому стоять за штурвалом, ставить паруса, швартоваться, вставать на якорь, короче, путешествовать самому. Нанимать команду, как нередко поступают наши олигархи, — значит, лишать себя этого удовольствия. Не случайно сегодня многие богатые люди платят большие деньги за то, чтобы перейти на яхте Атлантику матросами. Надо сказать, что эти ребята из Екатеринбурга оказались понятливыми, вняли нашему совету и стали ходить по морю сами.

Спор на острове Лесбос

К сожалению, есть шпана и стадо. У порога жизни людей стоят авантюристы, готовые запутать, заморочить головы и повести стадо на бойню за светлое будущее стада и жизненные территории.

Виктор Астафьев

В сентябре 1997 года мы шли под парусами вдоль побережья Турции. Посетили Бозджаады, Айвалык, Чешму. Но неожиданно разошелся сварной шов в колонке штурвала. Яхта не осталась без управления, был еще румпель, но ей потребовался ремонт. Под этим предлогом мы, не имея виз и опираясь на нормы международного морского права, зашли на греческий остров Лесбос.

Турция и Греция — члены НАТО. Но над ними довлеет трагедия многовекового конфликта культур. В 1923 году в результате поражения Греции в войне с Турцией был проведен греко-турецкий принудительный обмен населением. В греческую историографию он вошёл как «Малоазиатская катастрофа». Обмен затронул около 2 миллионов человек и носил принудительный характер, сопровождавшийся массовыми жертвами и преступлениями в отношении греческого населения Малой Азии и Восточной Фракии. Память об этом кровоточит в народах до сих пор. Не удивительно, что береговые батареи на греческих островах смотрят в сторону турецкого берега, а турецкие рыбаки не заходят в греческие гавани.

А тут от турецкого берега к Лесбосу подошла какая-то яхта под российским флагом! В порту нас ждала полиция. Приказали на берег не сходить, отобрали паспорта и переставили яхту под борт крейсера. Утром прислали инженера проверить, действительно ли у нас серьезная поломка, не злоупотребляем ли мы правом захода в связи с ней в ближайший порт? Инженер факт поломки признал.

Нам дали день на ремонт и знакомство с островом. Гуляя по городу, мы забрели на рынок. Вдруг слышим по-русски: «Товарищи, сюда!». Грек средних лет, репатриант из СССР, торговал инструментом. В Греции он уже 7 лет, на этом острове российские туристы бывают редко, поговорить на русском языке ему не с кем. Он был просто счастлив и подарил мне кувалдочку. Она до сих пор в инструменте на яхте и не раз меня выручала.

Вечером за чаем разгорелась жаркая дискуссия о межнациональной вражде. В спорах мы пришли к выводу, что

сегодня человечество представляет угрозу для самого себя. «Homo sapiens» вполне могут повторить судьбу динозавров. Достаточно начаться войне между ядерными державами, чтобы планета покрылась непроницаемым слоем облаков и погрузилась в ядерную «зиму», после которой на Земле, где-нибудь на тихоокеанских островах, останутся лишь некоторые виды насекомых. Но правительства многих стран готовы развязать войну для решения территориальных споров. И, как ни печально, их поддерживают народы! А сколько шахидов готово взорвать себя, чтобы убить побольше неверных! Попади им в руки ядерный заряд, они, не колеблясь, взорвут его в какой-нибудь европейской столице.

Почему же люди в массе своей поддерживают территориальные притязания? Конечно, рассудок что-то там просчитывает, но выбор строится на основе эмоций, инстинкта. В инстинктах кроется генетически закрепленная «память наших предков». Спросите у россиян, где находятся Курилы? Многие не ответят. Но почти все скажут, что отдавать острова Японии нельзя, даже по подписанному договору. Рационального в таком поведении людей нет, только инстинкты.

Наша биологическая эволюция не поспевает за быстро меняющейся жизнью. Не только люди, все виды приспособлены к условиям далекого прошлого. Межгрупповая, межплеменная вражда была нормой жизни на протяжении почти всей человеческой истории. Конкуренция между племенами наших предков стимулировала внутригрупповую кооперацию и узкий, групповой, местнический альтруизм по отношению к своим. Одновременно кровавые стычки за охотничьи угодья заставляли наших предков воспринимать чужаков как злейших врагов, нелюдей. Они хуже и страшнее тигров и медведей. Их надо убивать. Их даже ели. Это отношение к чужакам и инородцам проявляется и сегодня. Кто-то из членов команды обратил внимание на то, что убийство человека — тяжкое преступление. Но только своего. Убить по приказу старшины несколько солдат в чужом окопе — значит, проявить доблесть.

Сотрудничество же с чужаками всегда расценивалось как измена и предательство. Биологи-эволюционисты показали, что внутригрупповой альтруизм наших предков мог развиваться только вместе с ксенофобией — враждебностью к чужакам и инородцам. Это две стороны одной медали.

Идею о связи войн между группами наших предков с эволюцией высказал еще Чарльз Дарвин: «Когда два племя первобытных людей, живущих в одной стране, сталкивались между собой, то племя, которое (при прочих равных условиях)

заключало в себе большее число храбрых, верных и преданных членов, всегда готовых предупреждать других об опасности и защищать друг друга, без всякого сомнения должно было иметь больше успеха и покорять другое… Племя, обладавшее перечисленными качествами в значительной степени, без всякого сомнения, распространится и одержит верх над другими племенами. Но с течением времени оно, как показывает история всех прошедших веков, будет, в свою очередь, покорено каким-либо другим, еще более одаренным племенем. Таким образом общественные и нравственные качества распространяются мало-помалу по всей земле»[13].

Естественно, наш спор коснулся и современных национальных государств. Если в традиционном обществе человек рождался, жил и умирал в окружении знакомых людей, то в современном урбанизированном мире соседские и семейные связи резко ослабли. Жители многоэтажных домов не знают друг друга. На смену реальной общности соседей пришла общность виртуальная, основанная на языке и, порой, на религии. Возникли нации, где психические и социальные связи удерживаются не личным знакомством, а силой воображения, братских чувств. Вспомнили Бенедикта Андерсона, который прямо утверждал, что «реально существуют лишь рационально мыслящие индивиды, а нация существует лишь в их головах, “в воображении”, в силу того что они себя идентифицируют именно этим, а не другим образом». Иногда говорят, что национальные государства создала печать, пресса и всеобщая грамотность. Ведь благодаря им исчезли диалекты и утвердился «правильный» письменный язык. Большую роль сыграли бюрократические учреждения, призывная армия, почта и другие учреждения, ведущие документацию на официальном государственном языке.

Но наши инстинкты остались прежними! При территориальных спорах между национальными государствами сохранилась иррациональная ненависть людей друг к другу. «Умри, но не отдай ни пяди своей земли, а если удастся, прихвати чужую». Хотя, казалось бы, солдаты и офицеры знают, что лично им захваченная земля в собственность не отойдет…

Мир изменился, жители развитых стран давно живут не за счет обработки земли, а за счет промышленности, знаний и новых технологий. Это в древности права и положение человека зависели от принадлежности к коренному племени. А сегодня человек может переезжать из одного государства в другое, и отличия будут лишь в том, какому правительству придется платить налоги.

С той дискуссии на острове Лесбос прошло много лет.

Интересно проследить, как изменились предпочтения людей в национальных государствах по мере развития экономических связей и глобализации. Распад Югославии привел к образованию национальных государств — Словении, Хорватии, Черногории, Сербии. Их население с оружием в руках выступило за национальные государства. Но прошло 20 лет, и граждане отдали свои голоса за вступление в ЕЭС и затем — в НАТО, потому что увидели выигрыш от расширения рынка, новые возможности трудоустройства, повышения безопасности. Если рассуждать рационально, то войны за территорию должны были бы отойти в историю, а граждане всех государств объединиться под эгидой «всемирного» Евросоюза.

К сожалению, сегодня лишь небольшая образованная часть человечества понимает, что захват территорий грозит мировой катастрофой. Большинства легко впадает в националистический угар. Особенно, когда с экранов телевизоров на них льется поток шовинистической пропаганды.

На мели в Дудиме

Капитан! Капитан! — Что? — Якорь всплыл! — Хммм… Скверная примета…

Шутка

Летом 1998 года, путешествуя вдоль берегов Турции, я, Рита и хирург Миша Дадалов зашли на яхте в Дудим. Прекрасная, защищенная от всех ветров бухта пользовалась у яхтсменов популярностью — вдоль берега стояли дорогие яхты и прогулочные катера. Мы решили бросить якорь рядом с тремя яхтами, которые стояли недалеко от скал. Раз они там заякорились, значит, место подходящее. Взяли нужный курс, и вдруг яхта содрогнулась от удара. Мы сели на камни. В таких случаях надо прыгать в маске за борт, на разведку.

Яхта сидела на вершине подводной горы, ее киль угодил в расщелину между скалами. Хуже не придумаешь. Солнце уже клонилось к закату, какой ветер и волнение будет ночью — неизвестно. Надо быстро было сниматься с мели, но как? Втроем нам не справиться… Но от немецкой, английской и французской яхт к нам уже приплыли на моторных лодках добровольные помощники.

В соответствии с морской практикой яхту следовало сильно накренить, тогда ее осадка уменьшится, киль выйдет из расщелины, и ее можно стащить с камней. Но яхта весит 6 тонн. Хватит ли нам нашего живого веса? Миша на резиновом тузике отплыл с якорем метров на 50 и там заякорился. Натянули втугую якорный канат через лебедку. Три наших добровольных помощника, плюс Рита и Миша забрались на конец гика, отведенного за борт яхты, и повисли, как виноградная гроздь. Общий вес немалый, да и гик работал рычагом. Я включил двигатель и стал крутить лебедку якоря. Яхта задрожала и медленно поползла со скал. Пронесло!

Мы подарили нашим спасителям сувениры из России. Все экипажи на яхтах — семьи, некоторые с маленькими детьми. В том, чтобы сразу прийти к нам на помощь, они не видели ничего особенного: в море людям надо помогать, как же иначе… Но очень удивились, что мы не знали о скалах: «Неужели у вас нет карт и лоций?». Карты у нас есть, только предназначены они для военно-морского флота. А там глубины в маленьких бухтах не показаны, эсминцы туда не заходят. Других, подробных морских

карт тогда достать в России было невозможно. Вот и подарили нам добрые люди справочник супругов Томпсонов, где подобнейшим образом расписаны глубины и достопримечательности бухт всех средиземноморских стран.

Позже мы не раз убеждались в силе морского братства. Когда на острове Лерос нашу яхту сорвало с якоря и выбросило на берег, десяти минут не прошло, как рядом оказались два частных катера. Их владельцы закрепили за наши «уточки» канаты и буквально вырвали яхту из цепких объятий песка и камней. Такое поведение стало естественным и для нас. В Греции на французской яхте с женским экипажем при отходе от набережной заглох двигатель. Яхту понесло на камни волнолома. Мы с сыном Чубайса — десятиклассником Алексеем бросились на резиновом тузике их спасать, втиснулись между яхтой и камнями, стали для них надувной прокладкой. Двигатель на французской яхте с десятого раза завелся, она отошла от волнолома, нас команда поблагодарила и ушла в море. А наш тузик, изрезанный мидиями, просто сдулся.

Уроки 1990-х

Человек смотрит в будущее своим прошлым.

Перл Бак

В 2009 году Егор Гайдар посетовал: «Многие из тех, кто решал проблемы, вставшие перед Россией после распада советской империи, уже ушли в мир иной. Очень жаль, историки лишились ценных свидетельств. Официальные проклятья в адрес "лихих 90-х" сбивают людей с толку. Надо рассказать правду, это наш долг. Нужен объективный анализ и причин распада СССР, и истории перехода России к рынку. Хорошо бы, чтобы это сделали те специалисты, кто непосредственные участвовал в реформах 1990-х годов». Он был прав. Мы прикинули список потенциальных авторов. Их было человек 50. Я предложил Егору не ограничиваться участниками событий и привлечь к проекту молодых ученых, которые в начале 1990-х годов были еще школьниками, а сейчас стали настоящими профессионалами. Пусть они оценят, и как реформы были проведены, и что еще предстоит сделать, чтобы Россия вышла на магистральный путь развития цивилизации. Гайдар согласился.

Мы назвали проект «Уроки 90-х». Сформировали небольшой коллектив: два редактора, два студента-помощника и заведующий архивом. Договорились о сотрудничестве с Президентским центром Б.Н. Ельцина. Заказали авторам исторические очерки. Брали интервью у бывших министров, депутатов, экспертов, сотрудников Администрации первого президента России. Для каждого интервью готовили подробный список вопросов. В интервью использовали метод развилок. Суть его в том, что, решая проблему, можно было пойти по одному пути, а можно по другому. Почему был выбран именно этот? К чему он привел на практике? Ошиблись мы или нет?

Первым экспертом-участником событий, на котором мы испробовали этот подход, стал сам Гайдар. Список развилок я набросал заранее, но Егор по ходу пятичасового интервью добавил новые. Получился обстоятельный, подробный материал. Подобным образом взяли еще два десятка интервью у других участников революционных событий начала 1990-х годов.

Интервью мы брали весной. Наступало лето. Я собрал тексты для работы и уехал в отпуск. Через пару месяцев встречаюсь с Егором, а он признается: «Меня так увлекли ваши развилки, что я

написал книгу в этом стиле». Большую часть развилок он описал сам, две (о приватизации и финансовой стабилизация 1995–1996 годов) оставил Анатолию Чубайсу. Попросил поработать с ним. Я забрал рукопись и как редактор подготовил свои замечания. С чем-то Егор соглашался, с чем-то нет. 15 декабря 2009 года мы общались с ним до позднего вечера, он передал мне готовую рукопись свой части книги, которую назвал «Развилки новейшей истории России». Утром 16 декабря у него случился приступ. Егора не стало.

Чрезвычайную актуальность в свете последующих событий приобрела последняя из описанных им развилок, адресованная правителям России, доходы которой целиком зависят от сырьевых рынков: «Или ужесточение политического контроля, репрессий против несогласных, контроль за малотиражными СМИ, или постепенная демократизация режима, восстановление системы сдержек и противовесов во власти, свобода прессы, реальный федерализм. Первый путь ведет к новой революции. Двух революций, которые наша страна пережила в XX веке, на наш взгляд, ей хватит. Мы не первая страна, которой предстоит сделать такой выбор. С того времени, когда Западная Европа постепенно выбрала именно второй путь, началось беспрецедентное ускорение экономического роста. Надеемся, что, столкнувшись с этой развилкой, российские власти сделают правильный выбор».

Егор Гайдар был умным, честным человеком, бессребреником. Камикадзе. То, что он сделал для России, оказались не в состоянии оценить многие его современники. Но наверняка оценят потомки. Светлая ему память. Советую всем прочитать и главный труд Егора Гайдара «Долгое время»[14] *— лучшее из всего, что довелось мне прочитать.*

Работа над теми страницами книги «Развилки новейшей истории России», которые писал Анатолий Чубайс, затянулась почти на два года. Наконец-то в 2011 году книга была опубликована издательством «Норма»[15]*. Мы разослали ее по библиотекам и вузам страны, раздавали на конференциях экономистов, политологов, историков.*

В три объемных тома «История новой России: очерки, интервью»[16] *вошли 52 интервью очевидцев и исторических очерков. Их авторы не только повествуют о том, что происходило в те годы в разных частях общественного организма, приводят факты, но и анализируют ошибки и достижения, решенные и ждущие своего решения проблемы. Сборник получился, скорее, для ученых и аспирантов, людей, погруженных в историографию и проблемы экономических и политических реформ.*

А ведь есть еще огромная армия учителей, которые влияют на сознание школьников. Как их охватить? Мы обратились к авторитетным историкам с просьбой написать книги по истории 1990-х годов специально для учителей. Первым откликнулся Дмитрий Травин, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, экономист, писатель, журналист, историк. Его книга «Очерки истории новой России. Книга первая: 1985–1999»[17] пользуется популярностью у молодых людей.

Еще одной книгой для учителей стала «Перестройка и крах СССР. 1985–1993»[18], написанная коллективом авторов. Владимир Шестаков, доктор исторических наук, ученый секретарь Института российской истории РАН, показал, каким был СССР к 1984 году. Профессор РГГУ Наталья Елисеева описала периоды ускорения, перестройки, политической дестабилизации и краха коммунистического режима в СССР. Директор Историко-архивного института РГГУ Александр Безбородов посвятил свои очерки экономическим реформам на фоне двоевластия, политическому кризису 1993 года и новой Конституции России. Дмитрий Медведев раздавал эту книгу в качестве подарка на Дне учителя в Кремле в 2010 году. Знал бы он, что в книге отражена тесная связь между советской номенклатурой и нынешней властвующей элитой, поостерегся. А ведь это и есть причина многих наших нынешних бед.

Мы решили познакомить учителей с двумя работами Егора Гайдара «Смуты и институты» и «Государство и эволюция», объединив их в одну книгу[19]. В первой на примере 1991–1993 годов автор описал характерные особенности смут, когда люди, доведенные до крайности политикой правящей элиты, выходят на улицы, бастуют, берутся за оружие. Гайдар показал, как рассыпается старая власть и как возникает новая. Эта работа — правдивая история о глубинных причинах и последствиях распада СССР. Я бы поставил ее в один ряд с другой его знаменитой книгой — «Гибель империи»[20], изданной в 2006 году. В более ранней работе «Государство и эволюция», написанной еще в 1994 году, когда вовсю шла приватизация, Егор высказывал опасения, что корыстные интересы советской бюрократии в ходе приватизации приведут нас не к конкурентному рынку, а к «азиатскому способу производства», к строю, где власть первична, а частная собственность условна. Как в воду глядел.

В рамках проекта «Уроки 90-х» Леонид Лопатников подготовил книгу «От плана к рынку: очерки новейшей экономической истории России»[21], адресовав ее не только студентам и аспирантам, но и преподавателям истории и обществоведения. Он рассказывает об административно-командной системе, показывает, почему она

проиграла в соревновании с рыночной экономикой развитых стран. Но главное, он популярно и точно пишет о сложном переходе от плана к рынку, об экономике двоевластия, о причинах и следствиях кризиса 1998 года, об экономике управляемой демократии последнего десятилетия и многом другом. Книга выставлена на нашем сайте «История новой России» //www.ru-90.ru/.

Когда студенту или школьнику монотонно рассказывают историю, он, увлеченный своими делами, слушает в пол-уха. Но его можно разбудить, задав вопрос. В книге «Если бы президентом был ты: для тех, кто хочет понять развилки новейшей истории России»[22] мы предложили читателям встать на место того, кто в критические для страны моменты вынужден был принимать решения, в ситуации, когда «заданный политикой коридор очень узок и почти всегда приходится выбирать из всех имеющихся плохих сценариев наименее плохой». Для того чтобы их выбор был более осознанным, мы привели возможные альтернативные стратегические решения, рассказали об их потенциальных последствиях, а также о том, чего удалось избежать. Это позволяет читателям сориентироваться в исторических событиях, хитросплетениях политических интриг, настроениях различных слоев общества. Более того, описание каждой исторической развилки сопровождается врезками с подробной информацией о событии, а ссылка на источник позволяет познакомиться с дополнительным материалом. Работа облегчается благодаря электронной версии этой книги[23], также представленной на сайте //www.ru-90.ru/.

На сайте можно найти все материалы, подготовленные в рамках проекта «Уроки 90-х», но не только. В разделе «Исторические очерки» историки убедительно обосновывают свою версию событий 1984–1993 годов, их причины и последствия, осмысливают истоки глобальной катастрофы, которую пережила советская держава. Политологи и журналисты анализируют особенности становления институтов суверенной России, замыслы, достижения, ошибки и результаты. Экономисты представляют уникальные исторические обзоры развития отраслей экономики, социальной сферы, местного самоуправления, ЖКХ, телевидения и прессы с 1990 по 2010 год. В результате складывается целостная картина истории новой России.

В разделе «Свидетельства очевидцев» члены правительства реформ, министры, депутаты и помощники президента Ельцина с позиций участников судьбоносных событий 1990-х годов анализируют их причинно-следственные связи, объясняют подноготную важнейших решений, которые они принимали или готовили. Эти свидетельства «от первого лица» помогают

отделить правду от вымыслов.

На полках «Библиотеки» сайта собраны уникальные материалы, освещающие важнейшие вехи истории новой России, а также проблемы ее ведущих отраслей. Представленные статьи помогают избежать поверхностного подхода в оценке исторических событий.

Авторы статей в разделе «Перспективы России» не ограничиваются констатацией проблем, а предлагают конструктивные решения, которые помогут улучшить нашу жизнь. Что для одних государств — история, для других — будущее. Поэтому, двигаясь вперед, полезно сопоставить свою историю с опытом передовых стран. Лучше учиться на достижениях и ошибках других, чем изобретать велосипед. Понять, как решаются жизненно важные проблемы общества в целом и отдельного человека — с пользой для них или во вред им…

Особой популярностью пользуется раздел сайта «Этот год в истории», в котором довольно подробно описаны основные социально-экономические и политические события каждого года — с 1985 по 2013. Впрочем, достоинства сайта вы можете оценить сами.

Наша «управляемая демократия»

Склонность к абсолютистскому правлению состоит в прямой зависимости от презрения к своей стране.

Алексис Токвиль

По поводу выбора своего преемника Борис Ельцин писал: «Степашин или Путин? Министр внутренних дел и директор Федеральной службы безопасности. Оба начинали в Петербурге, оба работали с Собчаком. Оба — интеллигентные силовики. Люди нового поколения, молодые, энергичные, мыслящие. Но какая огромная разница в характерах! …Я интуитивно чувствовал мощь и силу Путина, перспективность этого шага. И еще — атмосферу, возникшую в обществе. Общество было готово воспринять новую фигуру, и фигуру достаточно жесткую, волевую. Несмотря на полный раздрай в политическом истеблишменте, люди должны были поверить Путину. Я собирался предложить ему не просто "повышение по службе". Я хотел передать ему шапку Мономаха. Передать ему свое политическое завещание: через победу на выборах, через нелюбимую им публичную политику во что бы то ни стало удержать в стране демократические свободы, нормальную рыночную экономику. Да, это был огромный риск. Действие без всякого запаса прочности… И, тем не менее, за все эти годы мне удалось создать такую ситуацию, при которой выход за рамки Конституции ни для кого уже не был возможен». К сожалению, он заблуждался…

Решение Ельцина сделать Владимира Путина своим преемником сначала не показалось мне контрпродуктивным. Приходилось встречать умных аналитиков из КГБ, хорошо понимающих логику развития общества. Возможно, думал я, нам повезло и мы получим в роли президента человека, который имел возможность сравнить реалии жизни в ГДР и ФРГ, понял, где пролегает дорога к достойной жизни россиян.

Тем более что в своем обращении к Федеральному Собранию 8 июня 2000 года он говорил: «Наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное, если кому-то не нравится слово "сильное", эффективное и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические и экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины». И был совершенно прав. Если нет

честной полиции, справедливого суда, если инфляция пожирает сбережения, потому что слабое государство не может собрать налоги и вынуждено включать печатный станок, то о какой достойной жизни можно говорить?

Путин обещал еще много хорошего: «Во-первых, следует обеспечить защиту прав собственности… Второе направление — обеспечение равенства условий конкуренции… Следует отменить все необоснованные льготы и преференции, прямые и косвенные субсидии предприятиям, чем бы они ни обосновывались… В некоторых регионах это просто превратилось в орудие сведения счетов с политическими и экономическими конкурентами». Правильные слова. Но как они согласовывались с практикой? В середине 2000-х годов власти приступили к созданию госкорпораций и раздаче им всяческих льгот, а рейдеры-силовики приступили к перераспределению в свою пользу перспективных предприятий. Именно в эти годы за решеткой оказался Михаил Ходорковский, да разве только он один! В тюрьме оказались тысячи предпринимателей, вся вина которых состояла в том, что они не захотели «делиться» с сильными мира сего.

«Третье направление — освобождение предпринимателей от административного гнета. Государство должно последовательно уходить от практики избыточного вмешательства в бизнес». Замечательные слова. Но с годами административный гнет лишь усилился, ставки дани возросли. Сложилась феодальная вертикаль, только не из воевод и князей, а из чиновников высокого уровня. Сегодня по заслуживающим доверия источникам даже предприятия оборонки вынуждены платить откаты в размере 70 % стоимости госзаказа.

«Четвертое направление — снижение налогового бремени. Сегодня налоговая система способствует массовому уклонению от налогов, уходу экономики “в тень”, уменьшению инвестиционной активности, в конечном счете — падению конкурентоспособности российского бизнеса». Посмотрим правде в глаза: расчеты показывают, что доля официальных налогов в доходах российских фирм примерно такая же, как в европейских странах. Она намного выше, чем в Китае. Причем надо учитывать, что для предпринимателя важен общий размер отчислений, а не только официальные налоги и возросшие пенсионные отчисления. И зачастую для него самый тяжелый налог — коррупционный, ведь коррупция стала нормой, это стержень всей властной вертикали. Нагрузка растет год от года, так как численность российской бюрократии за последние годы выросла втрое.

Зигзаги политики президента Путина нередко оправдывают «непреодолимыми обстоятельствами». Действительно, к 2000 году

в регионах России сложились своеобразные «удельные княжества». Губернаторы прекрасно овладели навыками подчинения избирательных комиссий для формирования угодного состава законодательных собраний, освоили приемы давления на правоохранительные органы, прокуратуру и суд. Предприятиям, имеющим «крыши» от влиятельных чиновников, создавались условия для получения монопольной сверхприбыли. Для этого возводились межрегиональные барьеры на пути движения товаров и капиталов. Возникла ненормальная ситуация, когда законодательные собрания субъектов Федерации принимали, а губернаторы подписывали местные законы, противоречащие Конституции РФ и федеральным законам. В иных странах с федеративным устройством субъекты федераций принимают местные законы, но нигде региональные власти не вправе подменять ими «неудобные» федеральные законы.

Поэтому инициатива Путина привести региональное законодательство в соответствие с федеральным казалась вполне логичной. 8 августа 2000 года Госдума приняла Закон о новом порядке формирования Совета Федерации, поправки в Законы об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти в субъектах РФ и об общих принципах местного самоуправления в РФ. Но эти законы не столько укрепили федеральную исполнительную власть в ее борьбе с региональной, сколько в целом усилили исполнительную и президентскую власть в сравнении с другими ветвями власти. Губернаторы были изгнаны из Совета Федерации. Президент получил право отзывать их и не согласовывать с ними кандидатуры руководителей региональных МВД. Были созданы 7 федеральных округов, главы которых подчинялись президенту.

Губернаторам предоставили право отстранять неугодных руководителей органов местного самоуправления и распускать местные законодательные собрания — формально за «нарушение федерального законодательства, прав и свобод граждан». Но при размытых понятиях «прав» и «свобод» было бы желание, а повод разогнать найдется.

Казалось бы, представительная власть выиграла от того, что места губернаторов в Совете Федерации стали заполнять выдвиженцы местных законодательных собраний. Но практика показала, что региональные законодательные собрания под угрозой разгона предпочитали не ссориться с губернаторами из-за такой «мелочи», как личность представителя региона в Сенате. Он давно превратился в собрание бывших высоких начальников, сосланных в почетную и высокооплачиваемую ссылку. Наш Совет Федерации никоим образом не похож на Сенат США, который формируется

путем прямых выборов его членов населением, никак не зависит от президента США и при случае может его «подправить». Там разделение властей есть, у нас — лишь видимость.

Для того чтобы успокоить недовольных регионалов, был создан неконституционный орган — Государственный совет при президенте, куда вошли все главы исполнительной власти субъектов Федерации. Одновременно резко возросла роль неконституционной Администрации президента.

Как показали дальнейшие события, целью реформ 2000 года было не просто стремление устранить противоречия между федеральными и местными законами, а ликвидировать любую политическую конкуренцию — основу народовластия. Путин стремился лишить избранных народом депутатов возможности контролировать действия президента и исполнительной власти.

Стремясь устранить политическую конкуренцию и установить авторитарный режим, Путин и его команда не пошли на отмену Конституции 1993 года. Они предпочли ее игнорировать. В 2003 году были приняты поправки в Закон о политических партиях, которые выхолостили 31-ю статью Конституции, гарантирующую право граждан на создание политических партий и заключение ими союзов и блоков без контроля со стороны президента и исполнительной власти. Были резко ужесточены требования по регистрации партий, многократно увеличен лимит численности членов. Народ смолчал, депутаты одобрили.

С того времени чиновники Администрации президента стали давать Минюсту указания — какую партию регистрировать, какую нет. Под надуманным предлогом лишили регистрации старейшую либеральную Республиканскую партию, которая вела свою историю еще от «Демократической платформы в КПСС».

Усилиями Администрации президента в 2003 году 4-я Госдума фактически стала первым однопартийным парламентом в России. Подтасовками на выборах и «тонкостями» избирательного законодательства воля избирателей была чудовищно искажена — одни партии оказались «недопредставленными» в Госдуме, если исходить из числа проголосовавших за них, другие — «сверхпредставленными». Партия «Единая Россия» получила 37,6 % голосов и заняла 67,6 % мест. Каждый сторонник «Единой России» получил по два голоса, а «Яблоко» и СПС оказались без голосов. Если по большевистской Конституции РСФСР 1918 года 15 категорий граждан были лишены гражданских прав формально, то на выборах 2003 года их лишили фактически — путем махинаций на выборах и «промывания мозгов» на государственных телеканалах.

Если в середине 1990-х годов исполнительная власть хоть как-

то считалась с позицией парламента, то с тех пор она стала полностью независимой от Госдумы. Наоборот, кандидаты в депутаты теперь зависят от милости Администрации президента. Парламент стал не местом для дискуссий, а конторой по штампованию правительственных законопроектов. Он не выполняет свою важнейшую функцию — не контролирует исполнительную власть и президента. Счетная палата, изначально созданная, чтобы помогать в этом парламенту, фактически переподчинена президенту и правительству. На выборах — повсеместная фальсификация протоколов, подтасовка результатов. И не один карманный суд не помогает гражданам этому безобразию противостоять. Политические деятели и прежде всего сам Путин беззастенчиво лгут людям, стараясь понравиться самым отсталым слоям населения. Телевидение превратилось в фабрику лжи, зомбирует население, внушает людям ненависть к Европе и США.

Наши системные «оппозиционеры», представленные в Госдуме, лишь имитируют оппозицию. Для них избрание в Думу — заветная близость к власти, надежда на неприкосновенность от наездов силовиков, возможность сорвать куш, поддержав правительственный законопроект. Партии, действительно находящиеся в оппозиции правящему режиму, стремящиеся изменить прогнившую насквозь коррупционную систему, не регистрируются и не допускаются к выборам.

Авантюра с аннексией Крыма и поддержкой сепаратистов самопровозглашенных ДНР и ЛНР привела к изоляции России от всего мира. С нами солидаризируются только страны вроде Северной Кореи и Венесуэлы. А нам твердят с экранов телевизоров об особой российской цивилизации, которой не нужен опыт Европы, Южной Кореи, США или Канады. Лгут. Не особые обстоятельства, не своеобразие культуры, а корыстные устремления чиновников привели Россию к отказу от институтов демократии, от политической конкуренции и опыта развитых стран. «Новые дворяне» в стремлении сохранить свою властную монополию перешли к принятию репрессивных законов, к уголовному преследованию лидеров реальной оппозиции, к шельмованию оппонентов. И опираются в этом на самые отсталые, зависимые от государственных подачек социальные группы. В итоге за годы правления Путина и его местоблюстителя Медведева в России окрепла монопольная власть бюрократии, система кормления народом чиновного сословия.

Для ухода от «капитализма для своих» необходимо, прежде всего, изменить менталитет, культуру *народа. Именно в нашей первобытной культуре — истоки российского авторитаризма. В*

России, как в первобытном племени, вся власть и ресурсы концентрируются у вождя. Он определяет, когда идти на охоту, а когда воевать с соседним племенем. И даже если ошибается и наступают трудные времена, племя по-прежнему теснится вокруг вождя. Ловкие стремятся войти в «ближний круг», надеясь на его милость. Остальные славят вождя, полагая, что и им что-нибудь перепадет. Такая логика отношений и сегодня господствует среди дикарей в дебрях Амазонки. Но и мы, россияне, считающие себя людьми цивилизованными, тоже продолжаем жить с этими первобытными инстинктами.

Фонд ИНДЕМ задал провокационный вопрос: «Согласны ли вы с тем, что у президента должно быть право отменять судебные решения, если они вредят интересам государства?». Содержание вопроса противоречило Конституции, но большинство опрошенных ответило положительно. То есть люди считают, что даже если суд на основании закона вынес свое решение, то президент вправе его отменить. Его указание сильнее закона. И чем мы отличаемся от первобытных людей, которые понятия не имеют о праве? Посмотрите, как много в стране поклонников тирана Сталина, как послушно наше население воспринимает лозунг дня: «Нет Путина — нет России!».

«Естественное» государство, или «Капитализм для своих»

У нас в стране (России) имеет место чисто бандитская круговая порука под названием «своих не сдаем».

Артемий Троицкий

В середине 1990-х меня мучил вопрос: что же мы сделали не так, что не учли? Почему вместо конкурентного рынка и среднего класса у нас вырастает чиновничье-криминальная вертикаль? Понять происходящее помогло чтение работ по институциональной экономике.

Строй, сформировавшийся сегодня в России, ученые называют по-разному: «естественное государство», «капитализм для своих», «олигархический капитализм», «бюрократический капитализм», «рентоориентированная экономика». Маркс называл его «азиатским способом производства». Как этот строй ни называть, суть одна: административная власть первична, а права собственности вторичны, без «крыши» со стороны власти бизнес невозможен, следовательно — частная собственность условна. Есть мэр Лужков — есть и очень богатая женщина, его жена Елена Батурина, нет Лужкова — закончился успех этой business-woman в нашей стране. Чужаков на рынок, а тем более к кормушке госзаказов — не допустят. Власть и собственность связаны тесными узами, по сути, слиты. Именно привычной для россиян условностью прав собственности, господством административного ресурса объясняется низкий уровень конкуренции в нашей стране. Но ведь только конкуренция двигает прогресс. Нет ее — и стране гарантирована отсталость.

Авторитарная власть, системная всепроникающая коррупция и зависимость бизнеса от «крыши» чиновников — суть неправового «естественного» российского государства. Можно прописать в Конституции самые правильные нормы, но они ничего не стоят, если их применение условно и выборочно, если «своим» позволено всё, а чужим уготован произвол. Такое беззаконие выгодно вороватым чиновникам и их бизнес-партнерам, оно — следствие их корыстных экономических интересов. И, пока в стране господствует этот «азиатский способ производства», Россия правовым государством не станет.

А раз так, то кто будет инвестировать в бизнес, если завтра

его могут отобрать чиновники в погонах? В таких условиях отечественные предприниматели опасаются делать в России долгосрочные вложения, стремятся поскорее вывести капитал из России, а свои фирмы поставить под европейскую юрисдикцию. Только в 2014 году из России было выведена астрономическая сумма в 120 млрд долларов. Практически все крупные частные фирмы зарегистрированы за рубежом, где надеются на защиту независимого суда.

Но произвола и экспроприации опасаются и иностранные фирмы, они не хотят инвестировать в Россию и делиться с нами передовыми технологиями. По заключению Political Risk Atlas 2011 (карта политических рисков для ведения бизнеса в мире, в которой ежегодный индекс инвестиционных рисков рассчитывается для 196 стран), Россия находится среди государств с «чрезвычайно высокими» политическими рисками и самой нестабильной бизнес-средой. Первое место списка занимает Сомали, за ней следуют Конго и Судан, непосредственно перед Россией в рейтинге — Пакистан и КНДР. Поэтому в нашу страну почти не идут прямые иностранные инвестиции, несущие с собой передовые технологии. Зарубежные фирмы еще могут наладить в России отверточную сборку автомобилей, но опасаются переводить конструкторские подразделения, рисковать патентами, ноу-хау, ставить под удар основу своего бизнеса. Зайдите в компьютерный магазин и попробуйте найти там продукцию российского производства, с российскими корнями. Ничего не найдете. Мы сегодня ничем не отличаемся от самых отсталых стран Африки, все разговоры представителей путинской команды о возрождении отечественного промышленного производства — утопия. Для этого нет условий, нет гарантий для предпринимательской активности. А госкомпании, как показал опыт СССР и годы путинского царствования, способны только разворовывать собранные с населения налоги. Страна, из которой бежит капитал и уезжают самые предприимчивые и образованные люди, в наш век не имеет будущего.

Для понимания происходящего в России полезно остановиться на современных представлениях институциональной экономики о происхождении и природе «естественного» государства, роли насилия в истории его становления[24]*. Государство можно определять, как большую организацию (организацию организаций), которую создали правители и люди, проживающие на определенной территории. Эта организация живет по правилам, часто неписаным. Правила и порядки могут меняться плавно или жестко — в форме смут и революций. Только в XX веке народ России дважды разрушал имперскую и советскую модель российского*

«естественного» государства, но позже на месте разрушенного создавал его копию.

Государство как организация выполняет две основные функции. Во-первых, принуждает граждан к исполнению законов и иных норм поведения и попутно разрешает споры, для чего создает суды. Тех, кто не исполняет законы и указания государственных начальников, наказывают.

Во-вторых, с помощью военных, то есть «специалистов по насилию», охраняет население от набегов соседей и притязаний других государств. Власти проводят определенный политический курс (территориальная экспансия, как у Гитлера и его генералов; насаждение социализма, как у Сталина и его номенклатуры; быстрое развитие страны, как у современных Китая и Южной Кореи).

На Руси понятие «государство» издревле связывалось с владениями конкретного правителя. Им был князь, хан или царь. То были именно «естественные государства», которые возникли из естественного желания властителя и его дружинников собирать ренту-дань с населения. Если кочевники, совершая набег и ограбив селян дочиста, обрекали их на голодную смерть, то князьям и ханам хватало сил принудить податное население платить ренту-дань регулярно. Это было выгоднее.

Получая ренту-дань, княжеские дружины защищали крестьян от набегов, то есть говоря современным языком, не просто наживались, но и оказывали услуги охраны. Сбор дани был рутинным делом. По преданию, князь Игорь пошел за данью к древлянам, собрал, показалось мало. Вернулся за добавкой и был убит. Позже татаро-монгольские ханы повелели пересчитать всех русских данников поголовно и поручили русским же князьям сбор и доставку ее в свою столицу Сарай.

В современных «естественных государствах», а их на планете подавляющее большинство, доступ к любым ресурсам и любому виду деятельности — земледелию, охоте, добыче ископаемых — требует согласия власть имущих. За него приходится платить официальные налоги (которые частично разворовываются приближенными к власти) и давать неофициальные взятки-откаты. Не только открыть магазин или построить предприятие, но даже издавать газету, зарегистрировать партию или некоммерческую организацию можно только с соизволения властителя — президента, губернатора, высокопоставленных чиновников администраций.

Один из столпов институциональной экономики Мансур Олсон назвал властителей «естественных» государств «стационарными бандитами»[25]*. Для нынешней России — это вовсе не метафора.*

Как сообщалось в прессе, губернатор Приморья Сергей Дарькин после убийства авторитетного вора Баула «унаследовал» воровской общак и жену вора.

Важно подчеркнуть, что в «естественном» государстве демократические институты — выборы, подотчетность — всегда бутафория. Можно написать в Конституции: «Народ — сточник власти», но и мы, и жители Уганды, Зимбабве или Конго понимаем, что это ложь. Источник власти — люди с автоматами Калашникова, готовые без раздумий исполнить приказ верховного правителя.

Низкое качество государственного управления в «естественном» государстве влияет на уровень жизни каждого из нас. Россияне платят за продукты и товары на треть больше, чем жители Турции, Латвии, Эстонии или Грузии. Обед в Петербурге стоит в 1,5 раза дороже, чем в Вильнюсе. Цены на качественные лекарства в России выше, чем за рубежом. И это при том, что минимальная зарплата в России составляет 109 евро, а в Бельгии — 1387 евро, в Ирландии — 1462 евро. Высокие цены и низкая зарплата — следствия насаждаемого бюрократией монополизма и коррупционного налога, который вынуждены платить чиновникам предприниматели. Они включают этот налог в цену.

Как чиновники распоряжаются собранными с нас налогами? Почему не строятся автобаны через Сибирь? Царь в начале прошлого века смог заключить с частными фирмами контракты и построить транссибирскую магистраль, а мы спустя 100 лет не в состоянии проложить асфальтированную дорогу до Владивостока. Китай за последнее десятилетие построил в 10 раз больше дорог, причем высочайшего качества. Зато мы тратим несчетно на нужды госкорпораций, которые не контролируются ни депутатами, ни рынком. Трамплин в олимпийском Сочи имел сметную стоимость 1,5 млрд рублей, а обошелся казне в 8 млрд.

Планируется строительство газопроводов в Китай, которые по подсчетам экономистов ни при каких условиях не могут окупиться. Цель такого строительства — распил бюджетных средств, обогащение «своих». В такие «черные дыры» уходят деньги налогоплательщиков. Это пародия на нормальное государственное управление.

Ключевая причина низкого качества госуправления в «естественных» государствах — отсутствие политической конкуренции, а значит, контроля чиновников со стороны избранных народом представительных органов, а также самого населения.

Негативная селекция

При демократии дураки имеют право голосовать, при диктатуре — править.

Бертран Рассел

При положительной селекции к власти приходят самые умные и предприимчивые. В условиях негативной селекции наверх пробираются те, кто сумел проявить максимум изворотливости, хитрости, нахрапистости и лояльности к начальству. Кто успешно организовал сбор дани с подведомственной территории и «правильно» делился ею с вышестоящими. Как правило — люди аморальные. Об уровне квалификации речь не идет, разве что о пресловутой политической стабильности, то есть умении затыкать рот несогласным.

Яркий пример негативной селекции, отбор во власть жуликов и воров по критерию лояльности демонстрируют трагические события в станице Кущевка Краснодарского края. В ней милиция и местная власть срослись с бандой Цапков. Как и положено в мафиозных структурах, главарь клана Сергей Цапок решал все вопросы на любом уровне. Когда начальника районного Управления по борьбе с организованной преступностью хотели выгнать за развал работы, Цапок решил его проблему одним звонком. Захотел — стал депутатом. На фотографии, сделанной на приеме в Кремле, Цапок стоит среди окружения тогдашнего президента Дмитрия Медведева. Губернатор Краснодарского края Александр Ткачев многие годы фактически оказывал ему поддержку: не слышал жалобы жителей района, не принимал мер против слившихся в экстазе правоохранителей и бандитов. Но беда в том, что Россия при Путине превратилась в одну большую Кущевку. По расчетам, численность чиновно-криминального сословия, живущего за счет дани с предпринимателей превысила сегодня 10 млн человек. Это больше, чем класс помещиков и дворян в царской России.

А теперь сравним нашу селекцию с селекцией в Швеции или Финляндии. Ключевое отличие — честные выборы и активность избирателей. Там люди верят, что именно от них зависит, кто будет во власти и как избранник станет служить народу. А поскольку жители не враги себе, то «Цапка» они депутатом или мэром не изберут. Напротив, выберут самого честного и квалифицированного. Вы спросите, откуда они это знают? От

журналистов свободных СМИ, из критических статей представителей конкурирующих партий. Да и сами партии дорожат своей репутацией, стараются очищаться от жуликов. Большую роль играет система финансирования партий, их участия в избирательных компаниях. Например, в Латвии, после расследования, проведенного KNAB (Национальное бюро по борьбе с коррупцией), местные олигархи потеряли возможность финансировать партии и подкупать журналистов. В результате олигархические партии уже не представлены в Сейме. Там заседают лишь представители тех партий, которые профинансировал сам народ своими небольшими взносами и пожертвованиями.

Бывают ли у шведов или финнов проколы? Бывают. Но исключения лишь подтверждают правила. Система народовластия работает, тех, кто обманул ожидания народа, из власти с позором изгоняют.

Негативная селекция касается и «двигателей прогресса» — предпринимателей и ученых. Социологические опросы показывают, что россияне не считают, что на родине они сами и их имущество в безопасности. 68 % россиян с доходами выше среднего хотят, чтобы их дети учились и работали за границей, 37 % — чтобы они постоянно жили за границей. За последние 10 лет на Запад выехало более 1 млн россиян — самых умных, образованных, предпришмчивых. Уезжают бизнесмены и ученые. Назову только тех талантливых экономистов, с кем был знаком лично. Это К. А. Бендукидзе — предприниматель и грузинский либертарианский политик, филантроп, основатель Фонда знаний, ректор Российской экономической школы — С. М. Гуриев, проректор Высшей школы экономики Сергей Алексашенко. Англичане мрачно шутят, что Лондон скоро станет русским городом.

За 20 последних лет из России утекли сотни миллиардов долларов. Капиталы, которые могли быть вложены в российскую науку и промышленность, осели на счетах зарубежных банков, вложены в акции зарубежных компаний. Люди не верят в сохранность своих сбережений в стране, где власть толкует закон в свою пользу. Широко известно дело Сергея Магницкого, но в российских тюрьмах сидят тысячи предпринимателей, вина которых состоит лишь в том, что они не захотели отдать свой бизнес людям в погонах.

О качестве государственного управления, о квалификации власть имущих, красноречиво говорит структура нашего импорта. За последние десятилетия Россия стала сырьевым придатком не только Европы, но и Китая. Если в конце 1980-х годов в российском экспорте в Китай продукция обрабатывающей промышленности

составляла 22 %, то сегодня — лишь 2 %. Мы поставляем в Китай сырье и энергоносители, а ввозим оттуда всё. Говоря словами Василия Мельниченко: «Россия производит впечатление великой державы… и больше ничего не производит». Но быть сырьевым придатком чрезвычайно опасно. Сегодня, когда упали цены на нефть, мы это почувствовали на себе.

Страна стремительно скатывается в глубочайший экономический кризис. Снижение курса рубля привело к потере населением более трети его сбережений. «Затокрымнаш» вызвал экономические санкции и закрытие для российских компаний финансовых рынков Европы и США. Фонда национального благосостояния надолго не хватит. Валюты, как и в начале 1990-х годов, в стране не будет, а ведь значительную часть продуктов мы ввозим из-за рубежа. За президентскую авантюру, горячо поддержанную простым народом, мы расплачиваемся ростом цен на продукты, импортные товары и коммунальное обслуживание.

Властная элита надеялась, что высокие цены на нефть продержатся еще лет 30–40, что вероятность их обвала ничтожна. Но разве можно пренебрегать ничтожной вероятностью, если речь идет о судьбе целого народа? Посадив страну на нефтяную иглу, Путин и его правительство ничего не сделали, чтобы сохранить и модернизировать нашу промышленность. А ведь был пример Норвегии, которая сложила нефтяные доходы в Фонд будущих поколений с одной целью — избежать «нефтяного проклятья», то есть роста доходов, не обеспеченного ростом производительности труда и конкурентоспособности промышленности.

Но нашим «новым дворянам» нужно было обогащаться здесь и сейчас. Плоды их политики мы пожинаем сегодня. Вывезенные из России сотни миллиардов долларов вложены в предприятия и банки развитых стран. А стране теперь нужна новая индустриализация. Где взять на нее средства? Вернуть их, объявив амнистию наворованного, как предлагает президент? Напрасные надежды. Даже уворованное люди предпочитают хранить там, где есть гарантии собственности. Значит, Путину предстоит повторить сталинский маневр, превратить страну в осажденную крепость и строить заводы за счет обнищания народа? Согласится ли на это народ? Может, благо исторический опыт нищеты у россиян есть.

Можно ли надеяться на чудо, на то, что цены на нефть опять подскочат и вернутся «сытые годы». Мир стоит на пороге газовой революции. Резкий рост мощностей по сжижению газа и развитие новых методов его транспортировки неизбежно приведут к падению цен на газ. Уже сегодня цены на него снизились в США и

Канаде, доходы «Газпрома» от экспорта газа в Европу упали. Цена газа привязана к цене нефти. Стремительно развиваются и возобновляемые источники энергии. Объем выпуска солнечных батарей в мире растет ежегодно на треть — это ошеломляющие темпы. Разработан проект покрытия солнечными электростанциями всей пустыни Сахары, что обеспечит большую часть энергетических потребностей Европы.

Приведет ли нынешний кризис к социальным потрясениям? Сказать трудно. Наш народ очень терпелив, большинство привержено вождистской подданнической культуре. Но если грянет русский бунт, бессмысленный и беспощадный, то власть имущие, построившие себе виллы в Европе, улизнут от народного гнева на заранее подготовленные аэродромы. А расхлебывать результаты своей политической пассивности будет народ.

Раздвоение нашего сознания

Каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает.

Жозеф де Местр

Как ни печально это признавать, наш народ в массе своей аморален. Доказательством этому служит поведение десятков тысяч учителей, привлеченных в избирательные комиссии. Все они — свидетели подтасовок и фальсификаций в угоду «Единой России». Они знают, что это плохо, даже уголовно наказуемо. Но лишь один учитель — жительница Петербурга нашла в себе смелость выступить «против». За что тут же была уволена.

Отказ от коммунистической утопии и рыночные реформы смыли с нас социалистическую мораль, а под ней оказалась мораль первобытная. Одни получают взятки и откаты при заключении договоров, другие послушно фальсифицируют протоколы в избирательных комиссиях, третьи за несколько сотен рублей идут на пропутинский митинг, четвертые воруют в магазинах самообслуживания и так далее. Сбором дани и воровством пронизано все наше общество, а не только госструктуры. Это норма жизни, «все так делают». Коррупция и хищения приняли за последние годы такие масштабы, что с ними соприкасается, а значит, мирится каждый.

Выходит, наша проблема не только в авторитаризме Путине и его команды коррумпированных чиновников-бизнесменов, проблема в нас самих, в наших мечтах о цивилизованной жизни и, одновременно, в желании разбогатеть любой ценой, «живем-то один раз». Но нельзя построить народовластие на подкупе и лжи, нельзя создать конкурентный капитализм на взятках и откатах. Нужно жить и богатеть честно. Это понимание не может быть основано только на страхе наказания, оно должно проистекать из внутренней убежденности.

Конечно, когда лжет президент, лгут министры и высокие начальники, когда нагло врет телевизор, честность выглядит чем-то странным. Она может быть «где-то за бугром», но не у нас. Будучи в Англии, я поразился местным нравам. Продавец яхты, договариваясь с покупателем о цене, ошибочно ее занизил. Причем их договор был устный и без свидетелей. Через два дня, разобравшись с ценами, он расстроился, но был абсолютно уверен, что обязан выполнить договоренность, так требует его честь. И

что любой англичанин на его месте поступил бы также. Согласитесь, странно такие речи было слушать русскому человеку.

Представления россиян о «должном», их жизненные установки не вписываются в мировой тренд развития. Мы всё ищем свой особый путь, который почему-то всегда заводит нас в кровавое бездорожье. Мы не готовы признать равенство людей перед законом, у нас сильный — всегда прав. Указания начальства важнее закона. А своих, даже преступивших закон, мы не сдаем. Мы слышали, конечно, что в странах, где люди живут по закону и все равны перед судом, жить лучше, комфортнее, безопаснее. И посему считаем, что в принципе так и должно быть. Но это только в принципе. А по душе нам правило «Победителей не судят!». То есть прав тот, у кого связи, деньги, административный ресурс, закон же — не более чем декорация.

В Европе и США люди верят в то, что способности и усилия человека, в конечном счете, определяют его положение. Там типичная история коммерческого успеха — это история новинки, которая понравилась потребителям и стала залогом благополучия изобретателя и предпринимателя. Вспомните Билла Гейтса, Стива Джобса. А у россиян предприимчивость и деловитость в рамках закона вытесняются тягой к богатству любой ценой. Разговорился с женщиной — агентом фирмы, поставляющей томографы в Россию. Наивно выразил надежду, что конкурсы на поставки оборудования по госзаказам позволят обуздать коррупцию. Она рассмеялась и пояснила алгоритм грабежа. К главврачу больницы является представитель фирмы и уговаривает написать заявку на томограф. Главврач возражает: «Пустая затея, не удовлетворят, район у нас маленький. — Не волнуйтесь, мы все сделаем». И делают. Представитель фирмы везет подписанную заявку в областной департамент здравоохранения. Там за взятку ее включают в общую заявку области и направляют в Минздрав. В его кабинетах представитель фирмы дает откат — и заявка выставляется на тендер. При этом в ней указывается какое-то надуманное требование, которому удовлетворяют лишь томографы данной фирмы. И они, естественно, оказываются вне конкуренции. Сверхприбыль при такой технологии составляет треть рыночной цены томографа, так что откаты окупаются с лихвой.

Интересно, что с частными клиникам такой маневр не удается. Те знают, сколько реально стоит томограф и какие требования к нему надо предъявлять. Но почти три четверти россиян не принимают частной собственности на предприятия, отрицают капитализм и бизнес.

Наше общество страдает раздвоением сознания. Оно

ненавидит вороватых чиновников и поддерживает главного чиновника — президента. Оно готово простить ему и рост цен, и неуважение к России всего мира. Общество презирает коррумпированное до предела государство и продолжает его обожествлять, надеяться на него во всем. Людям хочется видеть Россию великой, но у них доминирует пацанский подход: «СССР боялись — значит, уважали». А то, что достойная жизнь граждан любой европейской безъядерной страны дает намного больше оснований для уважения, — нам это непонятно. Может быть, пора перестать быть пацанами и повзрослеть?

Пример раздвоения нашего сознания — отношение к взяткам. Мы убеждены, что жить без них лучше. Но опросите своих знакомых, что они предпочтут: откупиться взяткой от гаишника или лишиться прав за грубое нарушение на несколько месяцев? Я пробовал. Все предпочли откупиться!

Мы не любим предприимчивых, считаем их аморальными выскочками. Мы уверены — если богат, значит, украл. То, что человек может в условиях свободы и рынка разбогатеть, производя нужные и полезные вещи, не укладывается в наших головах. Естественно, всякий, кто поднимет революционное знамя борьбы с богатыми, может рассчитывать на поддержку масс. Мы ведь в большинстве за уравниловку, живем в социалистическом прошлом и мыслим его категориями — идеализируем СССР. В сознании большинства россиян Борис Ельцин и его политический оппонент Михаил Горбачев остаются могильщиками великого Советского Союза, а не людьми, пытавшимися поставить Россию на магистральный путь мировой цивилизации, вывести ее из тупика, куда ее задвинули Ленин, Сталин и партноменклатура. Налицо кризис общества — психологический, мировоззренческий, моральный.

Раздвоение сознания проявляется во всем. 84 процента говорят, что доверяют Путину как нашему символу, как флагу. Во всех проблемах страны винят США, Саудовскую Аравию, Европу, одним словом, внешних врагов. Но одновременно люди не доверяют путинскому рублю, не доверяют путинским чиновникам — ни в одном практическом вопросе, касающемся их лично. Паника при обмене рублей на доллары в середине декабря 2014 года — тому свидетельство. Как будто они о Путине и о реалиях своей жизни думают разными полушариями мозга. Понятно, что такая шизофрения до добра не доводит.

* * *

Как же нам с нашими жизненными установками стать частью развитого мира? Как преодолеть чудовищную деформацию общественного сознания? И что может спасти Россию от самой себя? Уверен — только системные меры. Сначала радикально меняются условия жизни и бизнеса, стимулы, ограничения, мотивация граждан, потом формируются привычки и лишь через годы возникают моральные запреты на противозаконные деяния.

Надежду дает опыт двух Германий и двух Корей. Исходные культурные установки народа в каждой паре стран были идентичными. Но как разошлись траектории их развития! Мы больше знаем о том, как целенаправленно немецкие реформаторы преодолевали вождистскую, подданническую культуру западных немцев, как пытались привить им культуру гражданского участия. И как, напротив, вождизм насаждался советскими наместниками в ГДР. И знаем, что из этого вышло. Так может, когда придет время, следует использовать опыт ФРГ и Южной Кореи для реформирования российской культурной матрицы? Чтобы наше «должное» соответствовало «должному» народов развитых стран?

Трансформации менталитета нашего народа могут помочь общенародные проекты, способные увлечь миллионы. Дмитрий Быков предложил в качестве такого проекта создание лучшей в мире системы образования. А почему бы и нет?

Если прекратить закапывать деньги в землю, разгоняя гонку вооружений и обогащая продавцов смерти, если создать школы, гимназии, вузы, использующие все лучшее, что есть в мире, если охватить этой системой все подрастающее поколение, то мы скоро получим другой народ! И наши дети будут востребованы во всех странах мира. А их мамы и папы, я уверен, будут готовы даже на определенные материальные жертвы, чтобы достичь такой благородной цели.

Государства свободного доступа

В демократических странах каждое новое поколение — новый народ.

Алексис де Токвиль

За два последних столетия на планете появились государства, в которых установился порядок свободного, рыночного доступа граждан к ресурсам и различным видам деятельности. Их всего два десятка, и все они развитые.

Если граждане этих государств имеют сбережения или могут получить кредит для своего бизнеса, если они не нарушают законы и правила, то они вправе учреждать и развивать предприятия без каких-либо соизволений власть имущих. Они не платят за «крышу», а ограничиваются лишь уплатой официальных налогов. Причем собранные налоги не «пилятся» чиновниками, так как работает жесткий парламентский и общественный контроль. Проще сказать, что налоги в этих государствах не включают в себя дань власть имущим.

В развитых государствах свободного доступа норма Конституции «народ — единственный источник власти» — совсем не фикция. Люди действительно воспринимают и своих представителей — депутатов парламента, и чиновников — госслужащих именно как нанятых ими координаторов общественной жизни, не более. Граждане уверены в своем праве сместить любое неугодное им правительство, а если оно будет сопротивляться — выйти на майдан или взять в руки оружие.

Политическая и рыночная конкуренция в этих странах создала мощные стимулы развития. В них, в отличие от России, собственность и власть реально разделены. Не надо быть князем или губернатором, чтобы стать богатым. Достаточно иметь талант и быть предприимчивым. Это у нас министры и депутаты, их жены, дети, родственники и друзья богатеют благодаря своему положению и связям. А бывший премьер-министр Канады, например, вступил в должность, проживая с семьей в двухкомнатной квартире, и покинул свой пост, имея только эту квартиру. Для нас это просто нереально.

В государствах свободного доступа — надежные гарантии частной собственности и исполнения договорных обязательств. Без этого развитие высокотехнологичных и капиталоемких производств было бы просто немыслимо. Именно гарантии

собственности и порядок свободного доступа сделали государства Запада развитыми и богатыми. Никакие государственные проекты и финансовые вливания не могут соперничать с инициативой и предприимчивостью миллионов заинтересованных и уверенных в своих правах людей.

В этих странах принята процедура честных выборов органов власти. По определению Йозефа Шумпетера, демократия — это такие правила (общественные институты), при которых люди в конкурентной борьбе за голоса избирателей приобретают власть для принятия политических решений. При этом права меньшинства, права инакомыслящих гарантированы. Их митинги не разгоняют, их не сажают по сфабрикованным «болотным» делам в тюрьмы. Они имеют возможность отстаивать свое видение путей развития общества. И часто меньшинство, став большинством, меняет политический курс государства.

Права человека, данные ему от рождения, в таких государствах соблюдаются на деле, граждане защищены от произвола власти независимым и справедливым судом. Там действует закон, а не указание начальства. Именно поэтому наши состоятельные люди, включая высокопоставленных чиновников, выводят туда капиталы, скупают недвижимость и отправляет жить свои семьи. Сложилась парадоксальная ситуация, когда наша высшая бюрократия заинтересована в отсутствии гарантий собственности в России (это позволяет им обогащаться) и одновременно жаждет надежности таких гарантий в европейских странах (что позволяет им сохранить наворованное).

России перенять институты «открытого доступа» и демократическую форму государственного устройства непросто. Заимствованные у развитых стран общественные институты на начальных этапах нередко работают плохо. Процессы демократизации и рыночные реформы сопровождаются экономическим спадом и такими перекосами, что между ожиданиями населения и реалиями новых демократий образуются огромные «ножницы». Поэтому и возникают псевдодемократические режимы, где формально проводятся выборы и на бумаге предусмотрено разделение властей. В них «как бы» демократия, но реалии жизни свидетельствуют — это бутафория. Такие режимы не движутся в сторону подлинной демократии. Это стабильные авторитарные режимы с правителем и партией-гегемоном во главе, без реальной политической конкуренции. К гибридным псевдодемократическим режимам ученые относят и Россию начала XXI века.

Уход от «капитализма для своих», от «естественного государства» пора внести в политическую повестку дня. К

сожалению, большинство «рассерженных горожан» сегодня полагает, что главное — сменить людей во власти. Необходимость изменить менталитет россиян, их представления «о должном», заимствовать и укоренить европейские нормы жизни остаются вне их помыслов и ожиданий. Но экономика и общественные институты останутся прежними, если не произойдут изменения в массовой культуре, в глубинных архетипах нашего сознания, в политике, в понимании народом «что такое хорошо, что такое плохо?».

Каковы же те системные меры, которые, на мой взгляд, нам предстоит предпринять, чтобы уйти от проклятия «естественного» государства? Назову их, опираясь на опыт Японии, Южной Кореи, Сингапура, Грузии, Эстонии, отчасти Литвы и других стран, которым удалось уйти от диктата бюрократии, обеспечить правовые гарантии инвестициям, обуздать коррупцию и встать вровень с европейцами.

Прежде всего, потребуется интенсивное «промывание мозгов». Ничего страшного в этом нет. Народы, переходившие от феодализма к буржуазному обществу, в школах, университетах, в СМИ, так или иначе, делали именно такое промывание. Вспомним, как американцы вместе с прогрессивными немцами боролись в ФРГ с подданнической культурой, насаждали зачатки гражданского общества. Если Путин и его люди использовали телевидение для насаждения ненависти к братскому украинскому народу, посмевшему свергнуть коррумпированную власть, то почему его нельзя целенаправленно использовать в целях улучшения моральной атмосферы в обществе? Рассказывать об удачном опыте местного самоуправления, о том, как сами граждане противостоят дани и взяткам, как арестовываются и несут наказание коррупционеры и воры? Я убежден: без эффективного Министерства пропаганды нового образа жизни не достичь.

Важнейшим инструментом ограничения всевластия чиновничества и смычки его с бизнесом служит политическая конкуренция между политическими партиями. Только в условиях политической конкуренции возможен настоящий парламентский контроль исполнительной власти (правительства).

Мало пропагандировать порядок открытого доступа граждан к ресурсам и занятиям. Надо устранить административные барьеры, следуя правилу: конкуренция везде, где возможно, госрегулирование — только там, где без него не обойтись.

Во всех перечисленных странах введен контроль над законностью нажитого чиновником богатства. Применяется 20-я статья Международной конвенции по противодействию коррупции, в соответствии с которой если чиновник не может доказать

законность происхождения своих активов, они конфискуются (при этом важно избежать жесткого сопротивления реформам со стороны бюрократии). Для нашей страны полезно провести амнистию всех капиталов и всеобщее декларирование активов и только после этого вводить в практику 20-ю статью Конвенции. Многие с таким подходом не согласны, требуют сатисфакции. Но я считаю, что для будущего страны важнее избежать смуты и революции, крови и насилия. А это значит, что придется разойтись с «оседлыми бандитами» миром.

Но вернемся к практике стран, ушедших от «естественного» государства. Там после амнистии и декларирования активов использовали в борьбе с коррупцией провокации, предлагали взятки чиновникам и «крыши» предпринимателям. Это эффективный способ перевоспитания народа, но против метода провокаций выступает ЕСПЧ. Его судьи полагают, что гражданин должен отвечать только за преступление, совершенное по собственной инициативе, а провокация полиции противоправна, полиция мол, сама побуждает к преступлению. Тем не менее в Сингапуре, Грузии, на Тайване в борьбе с коррупцией по примеру США и Канады широко практикуются «контрольные закупки». Мое мнение — мы находимся в такой глубокой яме коррупции, что без провокаций наше общество не вылечить.

Как решили проблему продажных судей в указанных странах? В Сингапуре уволили всех судей и заменили их лучшими адвокатами, дали им огромные оклады, но всех поставили на прослушивание. В некоторых странах не допускают к судейской работе выходцев из полиции и прокуратуры. В Германии для судей из ГДР ввели запрет на профессию. Есть предложение поставить наши суды под начало международных судов.

В Японии 4 раза оккупанты-американцы увольняли всю полицию, пока не добились нужного поведения ее сотрудников. В Грузии тоже сменили всю полицию и создали полицейским стимулы к честной работе. Ввели коллективную ответственность полицейских и таможенников за коррупционные преступления. Переняли опыт США и обязали полицейских докладывать о противоправных действиях коллег. Если знал, но не сообщил — пойдет под суд. Могут уволить всю бригаду за укрывательство коррупционера.

Как уже отмечалось, в развитых странах имеет место свободный доступ граждан к информации об органах власти, что делает работу чиновников «прозрачной». При этом информирование гражданами органов власти о нарушителях законов и правил воспринимается как гражданский долг, за сообщения о фактах коррупции положены премии, ведь бдительные

люди не дают разворовывать общую казну. Кроме того, есть право на частное уголовное обвинение против подозреваемых в преступлении чиновников, что дает возможность активным гражданам самим бороться с коррупцией и воровством бюджетных средств. Мы этот институт уже обсуждали, как и право подавать в суд гражданские иски в защиту общественных интересов (иски в защиту интересов неопределенного круга лиц). Они тоже используется против смычки бизнеса и бюрократии. Такие иски проще частного уголовного преследования и позволяют материально стимулировать гражданскую активность за счет ответчика. Я возвращаюсь к этим институтам вновь и вновь потому, что это действенные лекарства от «капитализма для своих», от «азиатского способа производства». Всем, кто хочет сделать Россию развитым государством, о них надо помнить и понимать, как они работают.

Как там живут?

Невежда — это человек, который не знает того, что вы только что узнали.

Уилл Роджерс

Мы, россияне, справедливо гордимся своей литературой, театром и музыкой, достижениями в космосе. И порой не понимаем, насколько мы отстали в части знания о современных общественных институтах, действующих в развитых странах. Невежда не знает, что он невежда. Почему в прибалтийских республиках нет обманутых дольщиков? Как в Германии умудряются не допускать «распила» бюджетных средств? Могут ли граждане Великобритании, США, Канады привлечь к уголовному суду преступника без санкции и помощи прокурора? Мало кто в России может вразумительно ответить на подобные вопросы — даже сотрудники всевозможных институтов и университетов. Если мы хотим видеть Россию высокоразвитой страной, нам надо изучать обычаи, законы, правила, порядки развитых стран, которые и позволили им стать развитыми. Не преодолев «разруху в головах», не став более осведомленными, мы не сможем даже сформулировать программу назревших реформ, не ответим на извечный российский вопрос: что делать?

Для реальной модернизации страны нужно пропагандировать передовой опыт, причем понятным языком. Однако в нашей прессе редко можно встретить статьи о порядках в развитых странах.

К этому можно добавить, что избиратели должны учиться (а может быть, и этому надо учить) понимать, что им предлагают партии и правительство. Иначе они будут голосовать на выборах «втемную», за внешность партийного лидера.

Вернемся к обманутым вкладчикам. Наши строительные компании еще 15 лет назад пролоббировали в Госдуме закон, который позволил им обманывать людей, внесших деньги на стадии строительства. Фирме, получившей на свой на счет деньги, строить не обязательно. Она может обналичивать средства через подставные фирмы, вывести за рубеж, объявлять фирму банкротом. Как показывает пример Сергея Полонского, посадить за это трудно.

А развитые страны используют простой механизм, гарантирующий исполнение строителями их обязательств. Покупатель квартиры, заключив со строительной организацией

договор, не вносит деньги на ее счет, а кладет на безотзывной аккредитив в банке. Строители спокойны — покупатель их не обманет, деньги уже в банке. Эти деньги банк может выдать строителям в виде кредита — под залог дома и строительной техники. Банк также контролирует ход строительных работ, через него ведутся платежи, он может отслеживать их назначение. Покупатель не вправе снять свои деньги со счета безотзывного аккредитива до окончания договорного срока строительства дома. После подписания сторонами акта приема-передачи построенной квартиры банк перечислит деньги с аккредитива на счет строительной компании. При такой схеме обманутых вкладчиков не бывает.

Этот же способ применяется для экономии бюджетных средств при заключении договоров с подрядными организациями. Средства по договору закладываются на безотзывной аккредитив, а строители строят за счет банковских кредитов и под залог своих активов. Возвели объект, сдали — получите. Никаких заниженных смет, никаких доплат. Если бы такая схема применялась в России, никто не посмел бы взвинтить стоимость строительства и трамплина в Сочи, и стадиона в Петербурге. Но российские власти ничего подобного не применяют, подряд по формально проведенному конкурсу отдается «своей» фирме, предложившей явно заниженную цену. Когда приходит время сдачи, цену корректируют.

Сознавая проблему дефицита информации о практике развитых стран, мы с коллегами в последние годы наладили выпуск небольших популярных брошюр серии «Что делать?». Их раздают на съездах партий, на конференциях, на митингах. Уже изданы «Гражданский долг по-нашему и по-европейски. Дорожная карта реформ», «Как прийти к демократии?», «Реформа полиции в Грузии и в России», «России — независимый и справедливый суд!», «Гражданам — правовое оружие для борьбы с коррупцией и обманом», «ДЕколлективизация. Как вернуть землю народу?», «Какой парламент нужен России?», «Какая армия нужна России?». Готовятся к изданию брошюры по решению жилищного вопроса, отделению религии от государства, обеспечению независимости СМИ и методов эффективного парламентского контроля. Брошюры выставлены на сайте «www.kaktam.info». Там же представлены переводные статьи об общественных институтах развитых стран. Придет время, и это будет востребовано.

Будущее зависит от каждого из нас

Можно ли надеяться на то, что возврат России на магистральный путь развития мировой цивилизации произойдет по требованию масс, столкнувшихся с резким ухудшением условий жизни? Да, социальные волнения возможны. Но произойдет ли модернизация страны? Чего захотят простые люди? Заимствовать институты развитых стран? Они им неведомы. Скорее, понадеются на нового вождя, который пообещает им манну небесную, а в бедах обвинит соседей. Боюсь, что впереди нам маячит популистский режим — типа боливийского или фашизм — вроде итальянского.

История не знает примеров, когда модернизация осуществлялась по воле низов. Они для этого слишком консервативны. Вспомним арабскую весну в Египте и Тунисе. Начавшиеся с требований рассерженных горожан устроить жизнь на европейский лад, покончить с произволом и коррупцией, они закончились тем, что на выборах победили фундаменталисты — «братья-мусульмане».

Успешная модернизация в разных странах проводилась прогрессивной частью элиты, осознавшей тупик, в который зашла страна. Пример Украины показывает, что мало возмущаться порядками «естественного» государства. Украина по Индексу восприятия коррупции находится на позорном 142 месте из 175. Это самая коррумпированная страна Европы (Россия на 139-м). Народ Украины, возмущенный коррумпированной системой власти, сверг Януковича. Но мало что изменилось, коррупция осталась. Нужен осмысленный запрос широких слоев на либеральные политические и экономические реформы. Однако проведение таких реформ требует качественно иной элиты. Вывод: пока не произойдет обновление российского истеблишмента, ничего хорошего нам ждать не приходится.

Нужны политическая воля новых лидеров и понимание широкими массами сути тех общественных институтов, которые предстоит заимствовать. Нужна поддержка населением реформ. Тогда придет время чрезвычайных политических решений, но это будет уже реальная борьба с коррупцией, с административной рентой, с «капитализмом для своих». Как скоро это произойдет? Не знаю. Но в наших силах это ускорить. Надо идти в народ, просвещать. Можно смеяться над моим призывом, вспоминать народовольцев, но иного пути нет. Люди должны осознать, что можно жить иначе. Нужны горизонтальные связи сторонников реформ, социально активных граждан. С ними надо обсуждать

инструменты грядущих реформ, проекты законов и программ. Делать, что должно, и не отчаиваться!

Об авторе

Филиппов Петр Сергеевич

• 1987–1990 гг. — заведующий отделом журнала «ЭКО», один из организаторов московского и ленинградского клубов «Перестройка», лидер умеренного крыла Ленинградского народного фронта, один из основателей «Демократической платформы в КПСС», член исполкома Социал-демократической ассоциации

• 1989–1990 гг. — координатор избирательных кампаний 1989 года (комитет «Выборы-89») и 1990 года («Демократические выборы-90») в Ленинграде

• 1990–1993 гг. — депутат Ленсовета и народный депутат РСФСР, член фракции «Радикальные демократы»

• 1990–1991 гг. — председатель комиссии Ленсовета по промышленности

• 1991–1993 гг. — председатель подкомитета по приватизации Комитета Верховного Совета РФ по вопросам экономической реформы и собственности

• 1989–1993 гг. — главный редактор газеты «Невский курьер», бюллетеня блока демократических фракций Верховного Совета РФ «Nota Bene» и сборников новых российских законов «Норма»

• 1992–1993 гг. — сопредседатель Республиканской партии РФ

• 1993–1994 гг. — руководитель Аналитического центра по социально-экономической политике Администрации президента РФ

• 1993–1995 гг. — вице-президент Российской ассоциации приватизируемых и частных предприятий

• 1996 г. — лидер организации «Гражданская инициатива», созданной с целью воспрепятствовать победе коммунистов на президентских выборах

• 1994–2000 гг. — президент Фонда информационной поддержки правовой экономики, ответственный редактор справочников «Социально-экономические проблемы России»

• 2008–2012 гг. — руководитель проекта «Уроки 90-х»

notes

Примечания

1

Паркинсон С. Законы Паркинсона; пер. с англ. Н. Трауберг / Сост. и авт. предисл. В. Муравьев. — М.: Прогресс, 1989.

Кюстин А. Николаевская Россия. — М.: Политиздат, 1990.

3

«Саюдис» — общественно-политическая организация (народное движение), возглавившая в 1988–1990 годах выход Литвы из СССР.

Гайдар Е.Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. — URL: http://www.ru-90.ru/content/publikacii-gaydar-smuti-i-instituti.

5

Москва. Осень-93: Хроника противостояния. — М., 1994. С. 254; О результатах экспертизы оружия участников событий 21 сентября — 5 октября 1993 года // Сборник документов и материалов Комиссии Государственной Думы по дополнительному изучению и анализу событий, произошедших в Москве 21 сентября — 5 октября 1993 года. — М., 2003. С. 378.

6

Москва. Осень-93. С. 147. Подробнее см.: Островский А. В. Расстрел Белого дома. — М., 2008. С. 305–310. В списке погибших и впоследствии скончавшихся от ранений, полученных в ходе событий 21 сентября — 5 октября 1993 года, установленных Комиссией Государственной Думы, значится 158 человек. (Сборник документов и материалов Комиссии Государственной Думы… С. 349–355).

Домбровски М. Причины распада рублевой зоны. — URL: http://www.ru-90.ru.

Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство: очерки истории ФСБ. — URL: http://knigosite.org/library/books/94995.

9

Леонид Лопатников работал в ЦЭМИ и преподавал на факультете журналистики МГУ, был автором «Экономико-математического словаря», выдержавшего 15 изданий в России и за рубежом. Позже написал книги «Перевал», «Экономика двоевластия», «От плана к рынку», «О Сталине и сталинизме. 14 диалогов».

Афанасьева О. В. Доступ граждан к официальной информации как государственный институт: социальные вызовы и институциональные инновации в условиях современности. — М.: РОССПЭН. 2014.

11

Лебедев В. Донос или информация? // Огонек. 2008. № 52.

Аболонин Г.О. Массовые иски. — М.: Волтерс Клувер, 2011.

13

Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. — URL: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4669884.

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: Дело. 2005. — URL: http://www.kaktam.info/2014/01/06/егор-гайдар-долго-время/.

15

Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России. — СПб.: Норма, 2011. URL: http://www.ru-90.ru/publikacii-gaydar-razvilki.

История новой России: очерки, интервью; под общ. ред. П.С. Филиппова. — СПб.: Норма, 2011. — URL: http://www.ru-90.ru/content/publikacii-trehtomnik-istoriya-novoi-rossii/

17

Травин Д. Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. — СПб/: Норма, 2010. — URL: http://www.ru-90.ru/content/publikacii-travin-ocherki.

Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. — СПб.: Норма, 2010. — URL: http://www.ru-90.ru/content/publikacii-bezborodov-perestroyka-krah.

Гайдар Е. Т. Смуты и институты: государство и эволюция. — СПб.: Норма, 2010. — URL: http://www.ru-90.ru/content/publikacii-gaydar-smuti-i-instituti.

Гайдар Е. Т. Гибель империи: Уроки для современной России. — М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — URL: http://www.litmir.net/br/?b=9333.

Лопатников Л. И. От плана к рынку: очерки новейшей экономической истории России. — СПб.: Норма, 2010. — URL: http://www.ru-90.ru/content/publikacii-lopatnikov-ot-plana-k-rinku.

22

Если бы президентом был ты. Для тех, кто хочет понять развилки новейшей истории России / Авторы-составители Филиппов П.С., Бойко Т.М., Берман В.Р. — СПб.: Норма. 2014. — URL: http://www.ru-90.ru/publikacii-esli-by-presidentom_byl_ty.

URL: http://www.ru-90.ru/tutorial/o-proekte.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. — М.: Институт Гайдара, 2011.

Олсон М/ Власть и процветание. — URL: http://www.liberal.ru/upload/files/Olson_Vlast.pdf; Олсон М. Возвышение и упадок народов. — URL: http://www.twirpx.com/file/1363024.